

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Проблемы истории и источниковедения
Ближнего Востока и Северной Африки
в Средние века и Новое время**

Москва
2023

УДК 930.85
ББК 63.3(5)/63.3(6)
П78

*Рекомендовано к печати
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор
к. и. н. Д. Е. Мишин, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
*д. и. н. А. И. Яковлев, ФГБУН ИВ РАН
д. и. н. Б. В. Долгов, ФГБУН ИВ РАН*

Авторский коллектив
*Асадов Ф. М., Валеев Р. М., Валеева Р. З., Илюшина М. Ю.,
Калинина Т. М., Кириллина С. А., Микульский Д. В., Мишин Д. Е.,
Орлов В. В., Соловьёва Д. В., Тимохин Д. М.*

П78 Проблемы истории и источниковедения Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время: колл. монография [отв. ред. Д.Е. Мишин] / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2023. – 264 с.

ISBN 978-5-907671-96-6

Монография, созданная коллективом учёных, охватывает широкий круг проблем, связанных с историей Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время. Хронологические рамки исследования – от доисламского времени до конца XIX в. Особое внимание уделяется взаимодействию арабо-мусульманского мира с другими странами, народами и цивилизациями, в частности с Россией. Книга предназначена для специалистов по истории Ближнего Востока и Северной Африки, а также всех интересующихся историей и культурой этих регионов.

ISBN 978-5-907671-96-6

УДК 930.85
ББК 63.3(5)/63.3(6)

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Д. Е. Мишин).....	3
Часть I. Средние века	9
Раздел 1. Политическая история.....	9
Глава 1. Отражение глобальных событий на региональном уровне: описание монгольского нашествия в составе арабо- персидских «локальных историй» (Д. М. Тимохин).....	9
Глава 2. Политика мамлюкских султанов в отношении бейликов центральной и юго-восточной Анатолии перед первой османо-мамлюкской войной (1453–1485) (М. Ю. Илюшина)	38
Раздел 2. Экономика.....	60
Глава 3. Таки ад-Дин аль-Макризи (1364–1445) о начале медного монетного чекана в Египте (по сведениям из трактата «Игасат ал-умма би-кашф ал-гумма») (Ф. М. Асадов).....	60
Раздел 3. Литература.....	77
Глава 4. Две арабские параллели к Библии (Д. Е. Мишин).....	77
Глава 5. Моря Севера Земли на картах и в описаниях арабских географов IX–XII вв. (Т. М. Калинина)	95
Часть II. Новое время	122
Раздел 1. Политическая история.....	122
Глава 1. Начало периода «Второго прямого турецко- го управления» в Ливии в труде Ахмад-бека ал-Ансари (время правления султана Махмуда II (1808–1839) (Д. В. Микульский).....	122

Глава 2. Алауты на пути к верховной власти (XVII–XVIII вв.): игра происхождения и успехов в джихаде (Д. В. Соловьёва).....	132
Глава 3. Алжиро-марокканское соперничество (XVII – начало XIX в.): религиозно- мистический аспект (В. В. Орлов).....	156
Раздел 2. Россия и Восток	180
Глава 4. Российские и немецкие ориенталисты в истории отечественного востоковедения первой половины XIX в.: академик Х. Д. Френ (Fraehn Ch. M. J.) и профессор Ф. И. Эрдман (Erdmann F. F. L.) и их арабо- мусульманские исследования (Р. М. Валеев, Р. З. Валеева, С. А. Кириллина)	180
Использованная литература	223
Сведения об авторах	256

Введение

Бездонная сокровищница средневековой и новой истории арабо-мусульманского мира в очередной раз одаряет нас собранием интересных, ярких эпизодов и сюжетов. Они многообразны, как многообразен сам уникальный мир Ближнего и Среднего Востока, и в то же время имеют важнейшее объединяющее начало – неразрывную связь с этим регионом. Именно поэтому авторы предлагаемой вниманию читателя книги, составляющие большой интернациональный коллектив, сочли возможным свести свои работы, посвящённые разным аспектам истории Ближнего и Среднего Востока, в единую монографию.

При всей условности, с которой мы применяем к Ближнему и Среднему Востоку категории «Средние века» и «Новое время», именно они, за неимением лучших, стали основой композиции этой книги. Однако нельзя сказать, что авторы руководствовались только хронологией, помещая главы, посвящённые более ранним периодам, вперёд. Средние века и Новое время составляют две части монографии, которые, в свою очередь, разделены на тематические блоки, такие как политическая история, экономика и культура. Часть, посвящённую Средним векам, открывает глава, подготовленная *Д. М. Тимохиным* и посвящённая важнейшему процессу в истории Азии – монгольским завоеваниям и их освещению в арабо-персидских «локальных историях», т.е. книгам об истории отдельных городов и местностей.

Уже само обращение к этим источникам очень важно: они содержат ценную, часто уникальную информацию, однако далеко не всегда находятся на первом плане в работе исследователя: их вытесняют знаменитые общие истории, такие как, применительно к монгольским завоеваниям, своды Ибн аль-Асира, Абу-ль-Фида и т.п. Здесь же мы видим заслуживающую всяческого внимания попытку их комплексного анализа. Рассмотрение «событийной» истории продолжается в главе, авторство которой принадлежит *М. Ю. Илюшиной*; речь в ней идёт о несколько более поздних событиях, связанных с политикой правителей мамлюкского Египта по отношению к небольшим государствам Анатолии.

Изучение истории Египта продолжается во втором разделе первой части, посвящённом экономике. Уважаемый представитель Азербайджана *Ф. М. Асадов*, сотрудничеству с которым очень рады все российские авторы настоящей монографии, исследует отдельные аспекты истории денежного обращения в Египте, основываясь ещё на одном источнике, который нечасто оказывается в центре внимания – трактате аль-Макризи (1363/4–1442) «Помощь верующим разъяснением причин бедствия» (*Игасат аль-умма би каишф аль-гумма*). Аль-Макризи, великий автор Средневековья, известен главным образом своими объёмными трактатами об истории фатимидских халифов и топографии Каира; здесь же читатель получает представление о его менее известной работе, посвящённой в основном экономической истории.

Внимание к источникам, свойственное всем упомянутым выше работам, характерно, разумеется, и для последнего раздела Первой части – «Литература». Он открывается представленным автором этих строк анализом параллелей между сохранившимися в средневековых источниках (но восходящих к куда более древним временам) арабскими рассказами и текстами Библии. Это те параллели, которые

удалось обнаружить и рассмотреть на настоящий момент; хотелось бы использовать эту возможность обратиться к читателю для того, чтобы пригласить его принять участие в дальнейших поисках. В другой работе, входящей в состав данного раздела, *Т. М. Калинина*, признанный специалист по средневековой исламской географической литературе, анализирует сохранившиеся в трактатах мусульманских авторов сведения о морях Севера Земли. Важным достоинством этой работы является то, что и в этом случае автор рассматривает редкие источники – данные картографии, которые исследуются в совокупности со сведениями повествовательных источников.

Вторую часть монографии открывает работа *Д. В. Миккульского*, посвящённая истории османского правления в Ливии в начале XIX в., как оно представлено в трактате ливийского автора Ахмад-бака аль-Ансари ат-Тарабулуси (ум. 1916) «[Книга, подобная] сладководному источнику об истории Западного Триполи» (*аль-Манхаль ал-‘азб фи тарих Тарабулус аль-Гарб*). Заметим, и в данном случае автор предлагает читателю не только историческое, но и источниковедческое исследование, подробно освещая то, как видел описываемые события автор трактата, принадлежавший к знати Триполи Ливийского.

Две другие работы, входящие в состав раздела, посвящены истории Марокко. *Д. В. Соловьёва* рассматривает политическую историю ранних Алауитов, предлагая на основании проведённого анализа оригинальную периодизацию истории их правления за период до конца XVIII в. Тему истории алауитского Марокко затем продолжает *В. В. Орлов*, который представляет подробное исследование об отношениях этого государства с османским Алжиром. Важным достоинством этой главы является то, что её автор не ограничивается только межгосударственными отношениями,

как это подчас случается в работах, посвящённых такой тематике, но анализирует и целый ряд других факторов – прежде всего роль местных центров силы, главным образом суфийских братств. Этот комплексный анализ позволяет, в частности, сделать важные наблюдения и о самих братствах, деятельность которых рассматривается в контексте межгосударственного соперничества.

Для российского читателя важнейшей частью истории Ближнего и Среднего Востока являются отношения стран этого региона с нашей страной. Предлагаемая читателю монография затрагивает и данную тему, причём в весьма интересном ракурсе – через историю научной деятельности двух востоковедов немецкого происхождения, Х. Д. Френа и Ф. И. Эрдмана, в России. Этот вопрос подробно анализируется в главе, которую подготовил авторский коллектив в составе *Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой и С. А. Кириллиной*. Нельзя не отметить, что и данная глава – при всей изученности истории российской науки – даст читателю много нового, так как во многом построена на неопубликованных архивных материалах.

Таким образом, данная монография во многом носит новаторский характер. Она в значительной части основана на материалах, недостаточно привлекавшихся к исследованию (или не привлекавшихся вообще), затрагивает целый ряд малоизученных вопросов. Всё это, как представляется, делает книгу полезной для учёного и интересной для читателя, не принадлежащего к научному миру. Именно такой хотели сделать её авторы, которые очень надеются, что им удалось хотя бы в какой-то части достичь этой цели.

ЧАСТЬ I

Средние Века

Раздел 1

Политическая история

Глава 1

Отражение глобальных событий на региональном уровне: описание монгольского нашествия в составе арабо-персидских «локальных историй»

Монгольское завоевание Центральной Азии и Ирана обладает, несомненно, обширной историографией, так что одно лишь перечисление входящих в ее состав исследований превысило бы все допустимые объемы, предусмотренные для авторов этой коллективной монографии. Однако, несмотря на популярность этой научной проблематики в российском и зарубежном научном сообществе, любые реконструкции событий, связанных с монгольским нашествием и его последствиями, чаще всего опираются на сведения из так называемых «больших нарративов» или мусульманских сочинений, написанных в жанре «всеобщей истории». Появление придворной монгольской историографии, начиная с сочинения Ата-Малика Джувейни «Тарих-и Джахан-гошай» [Ta' ríkh-i-Jahán-gushá, 1916; Genghis Khan, 1997], сформировало новый вариант традиции описания монгольских завоевательных походов и правления Чингиз-хана и его потомков, написанной чаще всего в жанре «династийных историй». Впрочем, характер сведений и масштаб описанных событий в обоих случаях представляется схожим: вне зависимости от авторских характеристик,

которыми награждаются завоеватели, мы можем наблюдать картину монгольского нашествия, в которой весьма схематично описана судьба тех или иных регионов и городов Ирана, а иногда и вовсе лишь упоминается их завоевание без каких-либо существенных деталей. Например, судьба Мавераннахра и Хорасана представлена в таких сочинениях в исключительных подробностях, однако дальнейшее развитие монгольской экспансии в 1220–1221 гг. в такого рода сочинениях связано либо с полевыми сражениями, либо с осадой и взятием монголами крупных городов, как это было в случае с рассказом мусульманских историков о восстании в Герате [Тимохин, 2020, с. 100–112]. При этом судьба отдаленных регионов и городов Ирана остается зачастую вне оптики авторов «больших нарративов», даже несмотря на то, что отдельные монгольские отряды действовали там уже в годы кампании Чингиз-хана против Хорезма (1219–1221) [Тимохин, 2022, с. 314–331]. В связи с этим исследователям следовало бы обратить большее внимание на мусульманские сочинения, которые можно объединить термином «локальные истории», т.е. истории городов и регионов, а также локальных династий. В такого рода текстах содержатся ценные сведения о монгольских завоевательных походах, которые либо были неизвестны авторам «больших нарративов», либо не включены в их состав ввиду «малой значимости». Однако для полноценной реконструкции монгольского нашествия и его последствий необходимо учитывать сведения и из «локальных историй». В связи с этим мы в рамках данной главы хотели бы обратить внимание на некоторые примеры такого рода исторических сочинений и обозначить те ценные сведения о монгольском нашествии, которые в них содержатся.

Само понятие «локальная история» было раскрыто весьма любопытным образом в одной из работ Клиф-

форда Эдмунда Босворта, и мы позволим себе его процитировать: «Локальная история – это не отдельный жанр, а сосредоточенность на конкретном предмете – регионе (иногда отдельном городе и его ближайших окрестностях, иногда обширной провинции), где жил тот или иной автор, и обычно там, где его семья пустила корни на протяжении многих поколений. Подъем популярности локальных историй, очевидно, отражает мир, в котором решается судьба уммы в целом ... это уже не единственный и не самый важный способ видения вещей. Для авторов локальных историй умма наиболее непосредственно воплощается в сотнях сообществ, составляющих ее» [Bosworth, 2010, p. 82; см. также: Lambton, 1991, p. 227–238; Melville, 2000, p. 7–14; Pourshariati, 2000, p. 133–164]. Впрочем, в более ранней «Истории персидской литературы» в разделе под названием «Истории регионов и городов» [A history..., 2012, p. 139–149] предлагается, на наш взгляд, несколько более точное определение этого историографического феномена: «Ранняя персидская историография также включала значительное количество историй, посвященных конкретным регионам или городам. В этом можно обнаружить закономерность неуклонного снижения широты исторического видения и, таким образом, задаться вопросом, следует ли это отнести к феномену написания на родном языке, персидском, с неизбежно более ограниченной аудиторией, чем произведения на языке эпохи, арабском. Язык, однако, не может быть ограничивающим фактором, поскольку в арабской историографии присутствуют те же жанры и направления, и действительно, многие работы о городах и провинциях Ирана были написаны на арабском, а не на персидском языке. Историографы, скорее, следят за историческими событиями, отражающими все более фрагментирован-

ную политическую систему, преобладающую в исламском мире» [A history..., 2012, p. 139–140].

Сложно не согласиться с подобной характеристикой произведений арабо-персидской литературы, которые названы «локальными историями»: от себя добавим лишь то, что появление подобных произведений может быть также связано с тем, что особенно в Сельджукскую эпоху Иран представлял собой скорее мозаику, нежели единое целое. Во многих городах и целых регионах существовали собственные династии правителей, которые лишь формально подчинялись власти сельджукских султанов. Именно для таких «локальных правителей» и предназначались многие из интересующих исторических произведений, написанных на арабском и персидском языках. Более поздние памятники такого рода несколько меняются с точки зрения содержащейся в них информации, что было отмечено составителями «Истории персидской литературы». «Такие биогеографические труды в основном относятся к области местной историографии, и большинство городских или провинциальных хроник, написанных в этот период, содержат некоторые сведения о жизни выдающихся местных деятелей, а также отрывки, посвященные местной топографии, религиозным памятникам и общественным делам» [A history..., 2012, p. 182]. Отчасти подобное замечание справедливо и для некоторых более ранних сочинений подобного рода, например «Тарих-и Байхаки» [Байхаки, 1938] Абу-л-Хасана Байхаки (Ибн Фундук) или локальной истории Кермана, которая принадлежит перу Афзал ад-Дина Кермани [Кермани, 1977]. В них также целые разделы посвящены выдающимся личностям, религиозным деятелям, различным диковинкам и религиозным сооружениям, которые находились в пределах соответствующих регионов. Для этого исследования важно отметить, что

нас будут интересовать арабо-персидские произведения, в которых описывается история отдельных регионов или локальных династий Ирана, содержащих большой или меньший объем сведений по монгольскому нашествию и его последствиям. Разумеется, в рамках одной статьи сложно охватить все исторические сочинения подобного рода, и нам пришлось ограничиться некоторыми из них, наиболее важными, с нашей точки зрения, в связи с проблематикой этого исследования.

Переходя к анализу описания событий монгольского нашествия, обратим внимание прежде всего на анонимную хронику Систана, известную российским и зарубежным специалистам под названием «Тарих-и Систан» [A history..., 2012, p. 140–145; см. также: Тарих-и Систан, 1974]. Несмотря на то что большая часть этого сочинения была составлена не ранее 1072 г., оно также включает в себя более поздние вставки и, как видно из его содержания, дописывалось неизвестными авторами, так что изложение событий в нем доведено до начала XIV в. Это же отмечает и Л. П. Смирнова во введении к классическому изданию русского перевода этого источника: «Вторая часть сочинения посвящена истории правления монголов в Систане и является позднейшим добавлением. Она резко отличается от предыдущей манерой изложения материала инфинитивными предложениями и имеет скорее характер подробного плана-конспекта, нежели сочинения как такового. Только начиная с события 695 (1295) г., сочинение принимает прежнюю форму – выделяются разделы, повествование ведется обычными предложениями с замыкающим их глаголом в личной форме. Сочинение заканчивается описанием событий 725 (1324) г. – распри между шахами Нусрат ад-Дином и Рукн ад-Дином Махмудом» [Тарих-и Систан, 1974, с. 28]. Именно та часть «Тарих-и Систан», которую Л. П. Смирнова

назвала «планом-конспектом», и будет интересовать нас в первую очередь, поскольку именно в ее состав включены сведения относительно монгольского нашествия и его последствий для этого региона.

Впервые в составе «Тарих-и Систан» монгольские завоеватели упоминаются при описании отправки систанского войска по приказу хорезмшаха 'Ала' ад-Дина Мухаммада (1200–1220) в пределы Хорасана: «Кончина властелина великого государя Тадж ал-Хакк ва-д-Дин Харба б. Мухаммада, да осветит Аллах его могилу, третьего раджаба года шестьсот десятого (1213). Закрепление в этот же день всех владений Систана за государем Йамин ад-Даула Бахрамшахом б. Харбом. Султан Мухаммад Хваризмшах требует войско из Систана. Отправка в году шестьсот пятнадцатом (1218/19) государя Йамин ад-Дина Шамс ад-Дина Занги, сына эмира Бу-Хафса Джувайни, и сарханга Ибра Камари с шестью тысячами мужей к берегам Тирмида. Устроили смотр войску султана. [Было] около ста пятидесяти тысяч конных воинов помимо пеших, которых [насчитывалось] еще сто тысяч. Когда к берегам Тирмида [подошло] монгольское войско, султан Мухаммад Хваризмшах бежал, и систанское войско все погибло. [Кто] был убит, [кто] утонул в реке. Было это в году шестьсот шестнадцатом (1219/20). Захват в том году территории Хорасана монголами» [Тарих-и Систан, 1974, с. 366]. Здесь мы видим указание на то, что накануне войны с монголами хорезмийский правитель собирает войска из разных регионов, включая Систан, для того чтобы дать отпор завоевателям. Данное сообщение вполне соответствует сведениям из «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави, содержащимся в главе «Рассказ о том, к каким ошибочным мерам прибег султан, когда узнал о выступлении Чингиз-хана с войском против него» [ан-

Насави, 1973, с. 80–81]. «Вторая [мера] его состояла в том, что он еще раз послал во все страны государства сборщиков налогов, приказав им собрать в третий [раз] поземельный налог (харадж) за тот же самый год¹ и на эти деньги взять на службу людей – лучников в полном снаряжении. Число воинов каждой области должно было соответствовать большему или меньшему количеству собранных денег, и каждый из них должен был иметь верхового верблюда, который носил также его оружие и провизию. Набор рекрутов был произведен так быстро, как это было возможно. Они направились со всех сторон к местам сбора под его знамена подобно потоку, стремящемуся под уклон, и стреле, выпущенной из лука. Все они шли своими путями, когда получили сообщение, что султан бежал с берега Джейхуна без боя. Если бы он дождался прибытия собранных людей, то сосредоточил бы неслыханное количество [войск]» [ан-Насави, 1973, с. 80–81].

Ан-Насави сообщает о бегстве хорезмшаха с берегов Джейхуна (Аму-Дарья), в то время как анонимный автор упоминает Тирмид (Термез), а Л. П. Смирнова в комментарии к этой части «Тарих-и Систан» пишет следующее: «В тексте: ба лаб-и āб-и Тирмид. По-видимому, имеется в виду река Сурхан. Как известно, старый город, разрушенный Чингиз-ханом, находился на самом берегу реки Сурхан» [Тарих-и Систан, 1974, с. 471, комм. 1051]. Впрочем, для нашего исследования гораздо важнее не столько выяснить, на какой именно реке происходил сбор хорезмийского войска, сколько подчеркнуть, что сведения из состава региональной хроники находят свое подтверждение в других мусульманских исторических сочинениях. При этом ценность сведений из «Тарих-и Систан» заключается еще

¹ Речь идет о 616 г.х. (1219/20).

и в том, что благодаря им мы можем иметь представление о численности отправленного против монголов систанского отряда и его дальнейшей судьбе, о чем, разумеется, нет информации в других источниках того времени. Единственным исключением в данном случае следует признать гораздо более позднее и, очевидно, историографически связанное с «Тарих-и Систан» [Систани, 2000, с. 19–20]² сочинение Малика Шах-Хусейна Систани «Ихйа ал-Мулук» («Воскрешение царей»), где данный отрывок звучит следующим образом: «В другой раз Насир ад-Дин собрал войско, воевал и одержал победу, Рукн ад-Дин, не задержавшись в Систане, направился в сторону Гармсира (گرمسير) и Насир ад-Дин приступил к управлению [Систаном] и султан Мухаммад хорезмшах в связи с появлением Чингиз-хана у Насир ад-Дина потребовал помощи. Малик Насир ад-Дин на службу падишаху отправил шесть тысяч человек с командующим Шамс ад-Дином Занги и амиром Йархафасом и сархангом Комраки и в итоге это дело закончилось поражением: систанское войско вернулось обратно, а монгольское войско подошло близко к Систану. Насир ад-Дин перед лицом монгольской угрозы прилагал многочисленные усилия, чтобы сохранилось в Систане царство мира, но, когда это событие случилось, спасения для Систана он найти не смог. В конце концов он погиб и Рукн ад-Дин вернулся в Систан и власть получил, но и он от рук монголов был убит и в Систане воцарился хаос. Затем появился Шихаб ад-Дин Валид сын Малика Насир ад-Дина, а также и Тадж ад-Дин Йиналтигин из рода Хорезмшаха, занимавший видное место в их элите...» [Систани, 1966, с. 76].

² К сожалению, на русский язык была полностью переведена лишь часть источника, которая касалась существенно более поздних событий, нежели те, которым посвящена эта глава.

Возвращаясь к тексту «Тарих-и Систан», отметим, что анонимный автор более не сообщает никаких подробностей относительно монгольского завоевания Хорезмийской державы и упоминает войска Чингиз-хана лишь в тех случаях, когда дело касалось непосредственно земель Систана. «Выход Рукн ад-Дина из цитадели арка [на свободу] и восшествие его на престол первого раджаба этого же года. Обращение царевича Рукн ад-Дина за помощью к монгольскому войску, шедшему из окрестностей Буста. Уход царевича Нусрата [по этой причине] в Хорасан в месяце сафаре года шестьсот девятнадцатого (1222). Убийство Рукн ад-Дина Бу Мансура [б.] Бахрамшаха пятнадцатого раби I этого года его же гулямом [из] тюрок. Восшествие [на престол] в этот день царевича эмира Бу-л-Музаффара Харба. Возвращение из Хорасана царевича Нусрата, вступление его на престол 15 джумада I этого года. Приход в Систан войска неверных в первый раз в правление царевича Нусрата, в начале месяца зу-ль-ка‘да этого года³. Взятие города Систан, разрушение [его]. В пятницу, десятого зу-ль-хиджжа года шестьсот девятнадцатого (1223) царевич Нусрат [был] убит» [Тарих-и Систан, 1974, с. 367]. Как нами было отмечено в более ранней статье [Тимохин, 2022, с. 314–331], данная информация, которую приводит анонимный автор, говорит, с одной стороны, о том, что отдельные монгольские отряды действовали в этих землях в отрыве от основных сил Чингиз-хана, а с другой – сам по себе Систан был окончательно покорен монголами позднее, в 626 г.х.,⁴ войсками, которыми командовал монгольский полководец Чормаган [Тарих-и Систан, 1974, с. 368].

³ Речь идет о декабре 1222 г.

⁴ 626 г.х. = 1228–1229 г.

Возвращаясь к описанию монгольских завоевателей в «Тарих-и Систан», надо отметить еще несколько важных моментов. Во-первых, при внимательном чтении может сложиться впечатление, что эта часть данного сочинения была записана как минимум двумя разными авторами. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что негативные эпитеты в отношении монголов на страницах «Тарих-и Систан» встречаются лишь единожды – при описании событий 630 г. х.: «Приход Карачи, и Йугана, и Синкура. Поиски убежища в Систане в году шестьсот тридцатом (1232/33). Приход вслед за ними войска «проклятых» [см.: Тарих-и Систан, 1974, с. 473, комм. 1062], да оставит их Аллах без помощи, в правление государя Йиналтигина, 15 зулка́да этого года» [Тарих-и Систан, 1974, с. 368]. Однако при описании последующих событий подобные эпитеты более не используются, а самого монгольского правителя неоднократно именуют «Ка́аном» [Тарих-и Систан, 1974, с. 370]. Во-вторых, анонимный автор «Тарих-и Систан» приводит важные подробности монгольского завоевания Систана, которые отсутствуют в других исторических сочинениях той эпохи. В частности, описывается не только осада столицы Систана, но и ее последствия – приводится количество погибших в результате осады. «Взятие города⁵ 27 рамазана года шестьсот тридцать первого (1234). Взятие цитадели арка и пленение [государя Йиналтигина. Убийство] оставшихся в живых. 14 джумада I года шестьсот тридцать второго (1235). За время осады погибло общим счетом около ста тысяч человек от болезней ног, рта и зубов» [Тарих-и Систан, 1974, с. 368–369]. Наличие подобных сведений в составе «Тарих-и Систан» наводит на мысль о том, что один из ее поздних продолжателей был не только

⁵ Речь, вероятно, идет о Зарандже, который на тот момент был столицей этого региона.

современником монгольского завоевания этого региона, но и был прекрасно осведомлен как о количестве погибших в то время, так и о ситуации внутри города. Прямым свидетельством этому является включение в состав текста источника небольшого раздела «цены на разные виды зерна и пищевые продукты достигли следующего уровня» [Тарих-и Систан, 1974, с. 369], где автор указывает цены в динарах во время осады, из чего можно заключить, что цены на лекарства были гораздо выше, чем на продукты питания [Тарих-и Систан, 1974, с. 369].

Если следовать логике анонимного автора «Тарих-и Систан», именно монгольское вторжение в эти земли, которое он относит к 1235 г., окончательно включило этот регион в состав Монгольской империи. Прежде всего, более раннее вторжение отрядов Чормагана, которое отнесено автором к 1228/29 г., не имело сколько-нибудь серьезных последствий для региональной власти. «Приход Джурмагуна и монгольского войска. Поход малика Йиналтигина к горе Испахбад. Сорокадневная осада горы. Благополучный выход Йиналтигина с гор в году шестьсот двадцать седьмом (1229/30)» [Тарих-и Систан, 1974, с. 368]. Упомянутый в тексте правитель Систана, несмотря на угрозу со стороны отрядов Чормагана, благополучно был занят решением внутрирегиональных проблем, и лишь упомянутое выше вторжение 1232/33 г. всерьез меняет политическую ситуацию в Систане: не подчинившийся правитель попадает в монгольский плен, вместо него завоеватели поставили во главе Систана представителя лояльной им местной элиты, который и отправляется для принесения присяги «в ставку Ка'ана» [Тарих-и Систан, 1974, с. 369]. Уже после этого события в земли Систана были отправлены служившие монголам иранские чиновники, которые установили в этих землях новые налоги и подати: «Приход в году шестьсот

тридцать девятом (1241/42) в первый раз ‘Ала’ ад-Дина из Дарре-йи Газ [с целью] обложения Систана [налогом]. Введение налогов кубджур и калан» [О них см.: Тарих-и Систан, 1974, с. 473, комм. 1069/70] [Тарих-и Систан, 1974, с. 369]. Следовательно, именно к 1241/42 г. Систан не только политически, но и фискально становится частью Монгольской империи. Таким образом, если следовать информации «локальных историй», далеко не все регионы Ирана, несмотря на победу монголов в ходе войны с Хорезмийской державой в 1219–1221 гг., были реально подчинены этими завоевателями. Лишь в течение последующих двадцати лет благодаря новым походам, осадам и полевым сражениям земли Ирана становятся частью Монгольской державы, в них меняется система управления, ставятся лояльные монголам наместники и вводятся новые налоги.

Впрочем, при всей значимости сведений, которые содержатся в «Тарих-и Систан» относительно монгольского нашествия и его последствий, определенные сюжеты, тем не менее, остаются вне поля зрения его составителей. В качестве примера вернемся вновь к покорению Систана монгольскими войсками: согласно Ата-Малику Джувейни и его современнику Джузджани, в этой военной операции принимали участие войска, которые монголы потребовали у правителя соседнего Кермана [Genghis Khan, 1997, p. 476–479; Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, т. 2, с. 1119–1120; Ta’rikh-i-Jahān-gushā, 1916, с. 214]. «Его могущество так возросло, а число его войска и его последователей увеличивалось день от дня так стремительно, что [монгольские] эмиры, отправленные осаждать Систан⁶ под командованием Тайир-Бахадура («طایر بهادر»), отправили к нему послов, дабы

⁶ В комментариях к английскому переводу «Тарих-и Джахан-гошай» Дж. Э. Бойл также указывает на то, что речь шла о Зарандже [Genghis Khan, 1997, p. 479].

тот выразил им покорность, а также прислал свои войска и оказал всякое содействие. Барака-хаджеб был [хитрым] и проницательным человеком, поэтому понял, что сила и могущество теперь находится у потомков Чингиз-хана. Таким образом, он принял этих посланников и сообщил им о том, что принимает это [адресованное ему] их повеление и подчиняется ему, а также, смирившись, ищет защиты [монголов] от страданий и бедствий. Он также ответил, что сам разберется с Систаном вместе со своими людьми, не причиняя неудобств монгольской армии; но поскольку он сам уже в преклонных годах и по этой причине не может больше путешествовать так далеко, он отправит своего сына ко Двору [монгольского правителя]. Он подготовился, как и сказал, и в течение года...⁷ отправил Рукн ад-Дина Ходжу Мубарака к Ка'ану» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1916, с. 214]. Как и было нами отмечено в комментарии, подобное посольство монголов в Систан могло состояться не позднее 632 г.х., то есть 1234/35 г. В данном случае сведения из «Тарих-и Систан» позволяют закрыть лакуну в отношении датировки этого события в тексте Джувейни. Если доверять сообщению последнего, то монгольские отряды под командованием Тайир-Бахадура отправились покорять Систан, и еще до начала осады столицы этого региона их командующий направляет своих послов ко двору хаджеба Барака. Правитель Кермана гарантирует монгольским послам, что сам покорит Систан, что мог сделать до 632 г.х., то есть до момента

⁷ Здесь пропуск в издании персидского текста «Тарих-и Джахан-гошай», осуществленном М. Казвини. Последний, как и издатель английского перевода этого источника Дж. Э. Бойл, считает, что отправка старшего сына ко двору монгольского правителя не могла быть осуществлена позднее 632 г.х., поскольку, и сам Джувейни об этом сообщает, Рукн ад-Дин узнал о смерти своего отца, хаджеба Барака, как раз во время этого путешествия, а датировка смерти Барака известна по многим источникам – это 632 г.х. [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1916, с. 214; Genghis Khan, 1997, с. 479].

собственной смерти⁸. В «Тарих-и Систан» упоминается о вторжении в эти земли войска «проклятых», которое датируется анонимным автором 15 зу-л-ка‘да 630 г.х., а взятие столицы Систана – «14 джумада I года шестьсот тридцать второго» [Тарих-и Систан, 1974, с. 368–369]. Вероятнее всего, именно в этот промежуток времени и состоялось посольство монголов ко двору правителя Кермана. Что касается обещанной помощи, то Джувейни ничего не сообщает о реальной отправке керманских военных сил на покорение Систана [Ta’rīkh-i-Jahān-gushā, 1916, с. 214–216], да и в «Тарих-и Систан» нападавшие четко маркируются как «проклятые», т.е. монголы. Это, разумеется, не исключает того, что в общей массе монгольской армии могли присутствовать и военные силы Кермана, но ни сам хаджеб Барак, ни его военачальники не принимали личного участия в покорении Систана, что не могло не найти своего отражения в «локальных историях», связанных уже с Керманом.

В этом регионе формирование такого рода нарративов фиксируется уже в домонгольский период, и здесь в качестве наиболее известного примера достаточно вспомнить упомянутое выше сочинение Афзал ад-Дина Кермани. Именно оно станет фундаментом как для более поздних компиляций, так и для относительно самостоятельных исторических сочинений [См.: Баскаков, Тимохин, 2022, с. 81–93; Тимохин, 2023]. Среди более поздних арабо-персидских сочинений, которые можно отнести к кругу «локальных историй» Кермана, следует отметить анонимную «Тарих шахий-е Кара-хитайан-е Керман» [Тарих Шахий-е..., 1970/71], несколько более известный исследова-

⁸ В отдельных более поздних текстах дата смерти хаджеба Барака указывается как событие 630 г.х. (1232–1233) [Naṭanzī, 1957, с. 22]. Впрочем, эта датировка скорее исключение в рамках локальной историографии Кермана [Кермани, 1949, с. 24].

телям труд Насир ад-Дина Мунши Кермани «Симт ал-‘Ула лил-Хадра ал-‘Улийа» [Кермани, 1949], а также гораздо более поздний текст «Тарих-е Сальджукийе Керман» Мухаммада ибн Ибрахима [Мохаммад ибн Ибрахим, 1886]. Отчасти, по крайней мере в содержательной составляющей, к ним примыкает и «Монтахаб ат-таварих-и Моини» Му‘ин ад-Дина Натанзи [Naṭanzī, 1957, с. 22], на что мы уже обращали внимание в предшествующих работах [Баскаков, Тимохин, 2022, с. 81–93; Тимохин, 2023]. Здесь же отметим тот факт, что все эти сочинения, в большей или меньшей степени, описывают историю правления хаджеба Барака в Кермане, но ни в одном из них нет упоминаний ни о вторжении керманских военных сил в Систан, ни даже о посольстве монголов ко двору керманского правителя с требованием подчинения и присоединения его войск к карательному отряду, направленному в соседний регион. Перед нами весьма любопытная историографическая ситуация: определенный рассказ присутствует в составе «больших нарративов», но при этом никак не отражен в локальных или региональных сочинениях, авторы которых, как кажется, должны лучше знать обстановку в собственных землях и политические события, которые происходили в их пределах. Вероятно, проще всего признать рассказ из состава «Тарих-и Джахан-гошай» исключительно авторским творчеством, не имеющим отношения к реальным историческим событиям. Однако можно найти и иное объяснение: посольство монголов вполне могло быть, и хаджеб Барак действительно пообещал им содействие и наведение порядка в Систане, но не успел этого сделать, поскольку скончался в 632 г.х. Его наследники были больше заняты дележом власти и попыткой заручиться поддержкой монгольских правителей, так что не стали выполнять обещание отца [См.: Ta’rīkh-i-Jahān-gushā, 1916, с. 216–218]. Систан

был, таким образом, покорен самими монголами, возможно, с некоторой поддержкой со стороны Кермана, поэтому ни в «Тарих-и Систан», ни в рамках «локальных историй» Кермана не было сказано ни слова о посольстве и обещании хаджеба Барака. Кроме того, сам факт участия мусульманских войск в союзе с «неверными» против таких же мусульман Систана вряд ли бы сделал привлекательной биографию керманского правителя, в связи с чем местные историки могли также опустить те факты, которыми не пренебрег Джувейни в «Тарих-и Джахан-гошай».

Возвращаясь к описанию монгольского нашествия в составе «локальных историй» Кермана, стоит обратить внимание на то, что в них нет практически никаких подробностей монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., которая, впрочем, напрямую не коснулась этого региона. Например, анонимный автор «Тарих шахий-е Кара-хитайан-е Керман» ограничивается лишь очень коротким рассказом, в котором он, в самых общих чертах, упоминает вторжения Чингиз-хана и «его многочисленных воинов в пределы Ирана» и гибель мусульманских правителей [Тарих Шахий-е..., 1970/71, с. 323]. В качестве важнейшего последствия монгольского нашествия авторы «локальных историй» Кермана видят не разорение этих земель монголами, чего в 1219–1221 гг. и не произошло, а воцарение в этом регионе новой династии – Кутлуг-ханидов. Именно с биографии ее основателя хаджеба Барака все упомянутые выше авторы зачастую и начинают описание «монгольского периода» [Кермани, 1949, с. 22; Naṭanzī, 1957, с. 21–22]. Это следует объяснять в первую очередь тем, что авторы «локальных историй» Кермана пытались в своих текстах легитимизировать новую династию региона с учетом особенностей происхождения ее основателя и некоторых его действий в отношении хорезмийских правителей [Баскаков, Тимохин, 2022, с. 81–93].

В частности, легитимность власти хаджеба Барака и его наследников в Кермане должно было подтвердить упоминаемое в сочинении Му'ин ад-Дина Натанзи признание его в качестве правителя этого региона одновременно Чингиз-ханом и Багдадским халифом. «Барак Хаджеб немедленно отправил послов с большими подношениями и дарами ко двору Багдадского халифа⁹, а затем к Чингиз-хану для того, чтобы в двух этих странах иметь союзников. От Святого двора Халифа он получил лакаб Кутлуг-султана и от дивана Чингиз-хана он также получил лакаб Кутлуг-хана» [Naṭanzī, 1957, с. 23].

Подобная двойная легитимация отсутствует в тексте «Та-рих-и Джахан-гошай», где упоминается лишь признание власти Барака над землями Кермана Багдадским халифом, когда тот отправил последнему письмо, где указал, что стал правителем этих земель и принял ислам. «Он отправил посланников к Повелителю Правоверных («أَمِيرِ الْمُؤْمِنِينَ»), сообщая ему о том, что он (Барак – Д.Т.) принял Ислам и просил его оказать ему честь, даровав титул Султана. Его просьбы были услышаны, и ему была оказана честь получить титул Кутлуг-Султан («قَتْلُغْ سُلْطَان»)» [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1916, с. 214]. Со своей стороны, Насир ад-Дин Мунши Кермани также не упоминает о признании власти Барака Чингиз-ханом и багдадским халифом, однако его рассказ о том, как монгольские правители легитимизировали его власть над Керманом, выглядит, с нашей точки зрения, даже более реалистичным, чем у Му'ин ад-Дина Натанзи и Ата-Малика Джувеини. «Сделав все это (речь идет об убийстве хорезмшаха Гийас ад-Дин Пир-шаха и его окружения – Д.Т.), он послал вестников к его величеству Ка'ану Угэдэю («اوگتای»), выразил свое повиновение и обязался платить ему

⁹ Вероятнее всего, речь идет о халифе Абу Джафаре аль-Мустансире Биллахе (1226–1242).

дань. Он объявил убийство султана Гийас ад-Дина в качестве одной из своих заслуг, [а другой – то, что] он подчинил себе окрестных правителей и знать. И получил от Ка'ана Угэдэя ханскую грамоту (ярлык, «یرلیغ»), почетные [одежды] и пайцзу («پایزه»), сопровождаемую многочисленными благоволениями, и оковы (для непокорных ему – *Д.Т.*), и область Кермана была вверена его власти. Указ о даровании ему почтенного лакаба Кутлуг-султана («لقب قتلغ سلطانی») был подписан и вступил в силу. Под его властью Керман был пятнадцать лет» [Кермани, 1949, с. 25]. Перед нами одно из редких указаний на то, какие символы власти получали региональные правители Ирана от монгольских ханов в знак признания их власти над теми или иными землями. Помимо традиционных почетных одежд, у Насир ад-Дина Мунши Кермани упоминаются также «ярлык» и пайцза, а сам титул «Кутлуг-султан», который был дарован хаджебу Бараку, оформлен соответствующим указом. Легко заметить, что таких подробностей нет ни у Ата-Малика Джувейни, ни у Му'ин ад-Дина Натанзи.

Определенным исключением в рамках локальной историографии Кермана в нашем случае следует признать сочинения Мухаммада ибн Ибрахима: уже само его название «История Сельджукидов Кермана», под которым оно известно исследователям, выделяет его из состава «локальных историй», представленных выше. В них, как уже было нами отмечено, события эпохи монгольского нашествия описываются в начале повествования, равно как и биография хаджеба Барака, особенности его управления Керманом и подчинение монгольским правителям. Мухаммад ибн Ибрахим же завершает свое повествование небольшим по объему рассказом об эпохе монгольского нашествия [Мохаммад ибн Ибрахим, 1886, с. 201]. Он не содержит абсолютно никаких подробностей относительно монголо-

хорезмийской войны 1219–1221 гг., за исключением упоминания того, что «мощь Чингиз-хана уничтожила державу султана Мухаммада хорезмшаха» [Мохаммад ибн Ибрахим, 1886, с. 201]. Далее этот автор повествует о бегстве хаджеба Барака в Керман, его борьбе за власть с местной элитой и о победе над ней [Мохаммад ибн Ибрахим, 1886, с. 201]. Никаких подробностей относительно дальнейшего подчинения этих земель власти монгольских ханов у Мухаммада ибн Ибрахима мы не находим, однако можно предположить, что он о них знал, поскольку несколько раз в тексте именует хаджеба Барака «Кутлуг-султаном» («قتلغ سلطان») [Мохаммад ибн Ибрахим, 1886, с. 201] – этот лакаб, как было отмечено выше, был дарован этому правителю Кермана монгольским ханом. Из важных сюжетов в рамках этого текста стоит отметить, что автор приводит точную датировку начала правления династии Кутлуг-ханидов в Кермане, а именно 619 г.х. [Мохаммад ибн Ибрахим, 1886, с. 201], то есть 1222–1223 гг., когда, согласно сведениям Мухаммада ибн Ибрахима, хаджеб Барак стал единолично управлять этими землями. Подобной точной датировки этого события мы не находим в сочинении Ата-Малика Джувейни [Ta’ríkh-i-Jahán-gushá, 1916, с. 214], равно как и в приведенных выше «локальных историях» Кермана [Кермани, 1949, с. 21–22; Naṭanzī, 1957, с. 21–22].

Помимо Кермана весьма интересная локальная историографическая традиция сложилась в прикаспийских регионах Ирана. Ее особенности, равно как и характерные черты входивших в ее состав исторических памятников, неоднократно привлекали внимание специалистов [A history..., 2012, р. 139–149, 182–185; Melville, 2000, р. 45–91; Melville, 2007, р. 7–14], в связи с чем мы позволим себе привести лишь краткие характеристики отдельных памятников, а затем перейдем непосредственно к анализу описания монгольского

нашествия и его последствий в рамках этих сочинений. Относительно первого из таких сочинений, а именно «Тарих-и Табаристан» Баха ад-Дина Мухаммада ибн ал-Хасана ибн Исфандийара, в «Истории персидской литературы» мы находим следующее сообщение: «Этот труд трудно оценить, отчасти потому, что он, по-видимому, так и не был должным образом закончен, а отчасти потому, что его текст был искажен в сложном процессе переписывания рукописи. Сохранившийся текст, безусловно, является составным, и только около половины из него можно с некоторой уверенностью отнести к перу самого ибн Исфандийара. Однако автор в предисловии и в некоторых второстепенных замечаниях указывает на цель и план собственной работы. По-видимому, он начал писать свой труд около 1206 года, возможно, вдохновленный (в точности как автор «Муджмаль ат-таварих») случайным вопросом правителя Бавандидов, на которого он работал, Хусам ал-Доула Ардашира (ок. 1171–1206), о древнем царе Табаристана. В последующих поездках ибн Исфандийар смог посетить различные библиотеки и собрать материал для своей книги. В Рейе, в библиотеке Рустама ибн ‘Али ибн Шахрийара, он обнаружил рассказ о Г’авбаре, малоизвестном царе, о котором его расспрашивали ранее. Находясь в Хорезме, он нашел среди прочего копию арабского перевода “Послания Тансара” ибн ал-Мукаффы, текста на пехлеви, предположительно являющегося письмом Тансара, верховного жреца при Ардашире I, правителю Табаристана¹⁰. Ибн Исфандийар перевел арабскую версию этого важного документа на персидский и включил ее в первую главу своей истории. Результатом

¹⁰ В данном случае составители соответствующего раздела «Истории персидской литературы» приводят очевидно ошибочные сведения относительно данного источника и личности самого Тансара. [См. подробнее: Мишин, 2014, с. 418, комм. 588, с. 419, комм. 589].

этих его исследований должна была стать книга, состоящая из четырех частей: древность Табаристана и ранний исламский период; период правления Ал-е Вашмгира (Зийариды) и Буйиды; период правления Махмудидов (Газневиды) и Сельджуков; период правления Бавандидов. Три раздела существующего текста, не считая дополнений, касаются только первого, последнего и части второй из этих разделов; возможно, автор пал жертвой монгольского нашествия и так и не завершил работу, но также возможно, что отдельные части его труда были утеряны» [A history..., 2012, p. 147].

Со своей стороны отметим, что труд ибн Исфандийара похож на «Тарих-и Систан» в том плане, что его текст был также дополнен неизвестными продолжателями, в результате чего в него были включены сведения относительно событий монгольского нашествия и его последствий. И этот анонимный продолжатель труда ибн Исфандийара описывал ту глобальную катастрофу, которой являлось монгольское нашествие, сквозь «локальную оптику»: он совершенно ничего не сообщает о том, что делали монгольские войска в пределах соседних с Табаристаном регионов, а рассказывает о них лишь применительно к их участию в жизни родного для него региона. «Это (убийство правителя Табаристана. – *Д.Т.*) вызвало дальнейшую неразбериху и дезорганизацию, и многие знатные люди Табаристана в этой ситуации решили подчиниться хорезмшаху Мухаммаду. Но через некоторое время и этой династии, в свою очередь, пришел конец в результате ужасающего монгольского нашествия. Разрушения и опустошение, вызванные этим, охватили и Табаристан, а также другие провинции Персии, и в течение тридцати лет он (т.е. Табаристан. – *Д.Т.*) был без царя или правителя, в то время как сеющие разрушения монгольские армии пересекали его туда и сюда» [An abridged..., 1905, p. 257]. Как видно из этого короткого

отрывка из «Тарих-и Табаристан», остаются неизвестны детали подчинения этого региона монгольской власти, а анонимный автор лишь указывает на то, что монгольские отряды несколько раз посещали эти земли, а если быть совсем точным – пересекали их. Вероятно, у этих военных соединений была несколько иная цель, нежели покорение самого Табаристана. Впрочем, для составителя этой части «Тарих-и Табаристан» было гораздо важнее отметить тот факт, что после тридцатилетней анархии в этих землях наконец появилась центральная власть, а новый правитель региона – кровный родственник хорезмийской династии Ануштегинидов [An abridged..., 1905, p. 257–258]. Стоит также обратить внимание на тот факт, что если первая волна монгольского вторжения в 1219–1221 гг. осталась практически без внимания в тексте «Тарих-и Табаристан», то последующие монгольские военные кампании, прямо или косвенно связанные с этим регионом, были описаны весьма подробно. «В это время на монгольском троне восседал Мангу Ка’ан (внук Чингиз-хана)¹¹. А Хусаму ад-Доуле Ардаширу наследовал его старший сын Шамс ал-Мулук Мухаммад. Мангу Ка’ан послал армию под командованием Амира Кат Буга для покорения замков и твердынь исмаилитов (в тексте английского перевода источника указаны ассасины – *Д.Т.*). Многие из них он уничтожил, но Гирди-Кух, Аламут, Тун и Ка’ин все еще держались. Мангу Ка’ан послал своего брата, грозного Хулагу, который нанес первый удар по Туну и Ка’ину и захватил столько пленных, что Хорасан был полон рабов» [An abridged..., 1905, p. 258]. Далее в тексте «Тарих-и Табаристан» мы находим подробный рассказ о покорении монголами исмаилитских крепостей, где анонимный автор отмечает следующее: «Аламут

¹¹ Речь идет о великом хане Монгольской империи Мункэ (прав. с 1251 по 1259 г.).

был разрушен, а его бесценные сокровища и библиотека преданы огню» [An abridged..., 1905, p. 258]. В целом же эта часть «Тарих-и Табаристан» прекрасно дополняет своими деталями весьма подробный рассказ об исмаилитах и покорении их крепостей монголами из «Тарих-и Джахан-гошай» Ата-Малика Джувейни [Ta'rikh-i-Jahán-gushá, 1937, p. 106–113]. Последнее, что хотелось бы отметить, связано с общей для всех «локальных историй» чертой: составители «Тарих-и Табаристан» максимально подробно, насколько могли, описали военные действия монголов, связанные непосредственно с самим этим регионом, однако по мере удаления монгольских войск из Табаристана и сопредельных земель рассказ о них становится все более сжатым. В частности, описанию взятия Багдада монгольскими войсками в этом источнике отведено всего несколько строк [An abridged..., 1905, p. 258] на фоне весьма обширного, как уже было нами отмечено, рассказа о судьбе исмаилитских крепостей. Таким образом, чем дальше от региона, в котором проживал автор, происходили исторические события, даже весьма значимые, тем меньше внимания он уделяет их описанию или не уделяет вовсе – это общая черта всех «локальных историй», рассмотренных в этой главе.

На одном сочинении ибн Исфандийара традиция составления «локальных историй» в этом регионе не заканчивается, на что обратил внимание Ч. Мелвилль в своих исследованиях [Melville, 2000, p. 45–91; Melville, 2007, p. 7–14]. Он же в соответствующем разделе «Истории персидской литературы» [A history..., 2012, p. 182–185] сообщает следующее относительно интересующих нас сочинений: «Одна из наиболее долгоживущих традиций локальной историографии существовала в прикаспийских провинциях, вслед за “Тарих-и Табаристан” ибн Исфандийара, завершенного накануне начала монгольского периода (ок. 1216), последо-

вали “Тарих-и-Руйан” Аулийâ-Аллâ Амули (1362) и “История Гиляна и Мазандарана” Захир ад-Дина Мар’аши (1476, 1489). Эти работы, как правило, включают в себя характеристики соответствующих регионов, их особые достоинства (*фазâ’эль*) и важнейшие легенды, с ними связанные, а также династическую историю и современные автору события. Исторический нарратив сформирован в них, как правило, вокруг рассказа о правящих родах, а не в форме анналов, хотя принадлежащее перу Мар’аши продолжение “Тарих-и Гилян” отличается в этом отношении. Мар’аши, будучи активным участником многих событий, которые он записывает, также предоставляет много географической или топографической информации, основанной на его собственных знаниях о территории и на личном опыте, что приводит его к интересным и уместным взглядам на природу исторической достоверности и сомнению в точности даже свидетельств очевидцев» [A history..., 2012, p. 182]. Если о сочинении ибн Исфандийара уже было сказано, то на более поздних памятниках, которые упоминает Ч. Мелвилль, необходимо остановиться несколько подробнее. Сочинение Амули «Тарих-и-Руйан», как и в случае с более ранней «Тарих-и Табаристан», не предоставляет исследователям сколько-нибудь подробных сведений относительно первой волны монгольского вторжения, которое произошло в 1219–1221 гг.; автор также ограничивается общими словами относительно падения династии Ануштегинидов и их державы под ударами войск Чингиз-хана. «И немного времени прошло прежде чем держава султанов Хорезма встретила свой конец, ибо время уходит и меняется эпоха и все изменяется, беда в те дни пришла к этой династии и спокойствие и радость в то время превратились в печаль и погибли, а держава Чингиз-хана была превознесена до небес и руками могущество, господство древних династий

сжало в тиски унижения, так что и выдающиеся правители, и царские слуги оказались в подчинении династии Чингиз-хана, пришедшей с окраин Востока» [Амули, 1930, с. 153–154]. Впрочем, когда этот автор переходит к описанию того региона, которому посвящена его «локальная история», информации о монголах становится существенно больше. Она касается преимущественно местных правителей, правивших в эпоху монгольских завоевательных походов и изъявивших им покорность, что способствовало укреплению их личной власти и избавило эти земли от карательных экспедиций [Амули, 1930, с. 191–197]. Также автор упоминает монгольских завоевателей без каких-либо деталей при описании истории отдельных городов: «Тогда, когда город Каджур попал в руки монголов и державы династии Чингиз-хана, которая покорила весь мир, в городах Хорасана и Ирака царило запустение, и они превратились в место бойни» [Амули, 1930, с. 191].

Третья из указанных выше прикаспийских «локальных историй», а именно «Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандаран» Захир ад-Дина Мар‘аши, представляет собой сравнительно поздний пример подобного рода текстов, однако, как и было отмечено Ч. Мелвиллем, весьма интересный по своему содержанию. Этот автор также кратко описывает историю взлета и падения династии Ануштегинидов, как это делает Амули в «Тарих-и-Руйан», используя примерно одни и те же выражения и сравнения, что позволяет говорить о связи между двумя этими памятниками [Мар‘аши, 1966, с. 31–32]. Примерно то же самое можно сказать об историографической связи между сочинением Захир ад-Дина Мар‘аши и ибн Исфандийара: краткое содержание рассказа последнего о покорении монгольскими войсками крепостей исмаилитов в Иране присутствует и в «Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандаран». «Когда

от времени правления Истандара минуло пятнадцать лет, падишахом из династии Чингиз-хана стал Мангу Ка'ан и султаны Востока и Запада служили и подчинялись ему. Он отправил Кат Бугу [и его воинов] в Хорасан для того, чтобы избавиться от крепостей еретиков и этот Кат Буга был благоразумным амиром: каждую крепость или укрепленное место приказал блокировать и обстреливать [из катапульт]. Перед ними возвел свои укрепления и рвы выкопал, и привел в те места огромную армию, так что в те места вернулись мир и безопасность. Все необходимое для осады они исправно получали, так что из-за всего этого наместники крепостей еретиков попали в затруднительное положение, так что по истечении короткого времени все крепости еретиков были взяты, а среди них такие, как крепость Гирд-Кух («گردکوه»), Тун («تون»), Ка'ин («قاین») и Аламут («الموت»), в последней из которых было наибольшее количество войск» [Мар'аши, 1966, с. 32–33]. Как нам кажется, именно эта часть рассказа Захир ад-Дина Мар'аши написана им без оглядки на более ранние тексты, в связи с чем главным сокрушителем исмаилитов у него фигурирует Кит-Буга, а не Хулагу. Однако уже в следующем разделе «Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандаран» мы видим рассказ, соответствующий полностью более раннему сообщению ибн Исфандийара: «Когда Хулагу-хан по приказу Мангу Ка'ана без промедления явился, то взял Ка'ин и нескольких еретиков оттуда отправил в Хорасан и приказал, чтобы эта область была от них очищена, а затем осадил Гирд-Кух, и собрал вокруг него огромное войско, а после этой крепости осадил Аламут» [Мар'аши, 1966, с. 33]. Все это не оставляет никаких сомнений в том, что, несмотря на зависимость сочинения Захир ад-Дина Мар'аши от более ранних памятников «прикаспийской локальной историографии», этот автор действительно многое пишет от себя,

добавляя собственные знания к тому, что было написано его предшественниками, сохраняя в «Тарих-и Табаристан ва Руйан ва Мазандаран» разные точки зрения на те или иные события. Все это делает данное сочинение крайне ценным для исследователей истории монгольского завоевания Ирана и его последствий.

При подведении итогов этого исследования хотелось бы обратить внимание на несколько важных, с нашей точки зрения, сюжетов. Прежде всего, авторы представленных выше сочинений, отнесенных к «локальным историям», не конструируют целостную историю монгольского нашествия и его последствий. Все они описывают монгольские завоевательные походы лишь в той степени, в которой они касались региона, истории которого посвящено то или иное сочинение. События, происходившие в соседних с ними землях, как это видно на примере «Тарих-и Систан» и памятников керманской историографии, могли также не упоминаться авторами. При этом все эти памятники содержат ценнейшие сведения относительно деятельности монгольских военачальников и подчиненных им армий непосредственно в пределах территории, истории которой и посвящен авторский нарратив. Эти данные чаще всего не встречаются в текстах других историков-современников и даже более поздних арабо-персидских авторов, но при этом крайне важны для исследователей монгольского нашествия и его последствий для истории Ирана. Несомненно, интерес к сочинениям, относящимся к группе «локальных историй», способствует лучшему пониманию того, как отразились монгольские походы на судьбе конкретных регионов, к каким политическим изменениям привели и как менялась система политического управления и налогообложения на отдельных территориях Ирана в XIII в. Без учета этих сведений невозможно, с нашей точки зрения, не только полностью реконструировать

историю монгольских завоевательных походов, но и понять, как продолжали существовать конкретные регионы Ирана в составе Монгольской империи. Кроме того, внимательное изучение «локальных историй» лишний раз демонстрирует тот факт, что в ходе монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. далеко не все земли Ирана оказались затронуты этим военным конфликтом: многие регионы и вовсе не испытали в этот период никаких последствий монгольской агрессии. В результате монголам потребовалась целая серия новых военных кампаний в конце 1220-х – 1230-е гг. для того, чтобы подчинить своей власти все эти земли, некогда входившие в состав Хорезмийской державы. Что касается системы управления и налогообложения, которую вводили монголы на завоеванных территориях, то, например, в Систане она окончательно сложилась лишь к началу 1240-х гг., как свидетельствует об этом «Тарих-и Систан».

Сведения из «локальных историй» необходимо привлекать для реконструкции отдельных событий монгольского нашествия, установления их господства внутри конкретных регионов Ирана или для анализа той или иной кампании, осуществленной этими завоевателями в 20-е – 50-е гг. XIII в. Так, сведения из «Тарих-и Систан» крайне важны для понимания хронологии и особенностей походов монгольских войск под командованием Чормагана, как уже было отмечено нами в более раннем исследовании [Тимохин, 2022, с. 314–331]. Кроме того, данные из этого источника незаменимы для анализа истории выстраивания монгольскими правителями новой системы управления и налогообложения в землях Ирана в 1230-е – 1240-е гг., о чем лишь частично сообщают другие арабо-персидские авторы. Несомненно, и само по себе завоевание Систана монголами требует от исследователей дополнительного внимания в связи с тем, что данный регион мог быть завоеван не столько усилиями

собственно монгольских войск, сколько силами соседнего Кермана. В этом регионе сложилась также весьма обширная и крайне интересная традиция локальной историографии: указанные нами авторы единодушно пишут о том, что эти земли не были завоеваны монголами, а фактически добровольно подчинились власти их правителей. Утвердившийся в этих землях хаджеб Барак не только заручился монгольской поддержкой, но и сумел закрепить право управления Керманом за своими преемниками – так сложилась местная династия Кутлуг-ханидов. Крайне любопытны попытки локальных историков подтвердить легитимность власти Барака и его преемников в землях Кермана, для чего они использовали указание на то, что его признали султаном этих земель не только монголы, но и Багдадский халиф. Последняя группа «локальных историй», рассмотренных нами в этой главе, формирует так называемую «прикаспийскую региональную историографию». Авторы этих сочинений предоставляют бесценные сведения не столько о завоевании и подчинении монголами этих земель, сколько о покорении исмаилитских городов и крепостей, а также взятии их главной твердыни – Аламута. Хорошо известный специалистам рассказ об этом событии, который содержится в «Тарих-и Джахан-гошай» Джувейни, следует рассматривать вместе с данными из «прикаспийской региональной историографии» для учета и анализа возможных разночтений и нестыковок. Надеемся, что проделанная нами работа возродит интерес специалистов к сочинениям круга «локальных историй» не только для соотнесения сведений из них с данными из более известных арабо-персидских памятников в связи с теми или иными аспектами монгольского нашествия и его последствий, но и для гораздо более широкого круга исторических событий как монгольского, так и домонгольского периодов истории Ирана.

Глава 2

Политика мамлюкских султанов в отношении бейликов центральной и юго-восточной Анатолии перед первой османо-мамлюкской войной (1453–1485)

В XV в. в обширные владения мамлюков входили помимо Египта, Сирии и Палестины Киликия, Барка, Нубия, Хабаш, а также области Верхнего Евфрата, Хиджаз, Йемен и другие районы Южной Аравии, правители которых – часто только номинально – признавали сюзеренитет мамлюкского султана. Некогда могущественная империя постепенно утрачивала внутреннее единство. Особую значимость приобрели эмираты в Анатолии, составившие приграничную или «буферную» зону между растущей Османской империей и Султанатом мамлюков. Обе державы боролись за влияние в этой важной в стратегическом отношении области¹.

К началу второй половины XV в. относятся два разных по своему историческому масштабу события, которые положили начало серьезным переменам в отношениях между Султанатом мамлюков и его соседями в Малой Азии. Одно

¹ Одним из факторов, определявших значимость контроля над юго-восточными районами Малой Азии, было наличие в этом регионе древесины и металлической руды – ресурсов особенно ценных для державы, которая ведет активные военные действия на суше и на море [Fuess, 2021, p. 64].

из этих событий было связано с событиями в Диярбакыре. В 1453 г. соперничество между наследниками основателя династии Ак Коюнлу, Кара-Юлука ‘Усмана (1378–1435) завершилось победой Узуна Хасана (1453–1478), который расширил границы своих владений, подчинив Азербайджан, Иран, Армению и Ирак [Мустафаев, 1994, с. 11; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 18]. Ак Коюнлу стали главными соперниками османов в Малой Азии – полностью самостоятельным эмиратом, более того, по оценкам некоторых исследователей, «державой международного значения» [Босворт, 1971, с. 224].

Еще более важным событием, сыгравшим поворотную роль в исторической судьбе Султаната мамлюков, стало взятие Константинополя османами. Османский бейлик приобрел статус империи, а Мехмед II (1444–1446; 1451–1481) – славу великого воина ислама. Престижу мамлюков был нанесен серьезный урон [Зеленев, 2007, с. 164]. Авторитет мамлюкских султанов, защитников мусульман и покровителей Священных городов – Мекки и Медины, которые получали инвеституру из рук Аббасидского халифа и претендовали на главенствующую роль в мусульманском мире, пошатнулся.

Между тем победа османов над Византией не вызвала видимой тревоги при дворе мамлюкского султана. 27 октября 1453 г. в Каир прибыл посланник Мехмеда II с поздравлениями ал-Ашрафу Иналу (1453–1461) в связи с вступлением на престол, а также с сообщением о том, что после осады и тяжелого сражения был взят главный город Византии. Кроме прочего, Иналу были доставлены два пленника из числа христианских служителей собора Святой Софии. Инал благосклонно принял подарки Мехмеда II и сообщение о взятии Константинополя. В Каире торжественно праздновали победу мусульман. Город был

украшен, а в честь османского посланника устроили большой пир. Мехмеду II вместе с одним из эмиров Инала было отправлено ответное письмо. Мамлюкскому посланнику устроили торжественную встречу в Стамбуле, он получил награды и подарки, после чего вернулся в Каир. 24 апреля 1456 г. мамлюкскому султану было доставлено еще одно письмо от Мехмеда II, в котором сообщалось – в стихах и в прозе – о военных успехах и завоеваниях османов в Сербии. Ал-Ашраф Инал отправил ответ с поздравлениями [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 49, 50, 59, 72].

До тех пор, пока объектом экспансии Мехмеда II оставались христианские европейские государства, мамлюки предпочитали поддерживать мирные отношения с османами, стремясь сохранить хотя бы видимость превосходства. Этот иллюзорный «сюзеренитет» мамлюков охотно поддерживали османы, не скупившиеся на подарки и изъявления наипочтительнейшей покорности в дипломатических посланиях. Такая политика приносила османскому султану вполне ощутимые дивиденды, как это произошло, например, в 1455 г., когда эмир расположенного у границ Султана мамлюков Карамана (1256–1483) Ибрахим-бей (ум. 1464), опасавшийся вторжения османов на подвластные ему территории, обратился за поддержкой к ал-Ашрафу Иналу. Ибрахим-бей пожаловался на то, что Мехмед II предоставил защиту греческой православной церкви. Инал оставил без внимания жалобы Ибрахим-бея и отказал ему в военной поддержке. Тогда оскорбленный правитель Карамана решил продемонстрировать силу и доказать, что с ним стоит считаться не меньше, чем с османским султаном. В 1456 г. он оккупировал города Адану, Тарсус и Гюлек, которые находились под сюзеренитетом мамлюков [Har-El, 1995, р. 77–78]. Таким образом, мамлюкский султан, выступивший в этом вопросе на стороне османов, фактически обра-

тил оружие Карамана против мамлюкских владений, что было на руку Мехмеду II, заинтересованному в том, чтобы ослабить своих соперников – караманидов и мамлюков.

В ответ на нападения караманидов в 1457 г. из Каира была отправлена карательная экспедиция. Мамлюкская армия вторглась на территорию Карамана, была захвачена и разрушена крепость Давалю, назначенный Ибрахим-беем наместник в Тарсусе был казнен (его отрубленную голову отправили в Каир и вывесили там на воротах аз-Зувайла), несколько столкновений с рассеянными частями войска караманидов закончились победой мамлюков, были разрушены еще три крепости, большая часть населенных пунктов разграблена. Тем не менее мамлюки воздержались от нападения на такие крупные города как Конья и Кейсери, поскольку были не готовы к длительному походу, а местные ресурсы были исчерпаны. После того как мамлюкская армия вернулась в Египет, Ибрахим-бей из своей столицы Коньи направил в Каир посольство с подарками, извинениями и заверениями в полной покорности. Между караманидами и мамлюками был заключен еще один непрочный мир [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 86, 95; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 11, 16, 19–21].

К укреплению союза с османами мамлюков подталкивала и угроза нового крестового похода, который пыталась организовать католическая церковь против завоевателя Константинополя – «антихриста» Мехмеда II. Папская эскадра, отправленная в 1456 г. к берегам Леванта, представляла потенциальную опасность и для мамлюкских кораблей и портов [Har-El, 1995, p. 78].

В связи с активизацией действий европейцев в Восточном Средиземноморье для мамлюков было важно сохранить свое влияние на Кипре, где в 1458 г. разразился династийный кризис. За трон боролись дети Жана II

(1432–1458): его дочь Шарлотта (1458–1460) и незаконнорожденный сын Жак Бастард (1464–1473). Жак сам прибыл в Каир, чтобы просить помощи мамлюкского султана. Ал-Ашраф Инал принял решение поддержать его [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 107–108]. В привычном для мамлюков исламском подходе к вопросам наследования у сына наложницы было не меньше, а больше прав на престол, чем у дочери законной жены правителя. Свою роль, вероятно, сыграл и личный визит обладавшего дипломатическими талантами и немалой энергией Жака Бастарда². Для выбора, сделанного ал-Ашрафом Иналом, были и более серьезные причины. Дело в том, что Жака поддерживала Венеция, а Шарлотту – Родос, прибежище крестоносцев и морских разбойников, разгромить которое так и не удалось мамлюкам. У венецианцев и мамлюков, несмотря на непростое развитие торговых отношений, была общая первоочередная задача – борьба с пиратами в Восточном Средиземноморье [Близнюк, 2010, с. 46; Coureas, 2013, р. 345]. Таким образом, поддержка «венецианского» претендента, возможно, воспринималась как целесообразный шаг в политике противостояния пиратам.

Ал-Ашраф Инал отправил на Кипр небольшую флотилию, специально выстроенную для этого похода³. Мамлюки сумели одержать несколько побед, захватить более

² Кипрские хроники предполагают возможность подкупа со стороны Жака, кроме того, имеются сведения о том, что между Жаком и Иналом было достигнуто соглашение об увеличении дани, которая ежегодно поступала в египетскую казну из Кипра [Близнюк, 2010, с. 46].

³ В состав войска вошли три эмира сотни, три эмира сорока, семь эмиров десятка, пятьсот мамлюков султана, а также добровольцы и корабельная обслуга. Подготовка экспедиции и особенно строительство кораблей легли тяжелым бременем на египтян. Недостаток средств в казне подталкивал мамлюков к тому, чтобы добывать древесину, деньги и рабочую силу путем грабежей и насилия, которые в течение последних лет правления аль-Ашрафа Инала стали едва ли не нормой в повседневной жизни Каира из-за бесчинств султанских мамлюков [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 125–126, 127; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 472].

сотни пленных, но затем понесли тяжелые потери: из-за шторма не все корабли смогли вернуться к родным берегам [Reinfandt, 2003, р. 14; Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 109, 129]. Тем не менее к 1464 г. Жак сумел завоевать весь остров. С этого времени начинается постепенный, но неуклонный переход Кипра под контроль Венеции [Близнюк, 2016, с. 225–226].

Таким образом, в период правления ал-Ашрафа Инала вместо нескольких соперничающих эмиратов, правители которых в большей или меньшей степени действовали с оглядкой на Каир, на северных рубежах мамлюкских владений сформировались две крупные независимые державы, стремившиеся к активному расширению своих территорий, – Османская империя и государство Ак Коюнлу. Политика патронажа по отношению к эмирам Малой Азии и короткие военные рейды для восстановления порядка на границах перестали быть достаточным и эффективным средством для обеспечения безопасности границ Султаната мамлюков. Изменение баланса сил в регионе требовало иных политических решений. Начинаясь новый исторический период: мамлюкам предстояло военное и идеологическое соперничество с молодыми и могущественными мусульманскими государствами.

Напряженность в отношениях между мамлюками и османами стала заметна, когда турецкие армии двинулись на восток, и символически проявилась в нарушении дипломатического этикета. Прибывший в 1464 г. ко двору султана аз-Захира Хушкадама (1461–1467) османский посланник не стал целовать землю у ног мамлюкского правителя, как это было принято согласно обычаю. Хушкадам был оскорблен и в свою очередь не стал отправлять Мехмеду II ответное посольство [Har-El, 1995, р. 79; Muslu, 2013, р. 259–264].

Неблагоприятно для мамлюков складывалась ситуация в Карамане. В 1464 г. после смерти Ибрахим-бея династические распри в этом эмирате переросли в настоящую гражданскую войну [Еремеев, Мейер, 1992, с. 130; Shaw, 1976, р. 64–65]. Двое из многочисленных сыновей караманского бея были претендентами на престол: любимец Ибрахим-бея Исхак (ум. 1465) и Пир Ахмет (ум. 1474), матерью которого была дочь Мехмеда II. Исхак обратился за помощью к Узу-ну Хасану, и после того как войска Ак Коюнлу вступили в Караман, занял трон своего отца, а в пятничной хутбе были названы имена аз-Захира Хушкадама, Узуна Хасана и самого Исхака. Но Пир Ахмет не смирился с поражением, добился поддержки своего деда, османского султана, и в 1465 г. одержал победу над Исхаком [Woods, 1999, р. 93–95; Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 299–306]. Таким образом, влияние османов в Карамане возросло, а позиции мамлюков были значительно ослаблены.

В отношениях с Ак Коюнлу также наметился поворот в сторону конфликта⁴. После того как мятежный наместник мамлюкского султана в Сирии бежал во владения Ак Коюнлу, аз-Захир Хушкадам, несмотря на все заверения Узуна Хасана в том, что никакого укрытия этому эмиру не будет предоставлено, выслал к границам Ак Коюнлу отряд мамлюков. Однако вскоре в Каир пришло известие о смерти мятежника, и отряд был отозван. Следующий инцидент был связан с захватом мамлюкской крепости Гергер, расположенной между Амидом и Малатьей. Крепость обеспечивала защиту северного торгового пути, связывавшего

⁴ Мирные отношения с Ак Коюнлу продолжались около пятидесяти лет и были установлены еще при ан-Насире Фарадже (1399–1405; 1405–1412), когда Кара Юлук (1402–1435) одержал победу в битве с одним из мамлюкских эмиров, выступивших против мамлюкского султана. Кара Юлук отправил голову убитого мятежника в Каир, за что получил благодарность Фараджа и был назначен наместником мамлюков в ар-Рухе [Wing, 2015, р. 3].

Алеппо с городами Малой Азии. Гергер был захвачен курдами, отдельные племена и конфедерации племен которых находились в полунезависимых отношениях с Ак Коюнлу. Оставив себе добычу, курды передали ключи от крепости Узуну Хасану. Тот, в свою очередь, немедленно отправил ключи в Каир. Аз-Захир Хушкадам принял этот символический знак владения, однако его недоверие к правителю Ак Коюнлу только возросло. Оно укрепилось еще больше, когда выяснилось, что власть мамлюков над крепостью так и осталась символической: курды отказались передавать Гергер новому наместнику, прибывшему из Каира. Опасения Хушкадама были не напрасны. В январе 1465 г. Узун Хасан занял Гергер и предложил мамлюкскому султану право владения этой крепостью в обмен на десять тысяч динаров и город Харпут, в котором от имени мамлюков правил дулкадиритский эмир. Требования были оскорбительными, а кроме того, угрожали конфликтом с Дулкадиром. И, тем не менее, аз-Захир Хушкадам решил не ссориться с Узун Хасаном, который мог стать самым сильным его союзником в противостоянии с османами. Хушкадам принял условия, выдвинутые правителем Ак Коюнлу, но оставил себе возможности для маневра: он заявил, что Узун Хасан может взять себе Харпут, если сможет. Одновременно в Харпут из Каира было отправлено подкрепление. Узун Хасан все-таки завладел Харпутом и блокировал подступы к Малатье и Эльбистану. Аз-Захиру Хушкадаму оставалось только смириться с этими потерями. Узун Хасан, в свою очередь, смиренно назвал себя наместником мамлюкского султана в Харпуте [Woods, 1999, p. 92–95; Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 255, 257; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 236]. Очевидно, оба правителя стремились избежать открытого конфликта, при этом Ак Коюнлу активно расширяли свою территорию, а мамлюки оказывали им только весьма уме-

ренное противодействие, рассчитывая на поддержку Ак Коюнлу в возможном противостоянии с османами.

Несмотря на отправку войска для поддержки Дулкадитов, которые правили Харпутом от имени мамлюкского султана, кризиса в отношениях с Дулкадиром, расположенным у северной границы мамлюкской Сирии, избежать не удалось. Вскоре после конфликта вокруг Гергера во время визита в Каир на пятничной молитве в мечети был убит дулкадитский эмир (1465). Ходили слухи, что убийство было совершено по тайному приказу аз-Захира Хушкадама, который немедленно утвердил на посту эмира Эльбистана брата погибшего – Шаха Будака (1465–1467; 1472–1479). Одновременно османский султан утвердил в качестве правителя Дулкадира другого претендента – Шаха Суvara (1467–1472). Вероятно, история с убийством эмира была отражением борьбы за власть в Дулкадире двух представителей династии, одного из которых поддерживали мамлюки, а другого – османы. Оба султана – и османский, и мамлюкский собрали войска для помощи своим претендентам. Османы действовали более оперативно, и Шах Сувар одержал победу над своим соперником. Хушкадам отозвал мамлюкский экспедиционный корпус, однако, как показали дальнейшие события, не смирился с поражением мамлюкского ставленника в Эльбистане. Летом 1466 г. он назначил Рустама, дядю Шаха Будака и Шаха Суvara, эмиром Дулкадира и отдал распоряжение наместнику Алеппо оказать Рустаму необходимую военную поддержку [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 308; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 235, 238, 243; аль-Халаби, 1985, с. 3–4].

Спор о престолонаследии в Дулкадире приобрел угрожающие масштабы. Летом 1467 г. из Алеппо поступило донесение о том, что Шах Сувар, ставленник османов, готовится к вторжению на территорию мамлюкской Сирии.

Наместники Триполи и Хамы получили срочный приказ оказать поддержку гарнизону Алеппо. В сентябре 1467 г. в сторону Алеппо выступил со своими мамлюками наместник Дамаска. Одновременно началось формирование войска в составе нескольких старших эмиров и тысячи султанских мамлюков в Каире. Отправке этого войска помешала болезнь султана [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 268, 270].

Шах Сувар успел захватить инициативу и разбил мамлюкские части, выступившие из Дамаска, командиры которых, вероятно, были более заняты известиями о болезни и смерти султана Хушкадама, чем предстоящим сражением. Мамлюки понесли тяжелые потери, среди погибших были наместники Триполи и Хамы, атабеки Дамаска и Алеппо. Пограничные крепости оказались в руках Шаха Суvara, обширные области севернее Алеппо подверглись разграблению, а наместник Сирии попал в плен. Аз-Захир Йалбай (правил с 9 октября по 4 декабря 1467) приказал готовить новое войско для борьбы с Шахом Суваром. В поход, помимо эмиров, должны были отправиться 600 султанских мамлюков, но их выступлению помешал очередной политический кризис, в ходе которого Йалбай был смещен, на два месяца трон занял аз-Захир Тамурбуга (1467–1468), и, наконец, власть перешла к ал-Ашрафу Каитбаю (1468–1496) [Ибн Тагри Бирди, 1992, т. 16, с. 323–324].

Ал-Ашраф Каитбай, перед которым стояла первоочередная задача укрепления центральной власти, сделал попытку урегулировать конфликт с Дулкадиром дипломатическим путем. Сразу после вступления на престол он отправил посольство к Мехмеду II с подарками. Мамлюкский султан выразил сожаление по поводу инцидента, связанного с решением вопроса о престолонаследии в Дулкадире. Подарки были приняты, османский султан направил Каитбаю поздравления по случаю вступления на трон [Har-El, 1995,

р. 88–89]. Однако дипломатические любезности не остановили дальнейшего углубления конфликта: дулкадириты продолжали наступление в Северной Сирии, а османы готовились к захвату Восточной Анатолии.

В 1468 г. Мехмед II предложил своему внуку, Пиру Ахмету (ум. 1474/75), правителю Карамана, присоединиться к походу, но получил отказ. Тогда Мехмед II оккупировал западную часть Карамана, взял Конью и вынудил Пира Ахмета бежать. Османы вторглись в Анатолию, которая долгое время служила буферной зоной, обеспечивающей безопасность северных границ мамлюкской Сирии [аль-Малати, 2002, т. 6, с. 326, 411]. Именно с оккупацией Карамана в 1468 г., позволившей Мехмеду II помимо прочего полностью контролировать торговый путь, соединявший Алеппо с Константинополем (через Адану и Конью), отношения между османами и мамлюками приобрели характер враждебного соперничества и в конце концов вылились в открытые военные действия – первую османо-мамлюкскую войну (1485–1491) [Inalcik, 1995, с. 31, 124].

Однако в 1468 г. ал-Ашраф Каитбай был вынужден, по крайней мере на время, смириться с потерей Карамана и бросить все силы на борьбу с Шахом Суваром. Он отправил в Сирию большой отряд, в состав которого вошли командиры высшего звена. Вскоре в Каир поступили печальные вести о поражении мамлюков и гибели нескольких эмиров. Остатки отряда вернулись в Каир в конце мая 1468 г. После этого ал-Ашраф Каитбай объявил о снаряжении нового войска, в состав которого должны были войти тысяча рядовых, несколько эмиров десятка, сорока и сотни [ас-Сайрафи, 2002, с. 8–9].

Ситуация осложнялась вмешательством османов, которые объединили силы с Шахом Суваром. Район Алеппо и, по сути, территориальная целостность Султаната мамлю-

ков оказались под угрозой. Айнтаб был захвачен и разграблен. Османский султан взял на себя смелость обратиться к местной немамлюкской элите Алеппо и Дамаска и заявил, что готов обеспечить защиту всех сирийских торговцев, вступающих на территорию Дулкадира [Har-El, 1995, p. 89; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 313, 326, 330]. Ал-Ашраф Каитбай предпринял экстраординарные меры, чтобы собрать необходимые средства для снаряжения нового войска. В конце концов в октябре 1468 г. мамлюки подготовились к походу. В тяжелых боях с Шахом Суваром мамлюкам под командованием атабека Азбека (ум. 1499) удалось занять территории дулкадитов. Летом 1469 г. на обратном пути в Алеппо изможденное египетское войско подверглось нападению отрядов Шаха Суvara. Мамлюки понесли тяжелые потери. Остатки разбитой армии возвращались в Дамаск и, не дожидаясь разрешения, отдельными группами стали направляться в Каир. Азбек был фактически брошен без поддержки в Алеппо. Поход в целом продемонстрировал, что мамлюки уже с трудом справляются с противодействием даже со стороны небольшого бейлика, а султан и его командиры не в состоянии поддерживать дисциплину в армии и полностью контролировать действия отдельных ее отрядов [Тарих..., 1988, с. 35, 38].

Шах Сувар, воспользовавшись уходом мамлюков, попробовал захватить Малатью, однако в этом городе он встретил неожиданное и, вероятно, поэтому оказавшееся весьма эффективным сопротивление. Наместник Малатьи сумел одержать победу над отрядом дулкадитов. В 1469 г. сохранявшие вассалитет по отношению к мамлюкам Рамаданиды (1358–1608) отвоевали у Шаха Суvara Сис. Так благодаря действиям своих союзников мамлюки получили передышку. Шах Сувар решил, по крайней мере на время, остановить военные действия и отправил в Каир делегацию с просьбой

о мире. Ал-Ашраф Каитбай принял послов из Дулкадира и заверения Шаха Суvara в покорности довольно сдержанно. Вероятно, обе стороны стремились лишь к заключению перемирия для того, чтобы собрать силы для продолжения борьбы [Наг-Ел, 1995, р. 90–91]. Во всяком случае, уже в начале 1470 г. наместникам сирийских городов ал-Ашраф Каитбай приказал быть готовыми к возобновлению военных действий с Дулкадиром, а летом того же года в Каире стали собирать в поход новое войско. Шах Сувар использовал перемирие с мамлюками, чтобы отомстить рамаданидам, и зимой 1470–1471 гг. отвоевал Сис. Почти в то же самое время в Каир поступило донесение о том, что Узун Хасан, правитель Ак Коюнлу, ведет войска к Алеппо [аль-Малати, 2002, т. 6, с. 384, 403, 408, 412, 414, 425, 430, 431, 436; аль-Халаби, 1985, с. 4].

Военный конфликт с Шахом Суваром, в котором мамлюки трижды были разбиты дулкадиритами и не смогли добиться полной и решительной победы⁵, серьезно подорвал авторитет Султаната мамлюков. Подготовка к борьбе с дулкадиритами и Ак Коюнлу требовала не просто передышки, но масштабного восстановления и укрепления армии. В этих условиях в 1470 г. ал-Ашраф Каитбай пошел на заключение компромиссного соглашения с османами: мамлюки отказывались от вмешательства в дела Карамана, а Мехмед II – от поддержки Шаха Суvara. Таким образом, османы получили возможность контролировать самый большой бейлик, разделявший их молодую империю и владения мамлюков. Кроме того, османы были заинтересованы в объединении с мамлюками против общего врага – Узун-на Хасана, под властью которого находились обширные территории, простиравшиеся от Кавказа до Месопотамии

⁵ Шах Сувар, несмотря на заверения в покорности мамлюкскому султану, стал чеканить собственную монету в Эльбистане.

и Северного Ирана, а войско насчитывало до пятидесяти тысяч всадников [Еремеев, Мейер, 1992, с. 130; Har-El, 1995, p. 91–92]. Узун Хасан вел переговоры с Венецией, что представляло потенциальную опасность для османов⁶, и мог оказать поддержку караманидам. Опасения османов были не напрасны. Потеряв собственную столицу, эмир Карамана при поддержке Венеции и Ак Коюнлу сумел объединить и укрепить уцелевшие отряды и даже нанес несколько ответных ударов по владениям Мехмеда II, достигнув в 1470 г. Центральной Анатолии [Мустафаев, 1994, с. 32; Inalcik, 1995, с. 28].

Воспользовавшись тем, что Шах Сувар остался без поддержки османов, мамлюкская армия, в составе которой помимо эмиров всех рангов было две тысячи султанских мамлюков, под командованием Йашбека мин Махди (ум. 1480), одного из ближайших соратников ал-Ашрафа Каитбая, выступила из Каира весной 1471 г. и направилась в сторону границы с Дулкадиром. Йашбек получил неограниченные полномочия и полную свободу действий в Сирии, включая смещение и назначение наместников городов и областей [Har-El, 1995, p. 93; аль-Малати, 2002, т. 6, с. 439]. Тщательная и всесторонняя подготовка похода принесла свои плоды. Мамлюки взяли Айнтаб, захватили Адану, одержали решительную победу над дулкадиритами в битве у Джейхана, заняли Эльбистан и Мар'аш, получили ключи от крепостей Сис, Даренде и Заманти⁷. В июне

⁶ Продвижение османов на запад привело к утрате стабильности во всем Восточном Средиземноморье. Одним из наиболее существенных факторов обострения политической ситуации в этом регионе стала война между Венецианской Республикой и Османской империей, которая продолжалась с 1463 по 1479 г. и снова разгорелась в 1499 г., закончившись только через четыре года [Орешкова, 1979, с. 191; Irwin, 1986, p. 80].

⁷ Детальное описание похода мамлюкского войска под командованием Йашбека [аль-Халаби, 1985].

1472 г. Шах Сувар был пленен, а в августе доставлен в Каир, где он и трое его братьев были повешены на воротах аз-Зувайла. Управление Дулкадиром было передано Шаху Будаку, который дал торжественную присягу верности мамлюкскому султану [Har-El, 1995, p. 93–96; Venzke, 2000, p. 425; ас-Сахауи, 1995, т. 2, с. 839; Тарих..., 1988, с. 53; аль-Халаби, 1985, с. 5–7].

Тем временем Узун Хасан готовился противостоять временному и, очевидно, непрочному альянсу османов и мамлюков. Поздней осенью 1472 г. армия Ак Коюнлу захватила Малатью, Гергер, Айнтаб и подошла к предместьям Алеппо. Отдельная колонна, которой командовал сын Узуна Хасана, прошла через ар-Руху (совр. Шанлыурфа в Турции) и заняла аль-Биру. В том же году другое войско Ак Коюнлу при поддержке караманидов и Венеции приблизилось к Бурсе. Амбициозные намерения Узуна Хасана состояли не только в том, чтобы расширить территорию Ак Коюнлу, но и в том, чтобы оспорить авторитет османского султана-воителя (*гази*⁸) и мамлюкского султана, имевшего высокий статус *хранителя обоих священных городов*, распространить свое влияние вплоть до Хиджаза [Sievert, 2003, p. 38]. В апреле 1473 г. Узун Хасан отправил в Мекку собственный *махмаль с кисвой* и требование читать *хутбу* с его собственным именем, а не именем мамлюкского султана. Однако еще на подступах к городу посланцы Узуна Хасана были арестованы и в кандалах отправлены в Каир [Har-El, 1995, p. 98; ас-Сахауи, 1995, т. 2, с. 841–842].

Активное наступление Узуна Хасана заставило ал-Ашрафа Каитбая предпринять ответные шаги. Из Каира в Сирию один за другим были немедленно отправлены два отряда, и началось снаряжение большого войска, ко-

⁸ О султанах-*гази* см.: Annoshahr, 2009.

торое под командованием Йашбека мин Махди к марту 1473 г. достигло Алеппо. Однако к этому времени основные силы Ак Коюнлу уже отошли за Евфрат, чтобы подготовиться к нападению османов. Йашбек легко одержал победу над сыном Узуна Хасана, остававшимся в ал-Бире, и вытеснил его за пределы мамлюкских владений. Османы действительно планировали наступление на Ак Коюнлу и вели активные переговоры с Каитбаем и Йашбеком о совместных действиях. Весной 1473 г. посол Мехмеда II был со всеми почестями принят в Каире [Har-El, 1995, p. 96–97; ас-Сахауи, 1995, т. 2, с. 840, 841]. После этого ал-Ашраф Каитбай отправил ответное посольство с богатыми подарками. Летом того же 1473 г. в Каир пришло донесение о том, что войско Мехмеда II готово к решительному сражению с Узуном Хасаном. В августе 1473 г. армия Ак Коюнлу потерпела настолько сокрушительное поражение, что Узун Хасан был вынужден навсегда отказаться от соперничества и с османами, и с мамлюками, а караманиды окончательно утратили самостоятельность: вступивший на престол после гибели Пира Ахмета его брат Касим-бек (ум. 1483) управлял Караманом как вассал османского султана [Еремеев, Мейер, 1992, с. 102; Мустафаев, 1994, с. 32; Орешкова, 2018, с. 88; Inalcik, 1995, с. 28; аль-Малати, 2002, т. 7, с. 72–74, 76–77, 83].

После этих событий ал-Ашраф Каитбай поспешил восстановить свое положение сюзерена по отношению к Ак Коюнлу. Он приказал освободить арестованных в Мекке эмиров Узуна Хасана. В ответ на это проявление доброй воли он сразу же получил формальные извинения, а в 1474 г. между Султанатом мамлюков и Ак Коюнлу был заключен мирный договор, в подтверждение которого Узун Хасан в последующие годы направил в Каир несколько посольств [Har-El, 1995, p. 98–99].

Одновременно продолжался обмен делегациями между ал-Ашрафом Каитбаем и Мехмедом II [аль-Малати, 2002, т. 7, с. 169]⁹. Обе стороны были заинтересованы в сохранении мирных отношений, по крайней мере на некоторое время. После разрушительных вторжений дулкадиритов и Ак Коюнлу, а также тяжелых потерь в сражениях с Шахом Суваром мамлюкам требовалось восстановить силы. Для османов было важно закрепить свои позиции в Карамане, поскольку именно этот бейлик мог стать плацдармом для наступления на Сирию.

Поводом для смены тональности в отношениях двух империй стала судьба Карамана. Дело в том, что после того, как османы подавили сопротивление караманидов, единственный оставшийся в живых наследник караманидского престола попросил убежища у мамлюкского султана. Позднее ал-Ашраф Каитбай отказал Мехмеду II в просьбе выдать наследного принца караманидов Касим-бека. Оба султана, очевидно, рассчитывали использовать Касим-бека для того, чтобы установить контроль над Караманом [Har-El, 1995, p. 99]. В условиях нараставшей напряженности в отношениях между османами и мамлюками Каитбай в 1477 г. совершил поездку в Сирию для инспекции военных укреплений, гарнизонов и армейских частей [Ибн аль-Джи‘ан, 1984].

Тем временем Мехмед II предпринял шаги для того, чтобы подчинить своему влиянию Дулкадир, где в то время правил ставленник мамлюков Шах Будак. Мехмед предложил поддержку брату Шаха Будака, ‘Ала ад-Дауле, дочь которого была замужем за сыном османского султана, Баязидом¹⁰. После тяжелых и кровопролитных сражений Шах

⁹ Посольства сопровождались традиционным обменом подарками. Весной 1474 г. Каитбай решил дополнить обычный «набор» подношений слонем и жирафом [аль-Малати, 2002, т. 7, с. 89–90].

¹⁰ Покоритель мамлюков Селим Грозный был сыном Баязида и дочери ‘Ала

Будак был свергнут с дулкадиритского престола и в 1480 г. попросил убежища в Алеппо [Har-El, 1995, p. 100–101].

Почти одновременно с политическим поражением в Дулкадире мамлюкская армия была разбита в сражении с Ак Коюнлу. События разворачивались следующим образом. На подавление мятежа бедуинов Ал Фадл, в ходе которого был убит наместник Хамы, из Каира в Сирию был отправлен большой отряд под командованием эмира Йашбека мин Махди. К нему присоединились войсковые части Дамаска, Хамы, Триполи и Алеппо. Кочевники не стали испытывать судьбу и предпочли уклониться от сражения с этой внушительной армией, которая значительно превышала по численности обычные мамлюкские карательные отряды. Преследуя мятежников, Йашбек подошел к границе с Ак Коюнлу и по собственной инициативе осадил ар-Руху. Источники никак не объясняют причины этого решения. Некоторые исследователи предполагают, что честолюбивый Йашбек захотел прославить себя, возвратив мамлюкам город, перешедший под контроль Ак Коюнлу еще при ан-Насире Фарадже, или, возможно, им двигало желание отомстить за поражение, которое он потерпел от Узуна Хасана в 1473 г.; не исключено также, что Йашбека склонил к решению атаковать ар-Руху кто-то из многочисленных претендентов на престол Ак Коюнлу, которые начали борьбу за власть после смерти Узуна Хасана [Woods, 1999, p. 45, 46, 50, 51, 130]. Как бы то ни было, Йашбек привел мамлюкскую армию под стены ар-Рухи. На помощь защитникам города быстро подошло войско Ак Коюнлу. Поздней осенью 1480 г. состоялось сражение. Мамлюки были разбиты и понесли тяжелые потери. Среди погибших и взятых в плен были наместники Триполи и Дамаска. Йашбек мин

Махди был захвачен войсками Ак Коюнлу и казнен [Ибн аль-Химси, 2000, с. 164].

В 1481 г. в Сирию было отправлено новое мамлюкское войско, теперь уже под командованием уравновешенного и осторожного атабека Азбека, главная задача которого состояла в том, чтобы освободить захваченных в плен эмиров, в первую очередь Йашбека, известие о казни которого еще не достигло Каира. Вместе с тем ал-Ашраф Каитбай стремился избежать военного столкновения, если такая возможность предоставится. Как только он получил заверения от правителей Дулкадира и Ак Коюнлу о том, что они готовы принять патронаж мамлюков, выдать пленных и заключить мир, мамлюкское войско было отозвано в Каир. Перемирие давало Каитбаю только передышку, но никак не гарантировало безопасность сирийских границ. Более того, когда Мехмеду II стало ясно, что Дулкадир и Ак Коюнлу не собираются предпринимать никаких действий против мамлюков, он решил взять дело в свои руки и начал готовиться к большой военной экспедиции в Сирию. Движение османской армии было остановлено в мае 1481 г., когда Мехмед II умер в Гебзе [Har-El, 1995, p. 102; Ибн Химси, 2000, с. 165–166]. Ал-Ашраф Каитбай получил шанс на сохранение мира. Новый османский султан Баязид II (1481–1512) в отличие от своего предшественника – *Завоевателя* – во внешней политике больше полагался на дипломатические шаги, нежели на применение военной силы [Petry, 1994, p. 18].

Вступление Баязида на престол было оспорено его братом Джемом, который опирался на оппозиционные круги в османской знати. Баязид одержал верх, Джем (ум. 1495) нашел убежище в Султанате мамлюков, получив разрешение явиться в Каир лично от султана ал-Ашрафа Каитбая. Он совершил *хаджж*, а затем начал готовиться к военному

походу. Вместе с ним в Алеппо отправились мамлюкские эмиры под предводительством атабека Азбека [ас-Сахауи, 1995, т. 3, с. 929]. Вставший на сторону мамлюков правитель Карамана Касим-бек собрал войско и, объединившись с Джемом, выступил из Алеппо в сторону Коньи. Союзники потерпели поражение в битве с армией Баязида II [Ибн Ийас, 1931–1975, т. 3, с. 190]. В дальнейшем мамлюки пытались использовать Джема в борьбе против экспансии османов¹¹. Поддержка, оказанная Джему, как и другие попытки вмешательства мамлюков в вопросы престолонаследия у османов, оказала негативное влияние на отношения между двумя империями и способствовала росту напряженности между Каиром и Стамбулом.

К враждебным действиям против мамлюков подталкивал Баязида II и эмир Дулкадира. В 1483 г. он нарушил заключенное в 1481 г. перемирие и осадил Малатью [аль-Малати, 2002, т. 7, с. 350]. Это нападение грозило мамлюкам не только утратой – в очередной раз – одного из своих пограничных городов: более существенным было то, что Дулкадир открыто и недвусмысленно вышел из союза с мамлюками, предоставив османам не только доступ к мамлюкским границам, но и военную поддержку [Ибн Ийас, 1931–1975, т. 3, с. 213; Nag-El, 1995, p. 124].

В Каире начались приготовления к походу. Ал-Ашраф Каитбай решил отправить на помощь наместнику Малатьи помимо сирийского войска большой отряд (в его составе было более тысячи султанских мамлюков) из Египта [Ибн аль-Химси, 2000, с. 196–197]. Для Каитбая в этих обстоятельствах было важно обеспечить если не поддержку, то хотя бы нейтралитет со стороны Ак Коюнлу. Этой цели удалось достичь, и правитель Ак Коюнлу подтвердил вер-

¹¹ Подробнее о роли Джема в османо-мамлюкском противостоянии см.: Hattox, 2002.

ность взятым ранее обязательствам, что давало мамлюкам возможность сосредоточиться на борьбе с дулкадиритами.

Нападение дулкадиритов, как и опасался ал-Ашраф Кайтбай, открыло османам дорогу к мамлюкским владениям и стало катализатором беспорядков на границе: туркоманы из подвластных османам племен сделали попытку разграбить поселения к северо-западу от Алеппо, но их удалось остановить [аль-Малати, 2002, т. 7, с. 351, 353, 360]. Затем отряды сирийских мамлюков вторглись на территорию Дулкадира. Под их натиском ‘Ала ад-Даула покинул собственную столицу – Эльбистан и обратился за помощью к османам. Баязид II выслал войско для поддержки ‘Ала ад-Даули, вступив таким образом в открытую конфронтацию с мамлюками [Har-El, 1995, p. 125].

В 1484 г. ‘Ала ад-Даула и присоединившиеся к нему османские войска начали новое наступление. Объединенные силы египетских и сирийских мамлюков выдвинулись им навстречу из Алеппо. В первом сражении с дулкадиритами и османами мамлюки были разбиты и понесли тяжелые потери, но все-таки смогли собрать силы и, получив подкрепление, нанесли решительный удар и одержали победу. Численность основной части войска составила около трех тысяч мамлюков. В конце 1485 г. из Алеппо в Каир пришло донесение о том, что ‘Ала ад-Даула готов заключить мир. Возможно, такому повороту событий способствовали разногласия между заносчивым ‘Ала ад-Даулей и османским главнокомандующим Ашик Пашой-заде [Har-El, 1995, p. 125; Ибн аль-Химси, 2000, с. 197, 199; аль-Малати, 2002, т. 7, с. 362, 422, 429, 436].

Но самую главную опасность для мамлюков представлял не Дулкадир, а османы, которые неуклонно продвигались в Восточную Анатолию и располагали мощной армией с хорошо обученной пехотой, способной эффек-

тивно использовать огнестрельное оружие. Затяжные войны с Дулкадиром и Ак Коюнлу стали своеобразной прелюдией к первой османо-мамлюкской войне; они истощали казну и приводили к разорению населения Сирии и Египта. Победы давались слишком дорогой ценой, а неоднократные поражения не только на военном, но и на идеологическом фронте стали причиной постепенного падения авторитета мамлюков и ослабления центральной власти.

Эмиры и беи анатолийских княжеств, хотя бы формально признававшие вассалитет по отношению к египетскому султану, получили веские основания для того, чтобы усомниться в непобедимости мамлюкской армии, а главное – в могуществе своего сюзерена, от которого зависел и их собственный авторитет. В таких обстоятельствах любой из них мог предпочесть союз с другим правителем, чья репутация не была запятнана позорными поражениями. Мамлюкам удалось отстоять свои территории, но «идеологические границы»¹² султаната, которые охватывали буферные эмираты Малой Азии, простирались до Диярбакыра и Ак Коюнлу, получили иную конфигурацию и приблизились к сирийским провинциям. На пороге войны с османами египетский султан утратил сюзеренитет над бейликами Юго-Восточной Анатолии, которые составляли его первую линию обороны султаната мамлюков.

¹² Об «идеологических границах» Султаната мамлюков см. [Wing, 2015, p. 387–388].

Раздел 2 Экономика

Глава 3

Таки ад-Дин аль-Макризи (1364–1445) о начале медного монетного чекана в Египте (по сведениям из трактата «Игасат ал-умма би-кашф ал-гумма»)

Изучение роли медной монеты в денежном обращении средневековых мусульманских государств имеет важное значение для исследования экономики и политических и социальных отношений в мусульманском мире. Медный чекан можно считать одним из проявлений децентрализации в Арабском халифате и укрепления местных династий в бывших провинциях халифата. Уместно будет напомнить, что на языках многих народов собирательное название деньги – «*фулус*» в арабском, «пул» в персидском, узбекском, азербайджанском, «пули» в грузинском и некоторых других языках – происходит от названия медной монеты *фильс/фалс/фельс* (мн. ч. *фулус*). Однако для изучения медного чекана, обращения медной монеты и связанных с этим вопросов цен на продукты и рыночных отношений в мусульманском Средневековье исследователи сталкиваются с большими трудностями, вызванными прежде всего малочисленностью свидетельств письменных источников.

Выдающийся советский и российский востоковед Олег Георгиевич Большаков в своем капитальном труде о социально-экономических отношениях в средневековом

мусульманском городе отмечает, что вопрос медного денежного обращения совершенно не изучен в историографии средневекового Ближнего Востока. Слово *фулус* упоминается в его работе только два раза, а его глубокое исследование цен и рыночных отношений в мусульманском городе было построено на известиях источников о серебряном и золотом чекане и о ценах в динарах и дирхамах [Большаков, 1984, с. 160].

Другой выдающийся исследователь средневековой мусульманской экономики, автор специальной монографии о медных монетах Мавераннахра в XV–XVI вв. Елена Абрамовна Давидович сетует, что для своего исследования она вообще не обнаружила никаких нарративных известий. А основным, по существу единственным, источником информации для ее исследования были сами медные монеты, обнаруженные на раскопках городищ и вкладах [Давидович, 1983, с. 10].

Вопрос, почему средневековые мусульманские авторы так мало внимания уделяли описанию чекана и использования медных монет, требует пристального изучения, но один ответ лежит на поверхности: медные фельсы, в отличие от динара и дирхама, упоминавшихся в Коране, не могли считаться легитимным чеканом для ревнителей мусульманского права. Динары в кораническом аяте выступают мерилем богатства: речь идет о вкладах мекканцев у еврейских банкиров Мекки [Коран, 1986, 3:68(75)]. Другой стих Корана, повествующий об Иосифе, проданном в рабство за «отсчитанные дирхамы» (*ад-дарахим ал-ма‘дуда*), свидетельствует, что среди серебряных дирхамов, ходивших в Мекке, были и монеты хорошей пробы, которые принимались по счету [Коран, 1986, 12:20(20)]. Другие дирхамы, имевшие нестандартный вес или обрезанные по краям, либо обломанные, принимались по весу, на что было обращено

внимание еще в одном из ранних исследований советской историографии раннемусульманского общества [Беляев, 1966, с. 99].

Упоминание в Коране, а также практика ранней мусульманской общины служили для верующих мусульман и для мусульманских правоведов основанием и подтверждением законности нововведений и проводимых реформ в мусульманском государстве. И потому использование медной монеты других государств в торговых сделках, хождение и обмен этих монет в пограничных областях халифата в ходе международных торговых операций не рассматривались и не заслуживали внимания мусульманских авторов, особенно тех из них, кто имел авторитет правоведов и блюстителей законности.

Иное дело, когда внимание средневекового автора обращено не непосредственно к монете и ее истории, а привлекается к ней по ходу рассмотрения иного важного вопроса, волнующего автора.

Жестокая дороговизна, голод и болезни охватили Египет в 808 г. х. (7 июля 1405–25 июня 1406). В одну из ночей месяца *мухаррам*-а (июль 1405) замечательный историк и мыслитель мусульманского Средневековья Таки ад-Дин аль-Макризи, ученик ибн Халдуна, учитель историков ас-Сахауи и ибн Тагри Бирди теряет свою малолетнюю и единственную дочь. Вместо того чтобы предаться своему горю, он садится за работу, чтобы разобраться в причинах лишений и страданий, постигших жителей страны. Он признает, что на протяжении многих веков истории Египта природные и климатические воздействия были объективными и основными причинами, вызывавшими недород и дороговизну: «Знай, да хранит тебя Аллах и направляет твои дела, да не обойдет тебя Он воздаянием и заботой, что [все случаи] дороговизны, пережитые людьми от сотворения, –

как о том передается в известиях о разных странах в стародавние времена и нынешние, как следует из состояния дел и природы цивилизации и, насколько известно, из истории человечества, – чаще всего были следствием бедствий, ниспосланных свыше, таких как обмеление Нила на территории Египта, невыпадение дождей в аш-Шаме, Ираке, ал-Хиджазе и других [местах], или бедствий, поражающих урожай, как то самум, сжигающий его, или знойные ветры, иссушающие его, или саранча, пожирающая его, и тому подобное» [аль-Макризи, 1940, с. 41].

Автор считает, что так поступает Аллах, наказывая смертных за их прегрешения и нарушение наложенных на них запретов. Однако переживаемое в его время бедствие он считает особым случаем, вызванным неумелым управлением, недальновидной политикой правительства и злоупотреблениями государственных чиновников [аль-Макризи, 1940, с. 42–43]. Удивляет проницательность автора, рассматривающего создавшееся тяжелое положение с разных сторон: с точки зрения особенностей производства, распределения и обмена продуктами повседневного спроса в Египте, с учетом социальной психологии и мотиваций различных слоев египетского общества, и прежде всего правительства и чиновников. В числе причин бедствий аль-Макризи указывает и на порочную монетарную политику правительства, в частности, он причисляет к ним начало медного чекана и введение медных монет в денежное обращение.

Работа аль-Макризи, о которой идет речь, имеет соответствующее ее назначению название: «Китаб Игасат ал-умма би-кашф аль-гумма» или, как мы его перевели, «Помощь верующим разъяснением причин бедствия». Ключевым словом здесь для понимания концепции произведения является слово причина. Каждая мысль, подборка фактов, аргументы

автора имеют свое место в четкой причинно-следственной линии создавшегося кризисного положения в Египте в начале XV в. К инициации медного чекана в Египте подводит история серебряной монеты в денежном обращении страны. Эту часть трактата можно считать краткой, но глубоко осмысленной историей мусульманского денежного обращения с особым вниманием к эпизодам и этапам его истории в Египте.

Предоставим слово автору трактата: «Деньги – как цена товаров и стоимость труда – бывают только золотыми и серебряными. Ни в одном сообщении, подлинном или недостоверном, о каком-либо народе или племени рода человеческого не говорится, что люди пользовались когда бы то ни было в древности или в нынешние времена какими-либо иными монетами. Рассказывают даже, что первым, кто чеканил динар и дирхам, был Адам – да будет над ним мир и благословение Аллаха» [аль-Макризи, 1940, с. 47, 57]. Далее: «Что касается Египта, то там при любой власти, будь то в *джахилий*у или при исламе, мерилom стоимости труда и цены товара по преимуществу было золото. Если бы не боязнь многословия, я бы привел сведения, которые ясно показывают, что [денежное] обращение Египта было основано на золоте» [аль-Макризи, 1940, с. 64].

Нет причин сомневаться, что в распоряжении аль-Макризи было немало известий об особом значении и роли золотой византийской монеты в денежном обращении самой империи и в международных торговых операциях. Любопытно, однако, привести эпизод из другого круга источников – рассказ египетского купца и путешественника первой половины VI в., христианина Козьмы Индикоплова, побывавшего с товаром в Аравии, Иране и Индии, о том, что в споре греческого и персидского купцов, чей правитель могущественнее, победил грек, который показал превос-

ходную золотую византийскую монету, имевшую хождение по всему свету, в то время как персидский купец показал всего лишь серебряную монету. А. Мец, комментируя это сообщение, добавляет, что между Византией и Ираном существовал договор, согласно которому Сасаниды должны были чеканить серебряную монету, а в качестве золотой монеты пользоваться византийским солидом [Мец, 1966, с. 344]. И хотя дополнительное замечание А. Меца, что аналогичный договор Византия заключила и с франкским королем Хлодвигом, вызывает сомнение, поскольку известно, что монетный чекан Меровингов как раз основывался на золоте [Михалевский, 1948, с. 41, 44], возможность существования если и не официального договора, но координации денежной политики между Сасанидами и Византией вовсе не исключается, если вспомнить, что в крупных вопросах региональной политики, когда две соперничавшие державы имели общие интересы, им удавалось договориться о совместных действиях. Так, например, происходило в финансировании фортификационных сооружений на Кавказе, воздвигавшихся Сасанидским Ираном против евразийских кочевников, притом что между двумя державами происходило постоянное соперничество и борьба за господство на Южном Кавказе [Гмыря, 2018, с. 120]. Интересы международной торговли с Дальним Востоком и Восточной Европой требовали общего согласия и усилий двух держав региона по организации торговых операций и беспрепятственного прохождения торговых караванов.

Арабские завоевания объединили земли Византийской империи, где денежное обращение было основано на золоте, и Сасанидского Ирана, где доминировало серебро. Мекка была на границе, и в ней ходили обе монеты, которые обменивались согласно стихийно возникавшим обменным курсам [Большаков, 1984, с. 143]. Египет был византий-

ским владением. Помимо золотой монеты стандартного веса около 4,5 г чеканились и серебряные силиквы весом 2,7 г, и медные *фоллисы*, без которых трудно представить осуществление мелких торговых сделок на египетских рынках. Мусульманская денежная система изначально строилась на соединении сасанидской и византийской традиций, то есть стандартов сасанидского серебряного чекана с византийским золотым стандартом. Трудность заключалась в том, что находившиеся в обороте сасанидские дирхамы были различного веса, от 4 до 8 *даников*¹. Это создавало путаницу для мусульман при выплате закята, поскольку налог устанавливался в размере 5 дирхамов с каждых двухсот без уточнения веса монеты. Упорядочение этой проблемы, видимо, служило оправданием денежной реформы халифа Абд аль-Малика, в результате которой был зафиксирован единый вес серебряной монеты, или дирхама, вес золотой монеты – динара, так же как и значения динара и дирхама как единиц веса. Интересно отметить, что вес большого сасанидского дирхама в 8 даников (4,72 г) совпадал с теоретическим весом византийской номисмы, который лег в основу мусульманской системы монетных весов после реформы халифа Абд аль-Малика (685–705). Становится понятным, почему аль-Макризи, несмотря на наличие примесей в большом сасанидском дирхаме, назвал его *ал-уа-фи* – полновесным [аль-Макризи, 1940, с. 48–49]. Это может также служить подтверждением центрального, опорного значения золотого византийского стандарта в международной торговле и международном денежном обороте в период до появления ислама и мусульманской денежной системы.

¹ Даник, или данг в сасанидской нумизматике – единица монетного веса в 1/6 драхмы (дирхама) весом 3,5–3,6 г [Большаков, 1984, с. 146]. К этому термину, кстати, восходит и русское «деньги», и название казахстанской денежной единицы тенге.

У аль-Макризи можно найти изложение этапов стабилизации веса серебряного мусульманского дирхама и установления обменного курса золотых и серебряных монет. Золото служило для крупных сделок и выплат налогов в центральную казну, а серебро предназначалось для совершения средних и мелких сделок. Слова аль-Макризи, подтверждающие такой порядок дел, следующие: «Серебро же в Египте шло на украшения и посуду. Из него чеканилось лишь немного для нужд мелкой торговли, необходимое для обеспечения ежедневных бытовых потребностей» [аль-Макризи, 1940, с. 64]. Аль-Макризи продолжает свои рассуждения: «Среди того, что продавалось, были товары, стоившие меньше дирхама, т.е. [какую-то] его часть. Вот почему люди всегда испытывали нужду в чем-то, чем они могли бы расплачиваться за всякую мелочь, помимо золотых и серебряных монет, но что ни на один час в истории человечества, насколько известно, не называлось деньгами и никогда не оказывалось в положении ни одного из двух видов монет» [аль-Макризи, 1940, с. 66].

Ясно сказано: медные монеты не признавались легитимным элементом, денежной единицей мусульманской монетной системы, их существование и право хождения отвергалось. Вместе с тем широкое использование медных монет в Византии накануне арабского завоевания подтверждается нумизматическим материалом, например, находками вкладах византийской провинции Херсонес [Алексеев, 2005, с. 441]. Денежная реформа императора Ираклия, правившего до начала арабского завоевания Египта (610–641), в первые шесть лет правления характеризуется выпуском большого количества медных *фоллисов*. А после того происходил отток медных монет в провинции ввиду политики их вытеснения в центральных областях империи [Mihaylov, 2019, р. 365–366]. Медные монеты Ираклия составляют

значительную часть экземпляров византийского медного чекана в коллекциях Англии [Early Byzantine Copper Coins (EBCC), 2019].

Что же стало с массой медных монет, *фоллисов*, имевших хождение в провинциях Византийской империи? Можно с большой долей вероятности предположить, что византийские *фоллисы* продолжали неофициально ходить на египетских рынках, отдельно и вне связи с официальной монетарной политикой мусульманского правительства, так же как это происходило с ираклиевыми *фоллисами* после прекращения их чекана в 616 г. Более того, есть основание полагать, что сразу после арабского завоевания в Сирии, например, периферийные монетные дворы какое-то время продолжали свою деятельность и выпускали медные монеты, востребованные для повседневных сделок на рынках [Shatzmiller, 2005, p. 278]. Аль-Макризи было известно о нахождении византийских медных монет в обращении. Он отмечает, что ко времени начала мусульманского медного чекана в Египте этих медных византийских монет осталось очень мало: «В Египте, в аш-Шаме, в обоих Ираках – Арабском и Персидском, в Фарсе, в ар-Руме как в древности, так и теперь правители этих стран для [поддержания] своей силы и могущества, для того чтобы одерживать победы и раздвигать границы своих устремлений, для [утверждения] величия своей власти использовали в качестве разменного средства медь. Из небольшого ее количества чеканили мелкие монеты, которые арабы называли *фильсами* (*фулус*) и [использовали] в мелочной торговле. Из этих *фильсов* почти ничего не сохранилось, за небольшим исключением. Вместе с тем *фильсы* никогда не заменяли в этих странах ни одного из двух видов монет» [аль-Макризи, 1940, с. 66–67]. Как можно видеть, мусульманские медные монеты были названы *фильсами*, или *фулус*, не случайно.

Наиболее популярным мнением об этимологии этого термина является его происхождение от названия византийской медной монеты *фоллис*, получившей особое признание в результате денежной реформы императора Анастасия I (491–519) [аль-Макризи, 1967, с. 84–85]. Монеты Анастасия, в частности медный *фоллис*, широко распространились и применялись в международных торговых операциях. Медная монета была найдена в Чарджоусском оазисе на Аму-Дарье. Производились и местные имитации византийской монеты [Рyatnitsky, 2006, р. 120]. Как мы можем судить по вышеприведённой цитате из трактата аль-Макризи, какое-то количество этих византийских *фоллисов*, видимо, находилось в обороте в исламское время, не будучи формально признаны и включены в официальную монетную систему мусульманского Египта. Безусловно, эта практика могла быть стимулом для начала собственного медного чекана в мусульманском Египте.

Вот как рассказывает аль-Макризи историю о том, как египетское правительство приступило к чеканке медных монет: «Причиной чекана *фильсов* в Египте во времена Аййубида ал-Камила – а до этого их не было – явилось то, что какая-то женщина обратилась к хатибу соборной мечети Мисра, которым в то время был Абу Тахир ал-Махалли, с вопросом: “Дозволено ли пить воду или нет?” Он спросил: “О раба Аллаха! А что мешает пить воду?” Она ответила: “Султан выпустил эти дирхамы, а я обычно покупаю мех воды за полдирхама. Вот у меня один дирхам, но разносчик воды не согласен на полдирхама *ал-уарик*. Получается, что я должна купить у него воду стоимостью в полдирхама за целый дирхам”. Абу Тахир осудил это и, встретившись с султаном, говорил с ним об этом. И тот приказал чеканить *фильсы*» [аль-Макризи, 1940, с. 67].

Здесь требуются разъяснения. В конце X в. происходит повсеместное ухудшение качества серебряного дирхама в мусульманском мире. Очевидно, что это явилось результатом повышения спроса на серебряный дирхам как средство обращения. Поскольку и динар, и дирхам были одновременно и весовыми единицами, монетный вес дирхама должен был оставаться стабильным. Начинается порча дирхамов, к серебру примешивают медь. Серебро как металл повышается в цене и начинает исчезать из обращения. Это явление получило название серебряного кризиса. По мнению В. В. Бартольда, серебряный кризис стартовал в Центральной Азии и в XI в. распространился на все мусульманские страны [Бартольд, 1963, с. 255]. Причины этого явления остаются предметом исследования и дискуссий. Одни предполагают, что это было следствием истощения серебряных рудников в мусульманском мире, другие не считают это главной причиной и указывают на расширение торгового обмена и увеличение спроса на средства обращения [Большаков, 1984, с. 157].

Одной из причин дефицита серебра мог быть отток серебряных дирхамов в Восточную Европу в результате спроса на товары северных стран – пушнину, рабов, рыбьего клея и других товаров, завозимых по маршрутам Шелкового пути [Ashtor, 1976, p. 175]. По мнению Романа Ковалева, авторитетного исследователя международной торговли халифата с Восточной Европой в эпоху хазарского доминирования, миллионы дирхамов, или около $3/4$ серебряной монеты из продукции монетных дворов Ближнего Востока, оседали в кладях Северо-Западной Европы в оплату за пушнину и рабов, что не могло не отразиться на экономике ближневосточных стран [Kovalev, Kaelin, 2007, p. 572].

Не требуется особой проницательности для мнения о том, что каждая причина могла иметь свое влияние на кри-

зисную ситуацию с серебром. Однако ведущим фактором, нам думается, следует признать ту роль, которая отводилась серебряной монете как средству обращения при средних и мелких сделках, связанных с товарами повседневного спроса. Рост товарного производства и увеличение объема повседневных торговых сделок и закупок на мусульманских рынках повышали спрос на мелкую денежную единицу. И если медный чекан не был дозволен мусульманской практикой, то в условиях нехватки серебряного металла оставался выход уменьшения серебряного содержания дирхама. Это как раз и иллюстрируется сообщением аль-Макризи о введении дирхамов с низким, всего лишь на $1/3$ монетного веса, содержанием серебра. Это событие приходится как раз на самый конец X в., когда фатимидский халиф аль-Хаким (996–1021) стал чеканить дирхамы, получившие в народе название «черные», или *ал-уарик*, и обменивавшиеся по курсу 40 дирхамов за 1 динар [аль-Макризи, 1940, с. 65].

Безусловно, на рынке это приводило к быстрому росту цен. Пятый Аййубидский правитель аль-Камиль (1218–1238), как видим из сообщения аль-Макризи, попытался стабилизировать курс дирхама и ввел монеты с серебряным содержанием на $2/3$ монетного веса. И хотя население обязали обменивать старые низкопробные дирхамы на новые, получившие название *аль-камили*, установленный обменный курс был невыгоден – за каждые 4 старых дирхама государство давало только один новый, то есть искусственно повышало курс новых эмиссионных дирхамов вдвое. Старые низкопробные дирхамы оставались в обращении, и эта неразбериха вела к повышению цен в дирхамах. Вот в этих условиях ал-Камил и распорядился о начале выпуска медных *фулус*.

Привести все иллюстративные факты известий аль-Макризи о медных монетах в Египте в этом кратком сооб-

щении не представляется возможным. При сведении этих известий воедино можно охарактеризовать роль медных монет в денежной системе следующим образом. Дирхам и динар были и весовым, и монетным стандартом, а *фильс* не был. Соответственно, он и не считался реальной денежной единицей, а был лишь заменой дирхама и его долей, а вследствие серебряного кризиса и исчезновения серебра из обращения также был призван заменять золото.

Эту мысль аль-Макризи иллюстрирует сравнениями из практики хождения средств товарного обмена, напоминающих кредитные деньги. Показательно, что эти рассуждения аль-Макризи начинает с рассказа о багдадском купце, который показывал лист шелковичной бумаги с китайскими письменами и утверждал, что в обмен на эту бумагу в Ханбалыке, т.е. Пекине, можно купить любых товаров на пять дирхамов. Сообщает аль-Макризи также, что в некоторых областях Индии (*аль-Хинд*) многими продуктами на рынке торгуют за чернильные орехи и свежие финики. Он указывает и на аналогичную практику в самом Египте: «Некто, в ком я не сомневаюсь, сообщил мне, что в одном из городов Верхнего Египта он видел, как жители пользуются в мелочной торговле *ал-куда*. Так в Египте называют морские ракушки. Это подобно тому, как в Египте сейчас жители пользуются *фильсами*». Как видим, аль-Макризи приравнивает роль и значение медных *фильсов* к условным средствам обмена на местных рынках.

Медные монеты не имели фиксированного веса. Одно это уже говорило за то, что хождение медной монеты, по мнению аль-Макризи, не подчинялось законам хождения серебряной и золотой монет, имевших установленный вес и закрепленное содержание благородного металла в монетном весе. Что касается веса медной монеты, то он устанавливался произвольно. Аль-Макризи сообщает нам,

что медные монеты ал-Камиля выпускались установленным курсом в 48 *фильсов* за один дирхам аль-камили, а реальная медная монета считалась достоинством в 4 *фильса*. Население, по-видимому, не следовало этому принудительному курсу, а власти пытались регулировать денежное обращение изменением веса медной монеты. Отсутствие стандарта медной монеты усугублялось и тем, что местным правителям в провинциях давалось право чеканить собственную медную монету. Цены определялись в дирхамах, а выплаты делались в медной монете.

Выпуск монет продолжали и египетские правители после ал-Камиля. Неразбериха в пересчете медных монет в дирхамы привела к тому, что люди отказывались их брать. Аль-Макризи объясняет причину такого отношения к медной монете у населения: «Людей обманывали при чеканке медных монет *фильсов*, объявляли, что цена одного *ратла* меди – два дирхама, а достоинство медных монет этого веса равнялось одному дирхаму. Это первое упоминание о том, что известно о достоинстве *фильсов*» [аль-Макризи, 1940, с. 37].

Данное сообщение аль-Макризи относится к 1295 г. Как видно из текста, конфликт и недовольство населения вызывало расхождение объявленного курса медной монеты с рыночной ценой на медный металл. Цены на медь в Египте после арабского завоевания длительное время – как раз до интересующего нас момента – колебались вокруг 1,4 кг за 1 г золота [Большаков, 1984, с. 206]. Объявленная стоимость – 1 *ратль* меди за 2 дирхама (здесь имеются в виду дирхамы *аль-камили*, на 2/3 состоявшие из серебра и на 1/3 из меди) может быть пересчитана как 1 кг меди за 1 г золота. Таким образом, объявленный курс медной монеты можно квалифицировать как искусственное завышение цены на медь в 1,4 раза.

Правивший в это время мамлюкский султан ал-Адил Китбуга (1295–1297) сделал решающий шаг – распорядился, чтобы принимали медные монеты по весу. Здесь аль-Макризи повторно приводит сообщение об установлении цены медной монеты общим весом в один ратл (450 г) в размере 2 дирхамов и добавляет, что с этого времени медные монеты стали ходить по весу, а не поштучно [аль-Макризи, 1940, с. 70].

Выше мы установили, что этот курс медной монеты в 1,4 раза выше подсчитанной О. Г. Большаковым обычной цены на медь как на рыночный товар. Здесь следует принять во внимание и некоторые расходы на чеканку монеты, а также и вероятность того, что упорядочение рыночных условий хождения медной монеты могло повысить спрос на нее, а, соответственно, увеличение ее выпуска и повышение рыночной цены на медь как сырья для чекана. Требовалось все больше медных монет. Венецианские купцы завозили большие партии меди из Европы, из рудников в Нидерландах, Венгрии и Балканах [Ashtor, 1976, p. 305].

О поставках меди из Европы сообщает и аль-Макризи: «Когда к власти пришел аз-Захир Баркук, управление государственными финансами было возложено на Махмуда б. ‘Али ал-Устадара, а тот оказался алчным до прибыли и делал все, чтобы *фильсов* чеканилось как можно больше. Он специально посылал в страну франков за красной медью и обеспечивал каирский монетный двор всем необходимым. Чекан *фильсов* продолжался во все время его управления. Он же наладил чекан *фильсов* на монетном дворе в ал-Искандарийи» [аль-Макризи, 1940, с. 71]. Нам известно, что Каирский и Александрийский монетные дворы были основными центральными монетными дворами Египта как минимум на протяжении двух столетий со времени описываемых событий [Ибн Маммати, 1990, с. 103].

Таким образом, можно высказать мнение, что медная монета в Египте первоначально выполняла функции кредитных денег. К этому выводу подводят также и рассуждения аль-Макризи об идентичности медной монеты с другими платежными средствами, такими как раковины, чернильные орехи, в том числе и переводные векселя на бумаге. Однако с началом официального медного чекана, несмотря на отсутствие весового стандарта, медные монеты обретают качество наличных денег. Выше указывалось, что исследователи медного денежного обращения в мусульманских провинциях, в частности, в Центральной Азии не имеют в своем распоряжении письменных свидетельств о хождении медной монеты. Насколько известия аль-Макризи способны возместить этот недостаток?

Центральная Азия до арабского завоевания находилась в зоне влияния и распространения китайской денежной системы, основанной исключительно на медной монете. Имеется довольно обширная коллекция медных монет местного чекана с названием *фулус* из местных монетных дворов в период сразу после арабского завоевания. На некоторых из них выбит курс обмена на дирхамы, например, «60 за дирхам», или «120 за дирхам» [Nastich, б.г., р. 5, 6, 22, 45, 74–75]. Медная монета продолжала использоваться в денежном обращении, но, вероятно, после перечековки на мусульманских монетных дворах. И ее привязка к дирхаму была призвана связать ее с денежным обращением центральных областей халифата. Практика принудительного курса начала применяться именно здесь еще в VIII в. И не исключается, что введение медных денег в Египте было заимствованием из Центральной Азии. А если это было так, то можно также прийти к заключению, что мусульманская денежная система формировалась как взаимодействие не только сасанидской и византийской систем,

но также и практики денежного обращения Центральной Азии.

Автор этих строк далек от мысли рассматривать данное сообщение как новый материал для исследования медного чекана на мусульманском Востоке. Это скорее желание привлечь внимание специалистов по истории денег и денежного обращения к свидетельству выдающегося историка мусульманского Средневековья Таки ад-Дина аль-Макризи о роли медных монет в рыночных отношениях и возникновении кризисных состояний в египетской экономике. Для полноценного исследования роли медной монеты в мусульманском мире, видимо, необходимо рассматривать денежное обращение в мусульманских странах и провинциях как систему сообщающихся сосудов, в которых чекан монеты определялся установками и практикой денежного обращения периода возникновения ислама в Аравии – на границе Ирана и Византии, а также под влиянием монетно-денежных систем этих государств и других регионов, к которым арабы-мусульмане вышли в результате своих завоеваний, в том числе и прежде всего Центральной Азии.

Раздел 3 Литература

Глава 4 Две арабские параллели к Библии

Богатство средневековой арабо-мусульманской литературы общепризнано. Не в последнюю очередь оно связано с тем, что в исламское время было записано множество арабских рассказов, восходивших к древним временам (разумеется, не без последующих добавлений, изменений и т.д.). Эти рассказы ценны сами по себе, однако их ценность возрастает ещё больше, если мы можем проследить их взаимосвязь с культурой других народов. В некоторых случаях мы сталкиваемся с тем, что на арабской почве про-являются сюжеты, общие для многих народов и культур. В одной недавно опубликованной работе автор этой главы обратил внимание на старинные арабские рассказы о неотвратимости того, что предначертано судьбой [Мишин, 2021].

Настоящая работа посвящена некоторым аналогиям между арабскими рассказами и Библией. Разумеется, со стороны автора этих строк было бы неправильно претендовать на то, что изложенным ниже ограничивается изучение темы в целом. Специфика средневековой арабской литературы состоит в том, что рассказы, в которых есть такие аналогии, могут обнаружиться буквально в любом произведении независимо от его жанра. Поэтому данную главу можно считать

разве что промежуточным этапом того большого труда, который, как можно надеяться, будет выполняться и далее.

Один из арабских рассказов, имеющих библейские параллели, происходит из фольклора племени *таййи* (или *тайй*). Как и многие другие народы, арабские племена хранили память о том, как они пришли в те места в Аравии, которые впоследствии считали своей исторической родиной. В исламское время многие племенные сказания были записаны; знаменитый средневековый знаток арабских и персидских древностей Хишам аль-Кальби (род. ок. 738, ум. 819/20 или 821/22) составил не дошедший, к сожалению, до нас и потому известный под условным названием трактат «Разделение [арабов]» (*Ифтирак*); выдержки из этой книги сохранились в географических энциклопедиях Абу Убайда аль-Бакри (ум. 1094) и Йакута (1179–1229)¹. Эти выдержки содержат, в частности, пересказ историй о переселении племени *таййи* с юга Аравии в область горных цепей Салма и Аджа, на плато Шаммар в северной части полуострова. В Средние века эта область прочно ассоциировалась с *таййитами*; Салма и Аджа называются в источниках «двумя горами *таййи*» (*джабала таййи*). В доисламское время *таййи* считались славным племенем; к ним принадлежали, например, поэт Хатим ат-Та'и, известный своей вошедшей в поговорку щедростью, а также Ийас ибн Кабиса, который в начале VII в. (правда, в течение очень короткого времени) был правителем Хиры. После принятия ислама *таййиты* отнюдь не потерялись и в мусульманском обществе. Таким образом, неудивительно, что племенные сказания *таййитов*, вынесенные из доисламского прошлого, сохранялись и в более позднее время, когда они были записаны.

¹ Издание, в котором собраны и систематизированы сохранившиеся фрагменты этого труда, опубликовано недавно в Объединённых Арабских Эмиратах [Хишам бин Мухаммад аль-Кальби, 2010].

Сказание о приходе таййитов в область гор Салма и Аджа', как можно заметить при чтении источников, – составное, оно складывается из двух историй. Одна из них представляет собой рассказ о том, как таййиты пришли к «двум горам», следуя за диким верблюдом, который время от времени прибывался к их стадам, затем уходил, а потом вновь возвращался, причём довольно откормившимся. Эта история, которая, заметим, сама по себе весьма интересна, так как по ней можно судить о том, как в древности выбирали путь люди, переселявшиеся на новые места, в том или ином виде присутствует во всех версиях сказания, приводимых в источниках. Здесь, однако, следует сосредоточиться на её продолжении – рассказе о том, что произошло после того, как таййиты достигли области «двух гор». По одному рассказу, далее произошло следующее:

«Таййи»² двинулся в путь со своими верблюдами и детьми и встал у “двух гор”, увидев, что это – земля стоящая. Он заметил там одного огромного, дородного и высокого ростом старика, подобного по телосложению ‘адитам³. С [этим стариком] пребывала женщина такого же телосложения; её звали Салма, и она была его женой. Прежде они (старик и его жена. – *Д.М.*) разделили между собой горы пополам, так что Аджа' оказалась в одной половине, а Салма – в другой. Таййи' спросил, кто они и как живут. Старик сказал: “Мы – те, кто остался от [племени] сухар. Мы веками жили у этих двух гор, но удары судьбы погубили нас”. Тогда Таййи' сказал ему: “Как вам, если я поселюсь здесь и стану вам другом?” Старик сказал: “Моё сужде-

² Им. в виду родоначальник племени.

³ В этом фрагменте, как и в приведённых ниже, нашли отражение представления об ‘адитах, т.е. людях, принадлежавших к древнему, вымершему народу ‘ад, как о великанах. Например, аль-Мас‘уди (ум. 956) полагал, что ‘адиты были ростом с финиковую пальму [аль-Мас‘уди, 1966, с. 153].

ние – поселяйся. Место это широкое, на деревьях спелые плоды, вода чистая, трава нетронутая”. И Таййи’ со своими верблюдами и детьми остался у “двух гор”. Вскоре старик и старуха умерли, и место освободилось для Таййи’. Потомки его там и поныне» [Йакут, 1955, с. 97].

В этом рассказе отношения между пришлыми таййитами и местным населением развиваются мирно. Однако в большинстве источников между ними происходит конфликт, который заканчивается гибелью выступившего против таййитов аборигена. Этот рассказ приведён ниже по самым подробным версиям, которые мы находим у Абу Мухаммада аль-А’раби (писал в первой половине XI в.), в трактате о родословных арабов аль-‘Аутаби ас-Сухари (жил между началом X и началом XIII вв.), а также в географии Йакута [Абу Мухаммад аль-‘Араби, 1981, с. 55–57; аль-‘Аутаби ас-Сухари, 2006, с. 290–292; Йакут, 1955, с. 97–98 (передача текста ал-А’раби), 99 (версия, которую Йакут считает наиболее достоверной)]. В сокращённом виде (но с той же линией повествования) он обнаруживается у Ибн аль-Асира (1160–1233) и Ибн Халдуна (1332–1406); последний приводит его со ссылкой на Абу-л-Фараджа аль-Исфাহани (897–967) [Ибн аль-Асир, 1987, с. 273; Ибн Халдун, 1999, с. 45–47]. Таким образом, одинаковое начало истории о приходе таййитов в область Салма и Аджа’ имеет два сильно отличающихся друг от друга продолжения; это определённо свидетельствует в пользу того, что в ней соединились или, вернее, были сведены воедино разные сообщения.

Итак, мы вправе рассматривать приводимый ниже рассказ как отдельное произведение. Его наиболее интересная черта состоит в том, что по развитию сюжета он очень напоминает библейскую историю о Давиде и Голиафе. К этому наблюдению легко прийти, если читать названные источники параллельно.

аль-А'раби	аль-‘Аутаби ас-Сухари	Йакут	1-я Царств, 17
<i>1. Вводная часть рассказа</i>			
	Таййи' выступил со своими сыновьями и расположился у «двух гор».	Все таййиты отправились к «двум горам» [...]. Таййиты передвигались на многочисленных верховых животных и набросились на финиковые пальмы в горных проходах.	[1] Филистимляне собрали войска свои для войны и собрались в Соххофе, что в Иудее, и расположились станом между Соххофом и Азеком в Ефес-Даммиме. [2] А Саул и Израильтяне собрались и расположились станом в долине дуба и приготовились к войне против Филистимлян.
<i>2. Появление мощного противника. Огромные размеры его тела, устрашающий внешний вид</i>			
Сказал нам Абу-н-Нада под запись: «Однажды, когда Таййи сидел вместе со своими сыновьями, явился муж из потомков Джадиса, очень высокий, телосложением подобный 'адитам' ⁴ [О смысле аналогии с 'адитами см. прим. 25.] и такого большого роста, что закрывал собой вид вдаль; он превосходил их силой. То был аль-Асуад бин 'Аффар ⁵ бин ас-Сабур аль-Джадиси; он	И однажды, когда Таййи' сидел вместе с сыновьями, явился муж из потомков Джадиса, сына 'Амира, сына Сима, сына Ноя, очень высокого роста; он едва не закрывал собой вид вдаль. Его звали аль-Асуад ибн Гифар.	Внезапно они натолкнулись в одном из этих ущелий на человека по имени аль-Асуад бин Гифар. Его исполинское телосложение ужаснуло их,	[3] И стали Филистимляне на горе с одной стороны, и Израильтяне на горе с другой стороны, а между ними была долина. [4] И выступил из стана Филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он – шести локтей и пяди. [5] Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его – пять тысяч сиклей меди; [6] медные наколенники на ногах

⁴ 'Ади аль-джибилла. Йакут, цитируя этот фрагмент, пишет 'ари аль-джибилла (обнажённый) [Йакут, 1955, с. 97].

⁵ У Йакута – Гифар [Йакут, 1955, с. 97].

бежал от Хассана <i>тубба</i> ⁶ -а ⁶ в день Йемамы и явился к “двум горам”.			его, и медный щит за плечами его; [7] и древко копья его, как навой у ткачей; а самое копьё его в шестьсот сиклей железа, и пред ним шёл оруженосец.
3. Словесные угрозы противника			
Он сказал Таййи': "Кто привёл вас в мою страну, доставшуюся мне от предков? Уходите из неё, а не то я сделаю с вами то-то и то-то". Таййи' сказал: "Эта страна – наша, она принадлежит нам, и мы ей владеем. А ты притязаешь на неё так, как будто нашёл её пустой". Тогда аль-Асуад сказал: "Назначь нам и себе время, и мы тогда сразимся; тот, кто победит, будет по праву [владеть] этой страной". И они назначили время.	Он сказал Таййи': «Кто привёл вас в мою страну и родину, доставшуюся мне в наследство от предков? Уходите из моей страны, а не то я сделаю с вами то-то и то-то». Таййи' сказал: «Эта страна – наша; мы пришли в неё, и в ней никого не было. А ты притязаешь на неё и утверждаешь, что она – твоя». [Аль-Асуад] сказал: «Уходите из неё, а не то я разделаюсь с вами всякими способами». Тогда Таййи' сказал: «Назначь нам срок». Исполнил так и сделал и удалился.		[8] И стал он и кричал к полкам Израильским, говоря им: зачем вышли вы воевать? Не Филистимлянин ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человека, и пусть сойдёт ко мне; [9] если он может сразиться со мною и убьёт меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам. [10] И сказал Филистимлянин: сегодня я посрамлю полки Израильские; дайте мне человека, и мы сразимся вдвоем.

⁶ Слово *тубба*⁶ здесь означает правителя Йемена. Аль-А'раби имеет в виду Хассана Йуха'мина, сына царя объединённой державы Химьяра и Сабы (Йемен) Абкариба Ас'ада, правившего в середине V в. Мусульманские историки приписывают Хассану поход на северо-восток Аравии и разгром джадиситов (именно поэтому в тексте аль-Асуад спасается от него бегством). Нетрудно понять, что упоминание о Хассане в данном фрагменте представляет собой очевидный анахронизм.

4. Страх перед поединком с противником

Таййи' сказал [человеку по имени] Джундаб бин Хариджа бин Са'д бин Футра бин Таййи' – а матерью его была Джадила, дочь Субай'а бин 'Амра бин Химйара [У Йакута – дочь Субай'а бин 'Амра бин Химйара (Йакут, 1955, с. 98).], по имени которой называются Джадилат Таййи'; [Таййи'] любил её пуще остальных: "Сразись за честь свою." Тогда мать Джундаба сказала: "Клянусь Аллахом, ты оставляешь своих детей, а моего сына отправляешь на смерть". Таййи' сказал: "Несчастливая! Я же удостоил его [такой чести]". Но она отказалась [отпустить сына на бой].	Тогда Таййи' сказал [человеку по имени] Джундаб бин Хариджа бин Са'д бин Футра бин Таййи' – а матерью его была Джадила, дочь Шуфай'а из Химйара или, по словам других, Джадила, дочь Йасла'а из Хардрамаута, а по словам третьих – Джадила, дочь Анмара и сестра Баджилы; к ней возводят свою родословную [потомки] Футры бин Таййи'; [Таййи'] жаловал Джундаба благодеяниями и любил прежде остальных: «[Давай,] сынок, сразись за честь свою». А мать [Джундаба] сказала [Таййи']: «[Заклинаю] Аллахом, не отправляй сына моего на смерть, оставив собственных сыновей; клянусь Аллахом, не делают так». Он сказал: «Несчастливая! Я же удостоил его [такой чести]». А Таййи' любил Джундаба больше, чем своих сыновей, и припрятывал для него кушанье <i>хайс</i>, пищу и благовония.	и они испугались его. Тогда они остановились в одном месте и тщательно осмотрели его, но никого кроме [этого человека] не увидели.	[11] И услышали Саул и все Израильтяне эти слова Филистимлянина, и очень испугались и ужаснулись.
--	---	---	--

5. Единоборцем становится случайный человек, а не опытный воин

Тогда Таййи' сказал 'Амру бин аль-Гаусу бин Таййи': "Тебе, о 'Амр, сразаться с этим человеком". 'Амр сказал: "Не стану я этого делать". [<i>Следует стих, сказанный 'Амром одному из присутствовавших.</i>] Таййи' сказал: "Это – самая лучшая обитель у арабов". 'Амр сказал: "Не стану я этого делать, если только не будет поставлено условием, что у потомков Джадилы не будет удела в [области] "двух гор". Таййи' сказал: "Будет тебе то, что ты поставил условием" [...]	Когда же мать [Джундаба] не пустила его сразиться с 'адитом по велению Таййи' и поспорила с Таййи', не желая отдавать сына, Таййи' сказал 'Амру ибн аль-Гаусу ибн Таййи': «О 'Амр! Этот человек (противник. – Д.М.) – твой!» [<i>Следует стих, сказанный 'Амром одному из присутствовавших.</i>] Таййи' и' сказал 'Амру ибн аль-Гаусу ибн Таййи-и': «Это – самая лучшая обитель на земле». ['Амр] сказал: «Я не сделаю этого, если только сыновья мои не получат право на них», то есть на «две горы». [Таййи-и] сказал: «Ты получил это».	Тогда Усама бин Лу'айй' сказал своему сыну по имени аль-Гаус: «Сынок, твои соплеменники знают силу и доблесть твою, а также твоё искусство лучника. Избавь нас от этого человека! Если ты избавишь нас от него, будешь вождем (<i>саййид</i>-ом) племени до скончания века; ты будешь также [считаться] тем, кто поселил нас в этой стране».	[32] И сказал Давид Саулу: пусть никто не падает духом из-за него; раб твой пойдёт и сразится с этим Филистимлянином. [33] И сказал Саул Давиду: не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты ещё юноша, а он воин от юности своей. [34] И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, [35] то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его; [36] и льва и медведя убивал раб твой, и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живого. [37] И сказал Давид: Господь, Который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого Филистимлянина. И сказал Саул Давиду:
--	---	---	---

⁷ В данном рассказе этот человек (а не Таййи') выступает как предводитель таййитов.

			иди, и да будет Господь с тобою. [38] И одел Саул Давида в свои одежды, и возложил на голову его медный шлем, и надел на него броню. [39] И опоясался Давид мечом его сверх одежды и начал ходить, ибо не привык к <i>такому</i> вооружению; потом сказал Давид Саулу: я не могу ходить в этом, я не привык. И снял Давид все это с себя. [40] И взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним; и с сумкою и с пращею в руке своей выступил против Филистимлянина.
6. Перед началом боя противники обмениваются репликами			
Итак, аль-Асуадин Гифар выступил к условленному месту; при нём был лук из железа и стрелы, тоже из железа. Он сказал "О 'Амр! Если хочешь, я буду бороться с тобой, если хочешь – буду состязаться с тобой в стрельбе, а если нет – сражусь с тобой на мечах". 'Амр сказал: "Мне		И аль-Гаус отправился в путь, явился к этому человеку и задал ему вопрос. Аль-Асуад удивился тому, сколь мал телом аль-Гаус. Он спросил: «Откуда вы прибыли?» [Аль-Гаус] сказал: «Из Йемена» – и рассказал ему о верблюде и о том, как они прибыли вместе с ним (верблюдом.	[41] Выступил и Филистимлянин, идя и приближаясь к Давиду, и оруженосец шёл впереди его. [42] И взглянул Филистимлянин и, увидев Давида, с презрением посмотрел на него, ибо он был молод, белокур и красив лицом. [43] И сказал Филистимлянин Давиду: что ты идешь на меня

⁸ Перевод «сражусь с тобой на мечах» дан по тексту Йакута (*сайафту-ка*) [Йакут, 1955, с. 98]. Он очевидно предпочтительнее текста издания труда аль-А'раби (*сабакту-ка*, т.е. «потягаюсь с тобой в скорости»).

лучше бороться. Сломай свой лук, я сломаю свой, и мы поборемся”.	И ‘Амр ибн аль-Гаус отправился искать ‘адита и нашёл его. [‘Адит] собирал спелые финики, приговаривая: «Сбрасывай их вниз, а я буду сидя подбирать то, что ты сорвал Вот, вижу я как ноша твоя увеличивается в размерах и делается более высокой». Увидев ‘Амра, ‘адит сказал: «О тот, кто охотится на газель! Ты напал на след её Если не сделаешь ты эту охоту безопасной [для себя] – обойдётся один лучник с другим как следует, если тот предупредит его». Аль-Хайсам ибн ‘Ади⁹ сказал: “Я не встречал этого стиха у рассказчиков из Ирака”. Он (автор рассказа. – Д.М.) сказал: “И ‘адит двинулся вперёд; у него были железный лук и железные стрелы с огромными железными же наконечниками, называемые <i>гифариййа</i>. Он сказал ‘Амру: “Хочешь – я буду бороться с тобой, хочешь – буду стреляться с тобой из луков, а хочешь – буду сражаться с тобой на мечях”.	– Д.М.). [Он также сказал, что] они испугались, видя, что он (аль-Асуад. – Д.М.) сложен как исполин, а они малы по сравнению с ним. А он (аль-Асуад. – Д.М.) сказал ему свои имя и родословную.	с палкою? разве я собака? И проклял Филистимлянин Давида своими богами. [44] И сказал Филистимлянин Давиду: подойди ко мне, и я отдам тело твоё птицам небесным и зверям полевым. [45] А Давид отвечал Филистимлянину: ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских, которые ты поносил; [46] ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму с тебя голову твою, и отдам трупы войска Филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле; [47] и узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши.
---	---	--	--

⁹ Ранний мусульманский историк (род. ок. 738 г., ум. в 20-е гг. IX в.).

	‘Амр сказал: “Мне лучше бороться”. Он (аль-Асуад. – Д.М.) сказал: “Я вижу у тебя лук”. [‘Амр] сказал: “Я сломаю его”.		
7. Единоборец неожиданно поражает противника до сближения с ним с помощью метательного оружия			
А у ‘Амра бин аль-Гауса бин Таййи’ был лук из колец, и он когда хотел прикреплял их, а когда хотел – снимал. И ‘Амр бросил лук, и плечи отделились от него. И аль-Асуад двинулся и сломал свой лук и стрелы. Тогда ‘Амр, увидев это, взял свой лук, составил его, надел на него тетиву и крикнул ему: “О Асуад! Бери свой лук, мне лучше стреляться! Аль-Асуад сказал: “Ты перехитрил меня”. ‘Амр же сказал: “Война – это кто кого перехитрит”. Это выражение стало крылатым. И ‘Амр выстрелил в него и поразил его в сердце».	А лук ‘Амра был таков, что он, когда хотел, разбирал его, а когда хотел – вновь собирал. И [‘Амр] бросил лук к подножию горы. А он (аль-Асуад. – Д.М.) подумал, что [‘Амр] сломал его, двинулся к горе со своими луком и стрелами и сломал их. Видя это, ‘Амр схватил свой лук, надел тетиву и сказал: «Возьми свой лук, мне лучше метать стрелы». Тогда аль-Асуад вспомнил о том, как применил уловку против тасм ¹⁰ , и сказал: «Если кто добьётся успеха в один день, против него добьются успеха в другой»; это выражение стало крылатым. И ‘Амр пустил стрелу и поразил его в сердце.	Затем аль-Гаус начал единоборство, пустил в него стрелу и убил.	[48] Когда Филистимлянин поднялся и стал подходить и приближаться навстречу Давиду, Давид поспешно побежал к строю навстречу Филистимлянину. [49] И опустил Давид руку свою в сумку и взял оттуда камень, и бросил из пращи и поразил Филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю. [50] Так одолел Давид Филистимлянина прашею и камнем, и поразил Филистимлянина и убил его; меча же не было в руках Давида. [51] Тогда Давид подбежал и, наступив на Филистимлянина, взял меч его и вынул его из ножен, ударил его и отсек им голову его; Филистимляне, увидев, что силах их умер, побежали ¹¹ .

¹⁰ Древний народ, который, согласно средневековым мусульманским историкам, джадиситы истребили, позвав на пир, а затем внезапно напав. Именно эта уловка имеется в виду в тексте источника.

¹¹ Русский перевод приводится по: [Библия, 2004, с. 273–275]. Мы основываемся на нём с той оговоркой, что *адмони* библейского текста в основном истолковывается как «румяный» или «рыжий», а не как «белокурый».

Кроме схожести сюжета обращает на себя внимание упоминание о железных луке и стрелах аль-Асуада, которые мы видим в рассказах аль-А'раби и аль-Аутаби ас-Сухари. Трудно представить себе лук, сделанный из железа; упоминание о нём ещё Йакут охарактеризовал как немыслимое [Йакут, 1955, с. 98]. Однако оба наблюдения хорошо поддаются объяснению, если учесть, что арабские известия почти наверняка являются более поздними по сравнению с библейским рассказом. Можно предположить, что история юноши, который, точно направив метательный снаряд, убил рослого воина, защищённого доспехами, имела широкое хождение на Ближнем Востоке и быстро попала к арабам. Те, сохранив сюжет в целом, наполнили его близкими им реалиями, однако некоторые подробности прежних рассказов всё же остались. К таковым, видимо, можно отнести слова о железном луке аль-Асуада, которые напоминают описание вооружения Голиафа; в обоих случаях рассказчики подчёркивают, что противник имел металлическое оружие. При желании можно видеть параллель и в том, что арабские сказители считали аль-Асуада представителем древнего, вымершего народа *джадис*; он был аналогом филистимлян.

Рассмотрение другой параллели, также связанной с Давидом, имеет смысл начать с библейского текста:

«И послал Господь Нафана [пророка] к Давиду, и тот пришёл к нему и сказал ему: в одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный; [2] у богатого было очень много мелкого и крупного скота, [3] а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него как дочь; [4] и пришёл к богатому странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришёл к нему, а взял овечку бедняка

и приготовил её для человека, который пришёл к нему. [5] Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это; [6] и за овечку он должен заплатить вчетверо, за то, что он сделал это, и за то, что не имел сострадания» [2 Царств, 12, 1–6; Библия, 2004, с. 299].

В средневековой мусульманской литературе мы находим несколько очень похожих рассказов. Наиболее ранний из них принадлежит перу ал-Балазури (ум. ок. 892) и выглядит так:

«Что касается Абу Ругаля¹², то говорят, что он – из древних, чистокровных арабов (*аль-араб аль-‘ариба*). Он имел власть над Таифом и его окрестностями. С населения своих владений он взимал овец и коз (*ганам*) как подать (*хардж*), которую они должны были платить в его пользу. Он вершил произвол и действовал своевольно. И вот однажды он явился к одной вдове, которая растила маленького сироту, поя его в год засухи молоком козы. А кроме [этой козы] в Таифе не было ни [козы, ни] овцы, которая давала бы молоко. Он забрал козу, ребёнок остался без молока и умер. Тогда Аллах послал Абу Ругалью беду, и он умер. Он был похоронен между Таифом и Меккой, и в могилу его непрестанно мечут камни» [аль-Балазури, 1996, с. 31].

Другие версии этого рассказа встречаются у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани (897–967) и Йакута. Их расхождения с текстом ал-Балазури незначительны; наиболее важные из них состоят в том, что у Абу-ль-Фараджа и Йакута Абу Ригаль был царём в Таифе и принадлежал к потомкам древнего народа *самуд* [Абу-ль-Фарадж ... аль-Исфахани, 1994, ч. 4, с. 463; Йакут, 1957, с. 53]. При этом Абу-ль-Фарадж в начале своего текста даёт ссылку на автора исходного сообщения – Хаммада Сказителя (*ар-Рауийа*, род. 694/5, ум. 772 или 773).

¹² Так в издании, хотя общепринято чтение «Ригаль».

Последний известен как человек, который собрал и оставил потомкам множество сообщений о древности и стихов (в частности, знаменитые доисламские поэмы-му‘аллаки). В передаче Абу-ль-Фараджа Хаммад сообщает об Абу Ригале, что он «являлся прародителем всех *сакиф* (т.е. племени *сакиф*. – Д.М.), происходил из потомков [народа] самуд и был царём в Таифе» [Абу-ль-Фарадж ... аль-Исфахани, 1994, ч. 4, с. 463]. Йакут отдельно приводит слова Хаммада о том, что Абу Ригаль являлся прародителем всех *сакиф* и был царём в Таифе [Йакут, 1957, с. 53]. Следует отметить, что у Абу Бакра аль-Байхаки (994/5–1065/6) встречается *хадис*, в котором пророк Мухаммад, проезжая мимо могилы Абу Ригаля, говорит, что последний был прародителем *сакиф* и происходил из народа *самуд* [аль-Байхаки, 1988, с. 292]. По данному фрагменту автор этих строк предпочитает воздержаться от высказывания какого-либо мнения, так как в параллельном источнике, сборнике Абу Давуда ас-Сиджистани (ум. 888), данный *хадис* приводится практически в том же виде, но без фразы о *сакиф* и *самуд* [Sunan, 2008, с. 547–548]; в вопросе о том, какой текст следует считать правильным, необходимо полагаться на компетентное суждение специалистов по хадисоведению. Однако представляется вероятным, что данный рассказ имел хождение у арабов на достаточно раннем этапе, возможно – уже в доисламское время.

Далее Йакут приводит ещё один рассказ с тем же сюжетом:

«Имя Абу Ригаля – Зайд ибн Мухлиф. Он был слугой пророка Салиха – да благословит его Аллах и приветствует! Он (Салих. – Д.М.) послал его (Абу Ригаля. – Д.М.) собирать пожертвования. Он явился к людям, не имевшим молока; у них была лишь одна овца. Среди них был ребёнок, мать которого умерла, и они кормили его молоком этой овцы ... И он (Абу Ригаль. – Д.М.) отказался брать что-либо, кроме

этой овцы. Тогда они сказали: “Оставь её, благодаря ей этот ребёнок остаётся живым”. Но он отказал им. Говорят, что его (Абу Ригаля. – Д.М.) с небес постигло бедствие. Но говорят, что его убил хозяин овцы. А Салих – мир ему! – потеряв его, встал в то время, когда люди обыкновенно собирались вместе, и стал расспрашивать их. Ему рассказали, что сделал [Абу Ригаль], и он проклял его. Могила его (Абу Ригаля. – Д.М.) между Меккой и Таифом; люди побивают её камнями» [Йакут, 1957, с. 53].

Этот текст почти в том же виде присутствует в средневековом толковом словаре арабского языка Ибн Манзура (1233–1311/12) [Ибн Манзур, 1984, с. 1682]. Установить происхождение данного текста непросто. Йакут, приводя его, ссылается на комментарий ас-Суккари (827/8–888/9) к одному стиху Джарира (ум. 728/9 или немногим позже) [Йакут, 1957, с. 53]. Однако этот комментарий до нас не дошёл, и нельзя даже поручиться, что он существовал, так как известный средневековый библиограф Ибн ан-Надим (ум. 995) писал, что ас-Суккари не составлял сборника стихов Джарира [Ибн ан-Надим, 1929/30, с. 225]. Между тем и рассказ, в котором Абу Ригаль действовал в качестве сборщика пожертвований, был известен как минимум уже в IX в. Так рассказывает об Абу Ригале Ибн Кутайба (828–889) [Ибн Кутайба, 1981, с. 91]. Аль-Балазури в другом месте приводит краткое известие, по которому Абу Ригаль был слугой пророка Шу‘айба [аль-Балазури, 1996, с. 31].

Между арабскими рассказами есть очевидные расхождения. В одном рассказе Абу Ригаль отбирает козу, в другом – овцу. Сам он в одном случае представлен как царь и прародитель *сакиф*, в другом – как сборщик пожертвований (*мусаддик*). Эти расхождения, которые нельзя объяснить ошибками передатчиков или переписчиков, говорят о том, что приведённые рассказы существовали в различных вер-

сиях; это, в свою очередь, указывает на распространённость сюжета.

При всех различиях в источниках в одном между средневековыми авторами наблюдается полное единодушие: для всех Абу Ригаль – сугубо отрицательный персонаж. В наиболее ранних передачах стиха поэта омейядского времени Амра ибн Даррака аль-Абди мы находим выражение «порочнее, чем Абу Ригаль» (*а'зам фаджратан мин Аби Ригаль*) [аль-Джахиз, 1954, с. 157; аль-Масуди, 1966, ч. 2, с. 201]. Это выражение схоже с нашим «святее Папы Римского»; Абу Ригаль тем самым выступает в качестве своего рода эталона порочности.

В источниках Абу Ригаль появляется в связи с ещё одним эпизодом. Ибн Хишам (ум. 828/9 или 833), ссылаясь на Ибн Исхака (ум. 767/8), пишет, что во время похода эфиопского правителя Йемена Абрахи на Мекку войско проходило через Таиф. Жители города, принадлежавшие к *сакиф*, повели переговоры с Абрахой и дали ему проводника, который должен был довести войско до Мекки; им стал Абу Ригаль. Хотя Абу Ригаль, согласно этому рассказу, не довёл войско эфиопов до Мекки (он умер по дороге, в аль-Мугаммase), представления арабов об этом походе как о кошунственном начинании распространились и на него: Ибн Хишам далее сообщает, что могилу Абу Ригалья побивали камнями [Ибн Хишам, 1995, с. 87]. И в данном случае необходимо констатировать некоторые расхождения: в сохранившихся списках текста Ибн Исхака фигурирует не Абу Ригаль, а некий Нуфайль [Ибн Исхак, 1976, с. 38]. Между тем Абу Ригаль вновь предстаёт как отрицательный персонаж, хотя и в иных исторических условиях.

Констатируя очевидную близость библейских и средневековых арабских рассказов, мы должны уделить внимание тому, что они из себя представляли. Рассказ Нафана – часть

известной библейской истории об Урии и Вирсавии; богачу пророк уподобляет самого царя Давида. Нафан рассказывает историю, уже ходившую или сочинённую тут же, о богаче и бедняке, чтобы дать Давиду хороший пример и убедить его раскаяться. Рассказ Нафана носит тем самым дидактический характер и потому предельно ясен; можно представить себе, что он пользовался популярностью как пример. Не менее популярен и тогда, и в последующие времена был рассказ о победе Давида над Голиафом. Строго говоря, трудно с уверенностью утверждать, что история о неожиданной победе юноши над богатырём относится именно к Давиду, а не является расхожим рассказом, в котором Давид был волею повествователя поставлен на место главного героя. Во 2-й книге Царств есть фрагмент, где убийство Голиафа приписывается не Давиду:

«Было и другое сражение в Гобе; тогда убил Елханан, сын Ягаре-Оргима Вифлеемского, Голиафа Гефянина, у которого древко копья было как навой у ткачей» [2 Царств, 21, 19; Библия, 2004, с. 312]¹³.

Библейские рассказы об овечке и Голиафе были хорошо известны образованным мусульманам хотя бы потому, что оба сюжета встречаются в Коране, причём именно в связи с Давидом (сура 38, айаты 21(22)–23(24) и сура 2, айаты 250 (249)–252 (251) соответственно). Однако в приведённых выше арабских рассказах Давид не упоминается; с библейскими текстами их роднят только близость хода повествования и сюжеты – неожиданная победа юноши над могучим воином и недопустимый произвол власть имущих, которые отнимают у тех, кто находится под их властью, последнее, необходимое для выживания. Следовательно, рассказы, которые мы находим у мусульманских писателей, являются

¹³ В оригинале после «в Гобе» стоит «с филистимлянами» [La Sainte Bible, 1901, p. 568].

не переложениями библейских текстов, а арабскими версиями их сюжетов. Поскольку Библия была составлена намного раньше, чем арабские рассказы, есть основания считать, что данные сюжеты были позаимствованы арабами у евреев, хотя, строго говоря, неизвестно, сколько времени, у кого и как они существовали в устной передаче. Очевидно, между арабами и евреями имело место информационное взаимодействие, которое и сделало возможным такое хождение литературных сюжетов. При этом арабы переработали усвоенные ими рассказы, сделав их понятными арабскому слушателю, но оставив общую сюжетную линию. В этом отношении вполне естественно, что во втором из рассмотренных случаев в качестве главного отрицательного героя арабских рассказов выступает Абу Ригаль, что полностью соответствовало его укоренившемуся негативному образу.

Глава 5

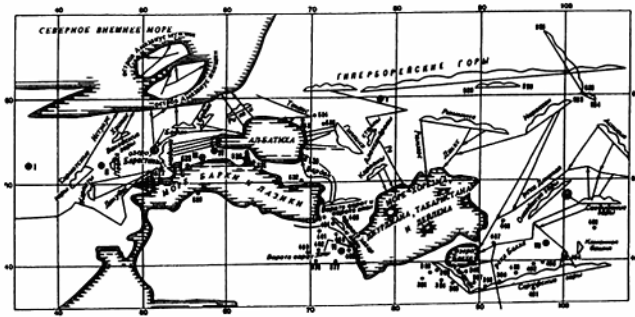
Моря севера Земли

на картах и в описаниях арабских географов IX–XII вв.

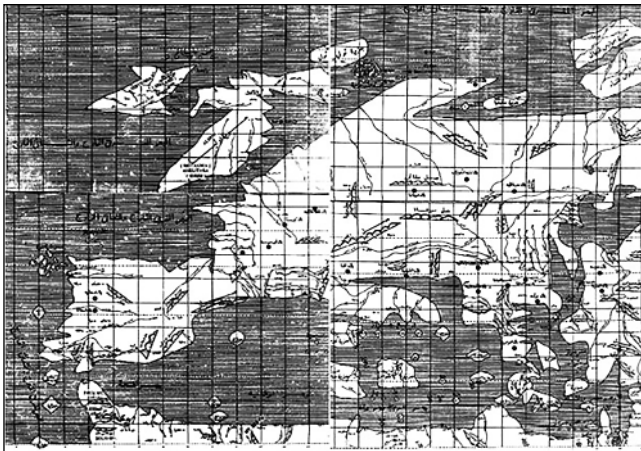
Сведения арабских географов о морях на севере Земли изначально были связаны с греческой традицией, в частности, с данными «Географии» Клавдия Птолемея, жившего во II веке. Ученые Халифата активно использовали данные античных писателей при описании пространств мира. Сочинения античных и эллинистических теоретиков, в том числе Птолемея, переводились с греческих оригиналов и сирийских версий в центрах научной деятельности, называемых Домом мудрости (*Байт ал-Хикма*), в Багдаде и других городах Арабского халифата. Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми, работавший при «Доме мудрости» халифа аль-Ма'муна, написал труд под названием «Книга картины Земли – городов, гор, морей, островов и рек, извлеченная Абу Джа'фаром Мухаммадом ибн Мусой аль-Хорезми из книги “География”, которую сочинил Клавдий Птолемей». Аль-Хорезми переработал «Географическое руководство» Птолемея, изменив координаты топонимов, гидронимов и хоронимов, сохранив частично греческие (а возможно, сирийские, поскольку не исключено, что были использованы сирийские версии переводов книги Птолемея на арабский язык) наименования в арабизированном, поэтому искаженном виде

[Tibbets-1, 1992, p. 90–107]. В произведении аль-Хорезми были перечислены более 2400 координатных данных морей, гор, рек, областей и населенных пунктов. Они были разделены по семи климатам [Das Kitab Surat al-ard..., 1926]. Термин «климат», который у арабов звучал как иклим, принадлежал грекам, ввел этот термин Гиппарх во II в. до н.э. [Honigmann, 1929, p. 110–117 et passim; Neugebauer, 1975, p. 335 et passim; Shcheglov, 2003, p. 3].

Птолемей насчитывал восемь климатов, но он не разделял материалы своего труда по климатам, а использовал названия регионов и епархий. Аль-Хорезми же строго следовал разделению координатных данных по семи климатам, добавив области позади первого и седьмого климатов. Пункты в семи климатах определялись широтами и долготами на основе данных о солнцестоянии и длины тени в полдень. Он делил Землю (точнее, обитаемую четверть Земли, поскольку, следуя греческим ученым, остальные три части считались непригодными для жизни) на семь параллельных широтных поясов, распределив свой материал с запада на восток по этим широтным зонам, при этом данные координат совершенно не совпадали с птолемеевыми. «Книга картины Земли» подразделяется на шесть глав – города, горы, моря, острова, центры стран, реки + источники. Расположение координат в сочинении аль-Хорезми – береговые линии морей, идущие от первой координаты к следующей и далее до конечной; течения рек от одной координаты к дальнейшей или дальнейшим; описания гор, указывающие на направление вершин, – все это показывает, что материалы, вероятнее всего, собирались для составления карты. Известно, что карта мира должна была быть сделана для халифа аль-Ма'муна. Ряд востоковедов считают, что труд аль-Хорезми был написан в связи с составлением этой карты [Крачковский, 1957, с. 92; Mžik, 1915? с. 152–175].

*Реконструкция части прямоугольной карты мира аль-Хорезми.
Сост. Т. М. Калинина.*

Реконструкция карты Западной Европы и Северного водного бассейна аль-Хорезми: Географическая карта мира..., 1985, с. 100.

Моря описывались по точкам координат береговой линии с запада на восток. Северные границы климатов отличались от материалов Птолемея. Сарматский океан Птолемея аль-Хорезми назвал Северным Внешним морем (аль-бахр аш-Шимали аль-Харидж). Координаты его бе-

реговой линии севернее Гибралтара и вдоль Европейского континента в целом соответствуют Сарматскому океану Птолемея [Das Kitab..., 1926, с. 61–63, 102–104; Калинина, 1988, с. 46, 86], но есть и существенные отличия. Координаты в книге аль-Хорезми продолжили береговую линию этого моря по широте. Следуя данным Птолемея, аль-Хорезми показывал в Северном Внешнем море острова, которые соответствуют птолемеевским Ибернии – *Йубарнийя*, Альбиону – *Алвийя*, Скандии – *Сикандийя*, ряду островов без названия, координаты которых примерно соответствуют Гебридам, Оркнейским и Шетландским островам Птолемея, а также острову Туле (*Тулийя*), он же представлялся крайней северной точкой Земли [Mžik, 1936, с. 173; Lewicki, 1949, р. 56; Wieber, 1974, р. 61–63; 67–96]. Внутри Северного Внешнего моря аль-Хорезми поместил два острова Амазунис (искаженно – *амаратус*), т. е. амазонок, на которых раздельно жили женщины и мужчины, что не соответствует данным Птолемея [Das Kitab..., 1926, с. 89; Wieber, 1974, р. 61–63; 67–96; Калинина, 1988, с. 47–48, 89–90]. Известия об амазонках восходят к древнегреческой традиции, но эта легенда претерпела значительные изменения: место жительства амазонок было перенесено на острова в море на севере Земли, показаны течение рек и координаты нескольких городов. Координаты же этих островов в Северном Внешнем море в книге аль-Хорезми доходят до широт 66°40' и 64°40', что превосходит границы птолемеевой ойкумены. Есть предположение, что в целом водный бассейн соответствует Финскому и Ботническому заливам [Lewicki, 1949].

По материалам аль-Хорезми, после впадения в Северное Внешнее море безымянной реки, соответствующей Хроносу Птолемея, морская береговая линия сохраняла широтное направление (как у Птолемея), затем поворачивала к северу

и замыкалась [Das Kitab..., 1926, s. 68–69; Калинина, 1988, с. 46, 86–87]. У Птолемея же Сарматский океан на севере переходил в неведомые земли. На севере же границей ойкумены была широта 73° , тогда как у Птолемея – 63° . Было высказано мнение, что могут подразумеваться воды Балтики [Lewicki, 1926].

По данным координат книги аль-Хорезми, в седьмом климате река Барастанис (Борисфен Птолемея) вытекала из одноименного озера, так же как в труде Птолемея. В книге последнего этому озеру соответствовало озеро Амадока, а река впадала в Понт, т.е. Черное море. Однако течение реки Борисфен у аль-Хорезми совершенно изменено: оно соединено с Северным Внешним морем, а не Понтом [Mžik, 1936, с. 173–174, 183–184; Калинина, 1988, с. 86, 102–104].

Аль-Хорезми не пользовался греческим именем Черного моря – Понт, а называл его «морем Лазики и Барики», которое являло собой восточную часть огромного водного бассейна, идущего от Гибралтара через Средиземное море. Не имел названия и Меотис, как у Птолемея и прочих античных географов, но к нему прилагался термин «аль-Батиха», одно из значений которого – «озеро» и которым аль-Хорезми называл все прочие озера мира. На сохранившемся в рукописи изображении это озеро названо «аль-Бата'их» – мн. ч. от «ал-Батиха». Не исключено, что ал-Хорезми так воспроизвел имя *paludes Meotides* – «Меотийские болота», которым пользовались некоторые римские географы.

*Аль-Бата'их=Меотиды – карта аль-Хорезми:
The History of Cartography..., 1992. Plate 5.*

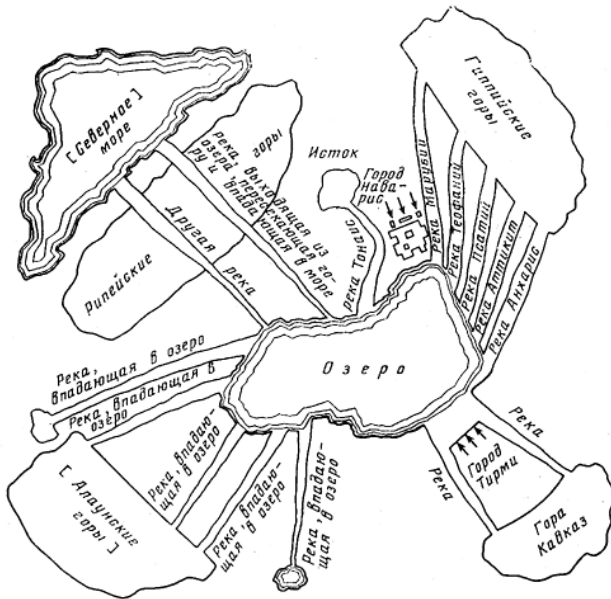
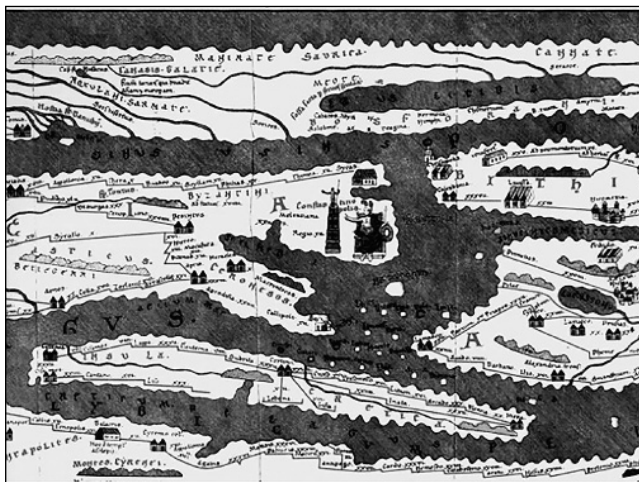

Схема карты Меотиды из книги аль-Хорезми с переводом названий на русский язык: Булгаков, Розенфельд, Ахмедов, 1983, с. 181, рис. 37.

Озеро на карте и по координатам труда аль-Хорезми не имело связи с Черным морем, хотя о соединении этих морей знали античные географы. Зато две реки, выходящие из этого озера, по координатным данным книги аль-Хорезми были соединены с Северным Внешним морем, как это видно на карте аль-Батихи. Птолемеевы реки Турунт и Хесин, впадающие в Северное море, и Лик и Порит, впадающие в Азовское, оказались двумя безымянными потоками, выходящими из аль-Батихи и впадающими в Северное Внешнее море. Можно полагать, что автор получил сведения о речных путях Восточной Европы [Калинина, 1999, с. 84–99; Коновалова, Мельникова, 2018, с. 128–130]. Однако «путь

из варяг в греки» стал активно функционировать на десятилетия позднее, поэтому информация о нем едва ли могла достигнуть ученого, работавшего в Халифате в первой трети IX в. Более вероятно влияние на знания аль-Хорезми поздней античной картографии. В «Естественной истории» Плиния Старшего (I в.), в «Перипле Эритрейского моря» (I в.), в труде Максима Тирского (II в. н.э.), как и у ряда других литераторов (см. ниже) есть известия о Меотиде как отдельном озере, воды которого впадают в Северный океан [Подосинов, 2007, с. 38–41]. Певтингерова карта, относящаяся к первым векам н. э., тоже показывает связь Меотиды с Северным морем некими реками:

Фрагмент Певтингеровой карты: Подосинов, 2002,
илл. 8 (segm. VIII).

В X в. и позднее арабские географы не использовали данные аль-Хорезми о Северном Внешнем море. Астроном и математик аль-Баттани, живший в 853–929 гг., в своем «Зидже» писал об Окружающем океане, омывающем

со всех сторон Землю, назвав часть этого океана Западным морем, известным от Абиссинии (*аль-Хабашиа*) до Британии (*Бартинийа*) на севере, против которой есть двенадцать островов, далее же это море никому не известно [Al-Battani, 1899, p. 27; ср. Крачковский, 1957, с.101]. Понятие об Окружающем море или Окружающем океане, охватывающем со всех сторон Землю, пришло к арабам из древнегреческой науки. Там же появилось понятие о прочих морях как заливах Океана, кроме Каспия (море Гиркании античных авторов, море Джурджана, Табаристана или Хазар у арабов).

Почти аналогичное описание Окружающего моря вошло в сочинения других арабских писателей, таких как Ибн Руста, Кудама ибн Джа‘фар, ал-Мас‘уди, ал-Казвини, в произведениях которых разнятся только величины морей. Ряд авторов называл эту северную часть Окружающего океана Зеленым морем; впрочем, чаще Зеленым морем именовали Индийский океан. Все же большая часть географов называла северную часть Атлантики Западным морем (*бахр аль-Магриб*), иногда морем Мрака (*бахр аль-Музлим или Зулумат*) и считала его ответвлением Океана Окружающего; знали и остров Туле как самый северный пункт этого Океана или Западного моря.

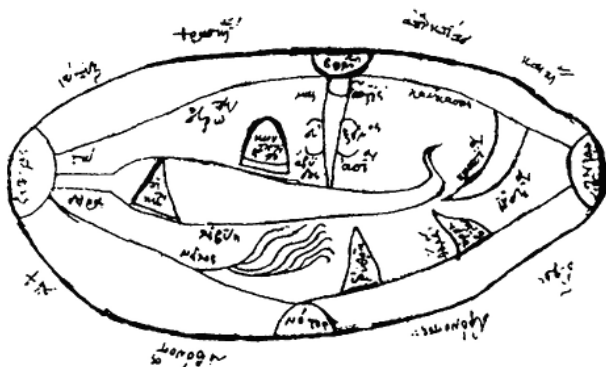
Данные о Туле имеются у целого ряда арабских авторов [Гаркави, 1873, с. 145–158]. Ибн Хордадбех (IX в.) полагал, что Туле (у него – город) был расположен на необитаемом море, которое находилось «позади славян». Он отметил, что это то же самое море, в котором лежат Острова Счастливых: имеется в виду Окружающий Океан, простирающийся с запада на север, т.е. западная и северная части Атлантики, где, как писал Ибн Хордадбех, не плавают корабли и ничего из него не вывозят [Ибн Хордадбех, 1986, с. 91, 268; Kitâb..., 1889, с. 93].

Ибн аль-Факих аль-Хамадани, положивший в основу своей книги труд Ибн Хордадбеха, перерабатывал старые и добавлял новые сведения о разных областях в «Книге стран», которую он написал в 903 г. Описывая моря Земли, он упомянул четвертое по счету море, которое находилось «между Румией и Хорезмом», по которому никто не плавал и в котором лежал остров Тулия [Compendium..., 1885, р. 7). Текст Ибн аль-Факиха является реминисценцией известий Ибн Хордадбеха о северной части моря Западного, где находился остров Туле.

Аль-Мас'уди (ум. 956) в «Книге предупреждения и пересмотра» ссылаясь на Птолея, называя Туле крайним северным пределом обитаемой части Земли, расположенным в самой дальней стороне моря Западного в направлении севера, где нет обитаемых мест [Kitab..., 1894, р. 26]. В разделе о морях Земли автор писал, что по-гречески Окружающее море называется «Океан» (*Укийанус*), называют его еще и Зеленым морем (*бахр аль-Ахдар*). Это море самое большое, из него выходят прочие моря Земли, а на севере и западе у этого моря нет никакого предела. Как и аль-Баттани, наш автор написал, что на севере его находятся двенадцать островов Британии (*Бартанийя*) [Kitab ..., 1894, р. 68; аль-Масуди, 2001, с. 212]. Аль-Мас'уди также упоминал Окружающее море, когда писал о набеге русов-маджусов около 300 г.х. (912) на испанское побережье Атлантики, отметив, что явились пришельцы не из Гибралтара, а из пролива, соединявшего, по понятиям аль-Мас'уди, Понт и Окружающий океан. Он объяснял появление русов в Испании тем, что все моря являются заливами Окружающего океана, соединенными между собой, в том числе и западная, и северная части Океана, и моря Черное (Понт, искаженное *Нумас*) и Азовское (*Майутис*) [Maçoudi, 186I, с. 364–365]. В «Книге предупреждения и пересмотра» он помещал озеро

Майутис «на краю обитаемой земли со стороны севера» [Kitab..., 1894, р. 67], хотя в более ранней книге «Золотые копи и россыпи самоцветов» аль-Мас‘уди передавал вполне реальную информацию о Меотисе как о море, соединенном с *Понтом* [Maçoudî, 1861, с. 273]. Причиной смены воззрения ал-Мас‘уди на Меотис как на озеро, расположенное на крайнем севере, могла быть карта, предназначенная аль-Ма‘муну, которую он видел и описал [Крачковский, 1957, с. 87; аль-Масуди, 2001, с. 193; Kitab ..., 1894, р. 33].

Возможно также влияние греческой и римской географических традиций, где показаны связи Меотиды и Северного моря, отразившиеся, например, в легенде о плавании аргонавтов за руном, в книгах Псевдо-Гиппократы, Лукана, в «Перипле Эритрейского моря», в трудах Максима Тирского и Марциана Капеллы. Такие воззрения, как было показано выше, обнаруживаются также на Певтингеровой карте, где северное побережье Черного моря выглядит как ровная полоса, а Меотида соединена с Северным морем; так же как на карте Равеннского анонима; схожим образом на византийской карте XV в., базирующейся на ранних, не сохранившихся образцах, где от Константинополя до Понта и далее к северу тянется рукав, который, расширившись при впадении в Северный океан, называется Меотидой [Подосинов, 2014, с. 346–350].

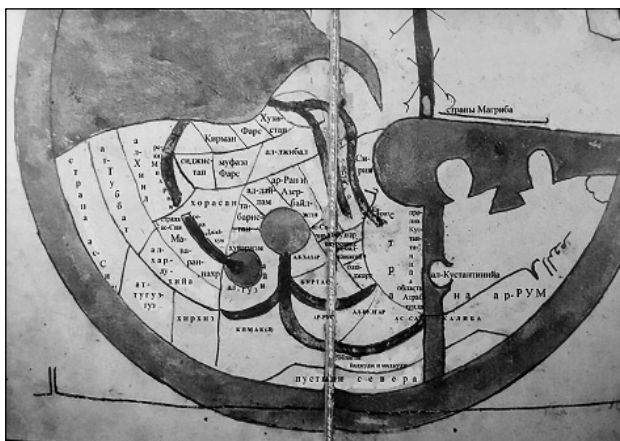
Позневизантийская карта XV в.: Подосинов, 2007. Илл. 9.

В X в. появилась т. наз. «классическая школа» арабских географов, представителями которой считаются аль-Балхи, аль-Истахри, Ибн Хаукаль, примыкает к ней и географ аль-Мукаддаси [Крачковский, 1957, с. 194–218; Tibbets, 1992, р. 108–136]. Аль-Балхи около 920 г. написал не дошедшее до наших дней сочинение, название которого точно неизвестно: «Картины климатов» (*Сувар аль-акалим*), или «Виды стран» (*Ашкаль аль-билад*), или «Перечисление стран» (*Такуим аль-бульдан*). В основу своей «Книги путей и государств» (*Китаб аль-масалик уа-ль-мамалик*) положил это сочинение аль-Истахри, его младший современник; редакции относились к 30–50-м гг. В свою очередь, переработал, изменил и добавил свои данные Ибн Хаукаль, написавший в 977–988 гг. «Книгу картины земли» (*Китаб сура аль-ард*). Труды состояли из описаний 21 области и поясняющих карт. Круглые карты мира ориентированы на юг. Общая карта мира показывает Океан, окружающий Землю [Opus..., 1938, вкладка между сс. 8–9, см. также иллюстрацию ниже], есть отдельные карты Персидского

моря (*бахр аль-Фарис*, Индийский океан) [Opus..., 1938, р. 42], Средиземного моря (*бахр ар-Рум*) [Ibidem, р. 193], Каспийского (*бахр аль-Хазар*) [Opus..., 1939, р. 387]. Первые два моря показаны как заливы Окружающего океана, море Хазар – как замкнутый водный бассейн, как и у многих античных авторов. Пролив из Средиземного моря, идущий мимо Сирии, далее мимо Константинополя на север прямо в Окружающий океан, на круглых картах мира и в текстах назывался Константинопольским проливом (*халидж аль-Кустантинийя*) [Калинина, 2016]; Черное и Азовское моря не были выделены.

Круглая карта мира аль-Истахри. The History of Cartography, с. 604. Plate 7.

*Круглая карта мира из труда Ибн Хаукаля: Pinto, 2016, с. 67. Fig.
4.7. Перевод названий на русский язык мой – Т. К.*

На берегу Окружающего океана близ впадения Константинопольского пролива отмечены «пустыни севера» и народы Йаджудж и Маджудж [Opus ... 1938–1939, p. 12, 14, 202, 281, 392; Viae..., 1870, p. 7, 9]. На карте Ибн Хаукаля видна также связь этого пролива с морем Хазар, т. е. Каспийским через реку Итиль, чего нет на других картах «классической школы» географов. Связь юга и севера Европы посредством такого рукава, возможно, служит подтверждением того, что Ибн Хаукаль мог получить известия о «пути из варяг в греки». Для конца X в. это вполне вероятный вариант, поскольку днепровский путь уже активно функционировал в это время. Тем не менее нельзя упускать из виду возможное влияние поздневизантийских и даже западноевропейских, правда, очень немногочисленных, карт, где также виден пролив, уходящий на север, в Окружающее море из Черного [Подосинов, 2007, с. 45–55]. Таким образом, информация трудов аль-Истахри и особенно Ибн Хаукаля о северных

пределах известного мира показывает не только книжную, обычную для арабских географов, традицию (например, существование Окружающего океана), но и новые знания об этих отдаленных землях. Необходимо отметить также возможное воздействие поздней античной и западноевропейской традиций, особенно в отношении сведений Ибн Хаукаля, хорошо осведомленного об Испании.

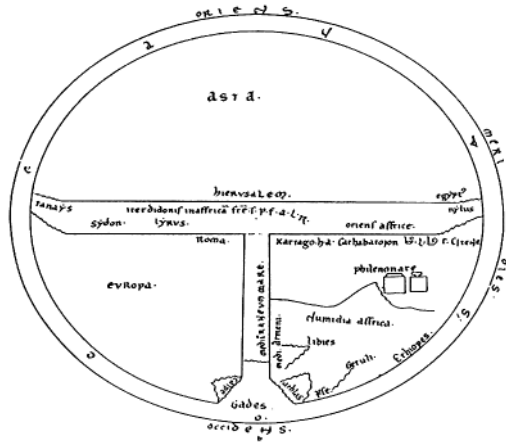
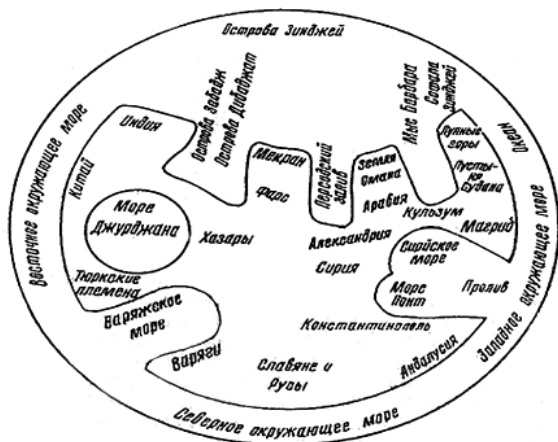

Рис. 2. Карта И.И.14
Перерисовка Г.Вуттке. Источник: Wuttke. Taf. VII

*Пример прямой связи Средиземного моря с Океаном.
Западноевропейская карта: Чекин, 1999, с. 33.*

В XI в. знаменитый ученый аль-Бируни показывал семь климатов земли, окруженных Окружающим океаном. В его книгах есть сведения о расположении морей обитаемой части Земли, где моря показаны как заливы Океана (*Укийанус*), который по-арабски называется также *аль-Мухит*, т.е. «Всеобъемлющий» (т.е. окружающий со всех сторон Землю), непроходимый и непосещаемый, где плавают только вблизи берегов. Именно аль-Бируни

(повторил его сведения Йакут в XIII в.) писал, что на севере, который на карте аль-Бируни располагался внизу, выходит к северу от земли славян (*ард ас-сакалиба*) большой залив (*халидж*) вблизи земли (*ард*) болгар, которая названа страной (*балад*) мусульман. Он известен как море варягов (*варанк*), это народ на его побережье. Затем это море поворачивает ближе к востоку, между берегом и самой отдаленной землей тюрок [Абу Райхан Беруни, 1975, с. 100]. В «Геодезии» при описании холодных северных местностей аль-Бируни также отмечал, что там нет обитаемых мест, но есть море варягов, (*бахр уарандж*), отходящее от Окружающего моря к северу от земли славян [Абу Рейхан Бируни, 1966, с. 160]. Название «варяг» известно по древнерусским, греческим, латинским, скандинавским источникам. Автор привел карту морей Земли, где внизу имеется надпись «Северное Окружающее море», по берегам которого проживают славяне и русы. Показано также и море варягов (*бахр аль-уаранк*) как залив Окружающего моря. Аль-Бируни первым в арабской литературе указал местоположение и название варягов. Можно предполагать, что он получил информацию о Балтийском море и близлежащем населении. В его трудах упоминается и море славян (*бахр ас-сакалиба*), хотя на карте морей такого нет. В «Минералогии», в главе о янтаре, написано, что этот камень попадает в море славян (*бахр ас-сакалиба*), находящемся в холодной стороне, а также упоминается о Северном море как заливе Окружающего океана, из которого достают клыки рыбы (моржа?), привозившиеся булгарами в Хорезм на продажу [Ал-Бируни, 1963, с. 195, 198; Калинина, 2021, с. 149–150].

[Аль-Бируни, 1975, с. 100].

Таким образом, хотя аль-Бируни придерживался античной традиции в воззрении на Океан как на бассейн, окружающий Землю, в остальном он передавал оригинальную информацию, не восходящую к античным или римским источникам.

Сведений об авторстве анонимной «Книги чудес и диковин виденного воочию» (иное название «Книга чудес наук и приятное для глаз») (*Kıtabı gıra'ib al-funun u muḥaṣṣat al-funun*) почти нет. Из текста книги следует, что он признавал законной власть фатимидских имамов, не исключено, что именно поэтому скрывал свое имя [An Eleventh-Century Egyptian Guide..., 2014, p. 32]. Труд состоит из двух книг: I – О Небе, II – О Земле. В первой книге уделено внимание астрономии и астрологии [An Eleventh-Century Egyptian Guide..., p. 322–191 (араб. текст); 415–528 (англ. пер.)]. Вторая книга о Земле делится на 25 глав, где имеются карты-иллюстрации и текстовые пояснения к ним

[An Eleventh-Century Egyptian Guide..., p. 190–76 (араб. текст), 415–506 (англ. пер.)]. В нее вставлены две карты мира: круглая и прямоугольная.

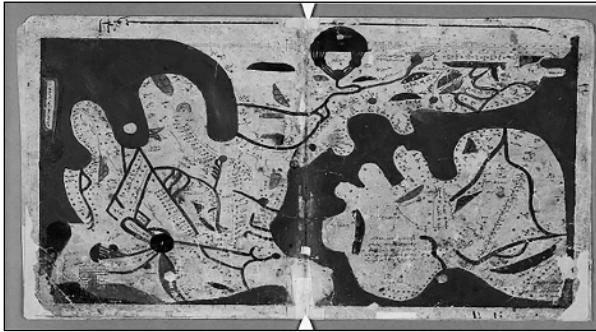
Круглая карта мира Анонима весьма схожа с известной круглой картой мира аль-Идриси, выполненной в 1154 г. [Lost Maps..., 2018, p. 24 и дал.].

Bodleian Library MS. Arab. C. 90: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb/> (fol. 27b and 28a)

Возможно, круглая карта мира «Книги чудес» не относится к самому трактату, а имеет иное происхождение: она могла принадлежать другому переписчику и попасть в рукопись «Книги чудес» позднее ее написания. Однако есть и другое предположение: круглая карта мира, обычно приписываемая аль-Идриси, возникла на столетие ранее, а именно в эпоху написания «Книги чудес», поскольку эта карта может не принадлежать ему самому – ведь он и не ссылается на нее в своей «Книге Рожера». Такая теория предполагает пересмотр общей картины арабской картографии, поэтому к ней следует относиться с предельной осторожностью [An Eleventh-Century Egyptian Guide..., 2014, p. 30–31; Lost Maps..., 2018, p. 24–27].

Прямоугольная карта мира, как полагают исследователи, имеет основой некие позднеантичные образцы, восходящие к математическим выкладкам Птолемея и сохранившиеся в труде аль-Хорезми [Lost Maps..., 2018, p. 75–95]. Однако заметно сходство с круглой картой мира, а также и текста в книге Ибн Хаукаля [Lost maps..., 2018, p. 75–100; Cahlaoui, 2018, p. 123–126].

Фрагмент прямоугольной карты «Книги чудес»: Bodleian Library MS. Arab. c. 90: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb/> (fol. 23b and 24a)

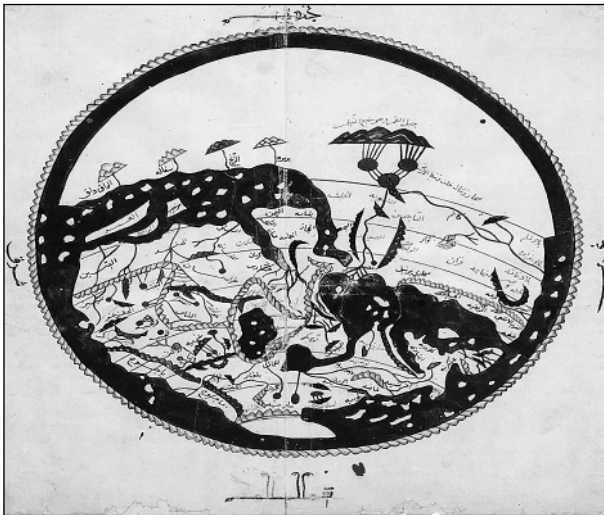
На карте встречаются названия областей, народов, городов, большая часть которых обозначена красными точками. Ориентация карты южная. Показан на карте и упоминается в тексте Константинопольский пролив (халидж аль-Кустантинийа), представляющий собой рукав, отходящий от Средиземного моря и соединенный на севере с Окружающим океаном [Калинина, 2016, с. 151–159]. Именно такие данные Ибн Хаукаля повлияли на Анонима [An Eleventh-Century..., 2014, p. 447, note 7]. Как и на картах «классической школы» географов X в., Константинопольский пролив идет из Средизем-

ного моря, от Сирии поворачивает к северу, течет между Константинополем и землями славян (*ас-сакалиба*) к Окружающему океану на севере, без указания на Понт или Меотиду (хотя на карте Средиземного моря указан некий пролив или залив (*халидж*) бурджан, который идентифицирован исследователями с Черным морем: [An Eleventh-Century..., 2014; Lost Maps..., 2018, p. 130; 290, note 6¹]. Нельзя утверждать, что данные о связи Константинопольского пролива и Окружающего моря на севере оригинальны, скорее, они книжного характера и отображают общее воззрение арабских географов на связь севера и юга Европы по водным путям.

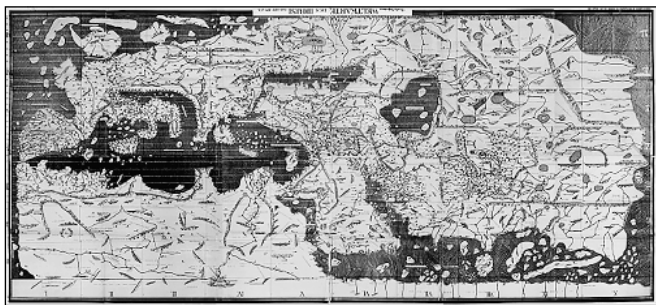
Известный географ XII в. аль-Идриси (1100–1165) в своем сочинении «Развлечение истомленного в странствии по областям» (иной перевод: «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат аль-муштак фи ихтирак аль-афак*) представил 70 карт-секций обитаемого мира; в общем они представляли собой прямоугольную карту. Северная часть Атлантики называлась морем Мрака (*бахр аз-Зулумат* и *бахр аль-Музлим*), с которым соединялось Смолистое море (*бахр аз-Зифти*) (Al-Idrisi, p. 87, 105, 224 и дал.]. Последнее в книге аль-Идриси чаще относилось к восточной части Атлантического океана, хотя в ряде случаев его сведения изменялись: Смолистое море оказывалось впадающим в северную часть Окружающего моря [Коновалова, 2007, с. 228–229; Al-Idrisi, p. 87]. На круглой карте мира Океан показан как омывающий всю Землю, так же как на картах «классической школы» географов. Вероятно, следуя именно этой традиции, аль-Идриси рассказал о проливе, который, вытекая из Средиземного моря (*моря аш-Шами*), проходил мимо Константинополя

¹ Следует отметить, что на прямоугольной карте мира этот пролив (залив) не показан.

и соединялся с морем Мрака (*бахр аль-Музлим*) (еще одно название Окружающего моря) [Коновалова, 1999, с. 68; Al-Idrisi, p. 905]. В сочинении аль-Идриси встречается также упоминание о западной части моря Мрака, которая граничит с севером страны Русийи, затем отклоняется к северу, потом к западу, переходя в неведомые земли. Не исключено, что здесь отражена информация о Белом море [Коновалова, 1999, с. 72; Al-Idrisi, p. 957]. В труде аль-Идриси есть также известие об островах амазонок в северной части моря Мрака [Коновалова, 1999, с. 72; Al-Idrisi, p. 955–956]. Так же, как в «Книге картины Земли» аль-Хорезми, такая информация восходит к античным воззрениям, но носит следы некоей реальности, поскольку там приведены названия городов.

*Круглая карта мира аль-Идриси: The History of Cartography, 1992.
Plate 11.*

*Реконструкция прямоугольной карты мира аль-Идриси К. Миллера
(ориентация северная): https://en.wikipedia.org/wiki/Muhammad_al-Idrisi (июнь 2016).*

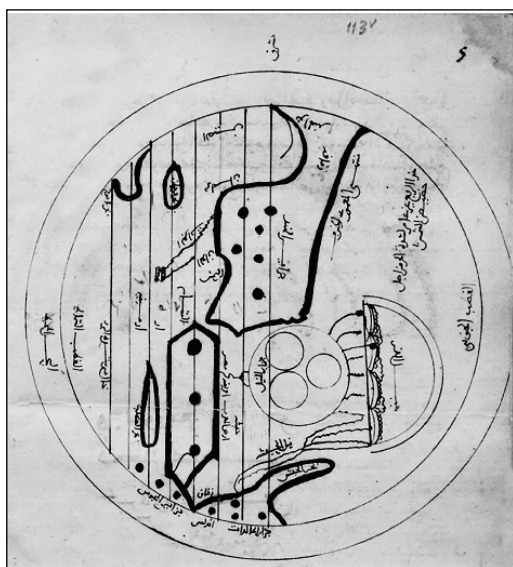
Информация аль-Идриси об известном ему мире и морях являет собой синтез книжных, в том числе античных или византийских, и современных ему знаний, разграничить которые не всегда просто. Данные о северных водах Европы являются примером такой контаминации.

К 30-м гг. XII в. относится произведение Абу Бакра аль-Хараки «Предел постижения относительно разделения небесных сфер» (*Мунтаха-л-идрак фи такасим ал-афлак*) [Крачковский, 1957, с. 312; Wiedemann-[Samsó], 1997, р. 1059]. Вторая часть второй главы этой книги посвящена описанию пяти морей Земли. Окружающее море названо Западным, а также Греческим Океаном (*Йунанийуна Укийанус*), которое граничит с Индийским океаном и о котором известна только та часть, которая находится на севере и западе и граничит с областями русов и славян. Далее повторяются аналогичные материалам из трудов аль-Бируни сведения о вытекающем из Окружающего моря заливе на севере области славян, который простирается до земли мусульманских болгар и называется морем варягов, живущих на его берегу.

Море Понт Земной называется также морем Трапезунда и повторяется информация аль-Баттани о его размерах и протяженности от Лазики, но уточняется, что проходит оно не до Константинополя, как у аль-Баттани, а позади Константинополя до областей русов и славян. Указана связь этого моря посредством реки Танаис с морем Меотис (*Маймас*), которое тоже названо морем варягов [Al-Battani, 1903, p. 173, note 4]; в издание книги аль-Баттани ее издатель К. Наллино вставил указанный фрагмент из труда аль-Хараки. Географическая номенклатура и частично описание морей имеют параллели в произведениях аль-Баттани и аль-Бируни.

Во введении аль-Хараки называл в качестве одного из своих источников известное по позднейшим ссылкам произведение аль-Джайхани. Это позволило В. В. Бартольд высказать предположение, что ряд фрагментов труда аль-Хараки могут восходить к книге аль-Джайхани [Бартольд, 1973, с. 528]. Поскольку книга аль-Джайхани не сохранилась, то такая версия может быть лишь предположительной. В целом же информация аль-Хараки о бассейнах севера Земли является переработкой сведений ранних авторов, свойственной средневековой арабской литературе, с некоторой долей оригинальной информации. Указание на связь северного озера Меотис с Понтом посредством реки Танаис может показывать влияние поздней римской традиции, хотя, вероятнее, здесь имеется отголосок данных аль-Баттани.

В XII в. появилась «Книга о приливах и отливах», в которой находилась карта морей Земли.

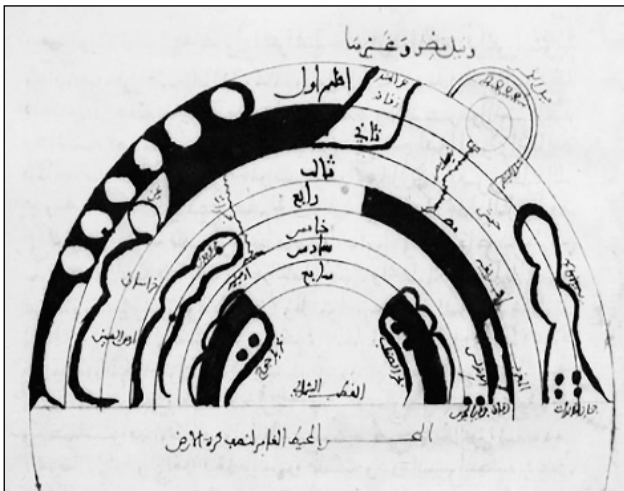

Romero-Gilon Deleito, 2019, с. 100. Fig. 91-A

Версия о принадлежности этого труда известному ученому аль-Кинди (ок. 801–873), у которого была работа со схожим названием, исследователями отвергнута; наиболее вероятным автором считается малоизвестный литератор XII в. Абу Али аз-Заййат [Калинина, 2020, с. 42–43]. Автор нарисовал Окружающее море и его заливы, ориентируясь на задачу показать примеры приливов и отливов морей. На севере (карта восточной ориентации) показано море славян (*бахр ас-сакалиба*), которое в тексте названо заливом Океана и в котором есть острова маджусов (*джаза 'ир аль-маджус*), как арабские авторы иной раз именовали норманнов. Такая информация является оригинальной. На карте это море показано почему-то внутренним, не соединенным с Океаном. Острова маджусов показаны вблизи Андалуса и Окружающего моря. Их расположение тоже

не соответствует тексту. Не исключено, что здесь был виноват картограф, рисовавший карту. Тем не менее издатель текста и переводчица труда на испанский язык Э. Мартинес это море назвала Балтийским [Martines, 1971, p. 105, фрагмент 106]. В целом автор «Книги о приливах и отливах» по-новому показал северные воды Земли. Интересно отметить, что эта карта ориентирована на восток, в отличие от большинства прочих арабских карт, ориентированных на юг, иногда на север, но не на восток. Такая ориентация была свойственна ряду западноевропейских карт, восходящих к трудам Макробия (V в.) или Исидора Севильского (ум. 636); не исключено, что автор, живший в Испании, мог отразить взгляды этих ученых [Romero-Gilon Deleito, 2019, p. 100].

Вторая карта «Книги проливов и отливов» показывает северную часть Европы, в центре которой находится Северный полюс (*кутб аш-шимали*).

Romero-Gilon Deleito, 2019, c. 103. Fig.91-C.

Показаны климаты с первого по седьмой с севера на юг (здесь карта ориентирована на север). Слева видно море Маджусов с островами, справа – море Славян (*ас-сакалиба*), оба находятся внутри седьмого климата. В этой картине неясно, являются ли эти моря заливами моря Окружающего, хотя из текста это следует. Снова возможна связь с картой Макробия или его последователей, где также показаны климаты.

В целом «Книга приливов и отливов» являет собой интереснейший пример арабской картографии, возможно, связанный с поздней античной традицией.

«Книга географии» (*Китаб аль-джа'рафийа*), написанная в XII в., принадлежала Абу 'Абдаллаху аз-Зухри [Бейлис, 1973, с. 553–579], хотя есть сомнения в авторстве сочинения; называют его и Анонимом из Альмерии [Ferhat, 2002, р. 566]. В труде рассказано об окружающих Землю морях – Голубом круге (*ат-таук ал-азрак*), который является морем Мраков со стоячей водой, и о Зеленом круге (*ат-таук ал-ахдар*), который представляет собой Окружающее море (*бахр ал-мухит*), из которого вытекают все моря на Земле; эти моря соединены между собой [Бейлис, 1973, с. 557; Kitāb..., 1968, р. 305]. Окружающее море поименовано также Великим морем (*бахр аль-А'зам*), на границе которого вблизи полюса вращается Большая Медведица (*Банат На'и*), на западе этого моря плавают маджусы, на севере же из Великого моря отходит залив под названием моря славян (*бахр ас-сакалиба*) [Бейлис, 1973, с. 576; Kitāb..., 1968, р. 174–174, 303]. Известия аз-Зухри представляют собой сложную контаминацию материалов более ранних арабских географов, их карт и неизвестных или несохранившихся описаний Земли. Возможны аналогии с данными «Книги приливов и отливов» автора XII в., жившего тоже в Испании (см. выше):

«море Славян» как залив Окружающего, маджусы как его жители.

Изложив информацию ряда арабских ученых о морях на севере Земли, я прихожу к выводу, что необходимо обращать самое пристальное внимание на возможность заимствований, не исключено, что опосредованных, из позднеантичных источников, откуда многое черпали и ранние западноевропейские картографы.

ЧАСТЬ II

Новое Время

Раздел 1

Политическая история

Глава 1

Начало периода «Второго прямого турецкого управления» в Ливии в труде Ахмад-бека ал-Ансари (время правления султана Махмуда II, 1808–1839)

В конце далекого теперь уже 2005 г. я оказался в мирной и еще весьма благополучной в те времена Ливии и приобрел чрезвычайно интересную для меня книгу – *аль-Манхаль аль-‘азб фи тарих Тарабулус ал-Гарб* («Сладостный (или Пресный) источник по истории Западного Триполи» триполитанского (ливийского) ученого и общественного деятеля второй половины девятнадцатого столетия Ахмад-бека ал-Ансари [аль-Манхаль ..., 1984]. Тогда довести это драгоценное сочинение до дома мне не удалось – оно пропало вместе с моим багажом на обратном пути после вынужденной посадки в Риме. Может быть, еще раньше, в Триполи, мой багаж похитили стражи ливийской госбезопасности, которым я показался слишком активным и поэтому подозрительным. Путешествие свое в Ливию я описал в статье, опубликованной на страницах журнала «Восток» [Микульский, 2006]. Что же до утерянного сочинения, то через несколько лет благодаря любезности одного младшего петербургского коллеги, работавшего в Ливии по контракту, я вновь обрел

его и написал на его основе большую-пребольшую статью о житиях богословов и суфиев, содержащихся в «Сладостном источнике...» [Микульский, 2016]. Однако тему изучения памятника я для себя не закрыл, потому что, как мы знаем, сочинения такого рода исчерпать весьма трудно. Тем более что оно было и остается для меня интересным вот по какой причине. Дело в том, что, будучи написан в конце XIX столетия, этот труд сохраняет многие черты известных средневековых арабских сочинений по истории.

Ныне я хочу поделиться с благосклонными читателями сведениями о содержании финальной части «Сладостного источника...», которые мне удалось добыть. В этих пассажах памятника говорится о том периоде, когда после падения местной династии Караманли¹ в Триполитании было вновь установлено прямое управление этой территорией непосредственно из Константинополя². Как известно, это произошло в 1835 г., во время владычества османского султана-реформатора Махмуда II (1808–1839)³. Собственно говоря, полагаю ограничиться теми сведениями о Триполи и прилегающих территориях, что касаются четырех лет, во время которых султан Махмуд II еще был жив и правил своим государством.

¹ Эта династия наместников анатолийского происхождения правила в Триполитании в 1711–1835 гг. Считается, что наместники Караманли (первый из правителей получил от османского султана в 1722 г. титул паши) опирались главным образом на местных арабов и противостояли туркам и потомкам смешанных арабо-турецких браков, куругли. Всего насчитывается пятеро пашей Караманли: Ахмад (1711–1745); Мухаммад (Мехмед) б. Ахмад (1745–1754); ‘Али б. Мухаммад (1754–1793); Йусуф б. ‘Али (1796–1832; этот паша утвердился во власти после довольно продолжительной усобицы); ‘Али б. Йусуф (1832–1835). См. о триполитанских Караманли: [Прошин, 1981, с. 62–177; Mantren, 1997, p. 617–619].

² В отечественной историографии эту эпоху принято именовать «Вторым прямым турецким управлением» (1835–1911). См. о нём: [Прошин, 1981, с. 178–273].

³ О правлении этого государя см.: [Levi A., 1991, p. 58–61].

Нужно отметить, что исследуемый памятник представляет собой династийную хронику⁴, обладающую двухуровневой рубрикацией. Верхний ее уровень, если так можно выразиться, – это констатация начала-окончания правления верховных государей мусульманской общины (применительно к XVI–XIX столетиям – османских султанов-халифов), а нижний уровень рубрикации – констатация начала-окончания правления местных властителей⁵.

Так вот, о начале правления Махмуда II сигнализирует заголовок: *Хилафат⁶ ас-султан ал-Гази Махмуд Хан ас-Сани*. Автор-составитель «Сладостного источника...» именует его «одним из величайших, сильнейших и наиболее отважных» халифов (отметим, что именно так именует триполитанский историк османских султанов. – Д.М.), который всегда полагался на Аллаха Всевышнего [аль-Манхаль..., 1984, с. 316].

Главным деянием Махмуда II Ахмад-бек ал-Ансари полагает роспуск янычарского курпуса (*низам ал-йакиджариййа*) и образование регулярного войска (*ал-‘асакир ан-низамиййа*). Помимо того, султан обезопасил пути, рас-

⁴ Династийная хроника – такая хроника, в которой историческое повествование осуществляется в соответствии с правлениями государей. О традиции подобных хроник в арабо-мусульманской историографии см.: [Rosenthal, p. 87–93].

⁵ См.: [Микульский, 2016, с. 164–168 (Таблица 2)].

⁶ Как показал академик В. В. Бартольд, представление о том, что османские государи – не только султаны, но также халифы и Повелители верующих, сложилось в XVI в. под влиянием побед, одержанных султаном Салимом (Селимом) Грозным (1512–1520) над Ираном и мамлюкским государством, центром которого был Египет. Много позже, во второй половине XVIII в., сложилась легенда о том, будто халифский титул был формально передан султану Салиму I последним так называемым аббасидским халифом, пребывавшим в Каире, Мухаммадом аль-Мутаваккилом III (1521–1538) (эта халифская династия (1261–1538), как известно, находилась на полном содержании мамлюкских султанов, а происхождение ее от багдадских Аббасидов, последний из которых погиб в 1258 г. в результате взятия Багдада монголами, весьма сомнительно [Бартольд В. В., 2002, с. 66, 72, 77]). Во всяком случае, для Ахмад-бека аль-Ансари османские султаны, вне всяких сомнений, – халифы и Повелители верующих.

пространил безопасность и «схватил бунт за руки» [аль-Манхаль..., 1984, с. 316].

Далее Ахмад-бек ал-Ансари приводит краткий очерк истории янычарского войска [аль-Манхаль..., 1984, с. 317]. О начале этого очерка сигнализирует заголовок: *ал-Хабар ‘ан ихтира ‘ал-асакир ал-йакиджариййа* («Известие об учреждении воинов-янычаров»)⁷.

Это войско было образовано, пишет автор-составитель исследуемого памятника, вот почему⁸. Дело в том, что первоначально большинство воинов Османского государства составляли всадники-туркмены, которые не знали воинской дисциплины. По этой причине Повелитель Верующих султан Урхан⁹ образовал *Уджак ал-йакиджариййа*¹⁰. Для этого стали забирать *хумс*¹¹ захваченных в Ромейской земле (т. е. в Византии. – Д.М.) пленников, обустривать их в ал-Астане (Константинополе) и обучать стрельбе из пищалей. После исчислили их и отправили на службу к шейху, Познавшему Аллаха (*ал-‘Ариф би-л-Лак*), хаджи Бакташу¹², дабы он на-

⁷ О янычарском войске в его историческом развитии см. [Murphey, 2002, p. 322–331].

⁸ Следующий ниже пассаж приводится в нашем пересказе с сохранением ряда особенностей оригинала.

⁹ Урхан (Орхан; 1326–1359) – второй государь из династии Османов (1299–1924) [Zachariadou, 1995, p. 175–176].

¹⁰ Иными словами, янычарский корпус. В изначальном значении оджак (слово, имеющееся в большинстве тюркских языков и диалектов) – «печь», «очаг», «семейное пристанище», «родимый дом». В воинской практике Османского государства – совокупность военнослужащих определенной категории. В этом смысле янычары образовывали оджак – особую категорию воинов, корпус [Kreiser, 1995, p. 1955].

¹¹ Т. е. доля военной добычи в размере одной пятой части, отчислявшаяся в пользу главы мусульманского государства (в данном случае османского султана). Как известно, практика отчисления хумса была введена еще пророком Мухаммадом. [Большаков, 1991, с. 283].

¹² Так Ахмад-бек аль-Ансари именует знаменитого суфийского святого, эпони́ма суфийского братства бекташиййа Хаджи Бекташа Вали. См. об этом братстве: [Акимушкин, 1991, с. 39–41; Tschudi, 1986, p. 1161–1163].

ставил их, дал бы им имя и молился за них, прося для них блага и победы. Когда же собрались они у шейха, отрезал он рукав одеяния своего, а было оно из валяной шерсти, и надел рукав этот на голову предводителя их. Помолился шейх о ниспослании им благодати и назвал их *йакиджари*, что значит «новое войско». *Уджак* (*оджак*. – Д.М.) *ал-йакиджариййа* существовал до времени султана Махмуд-хана (да будет благодатна могила его), когда образовал он регулярное войско (*ан-низам*), существующее ныне¹³.

Завершив этот очерк, Ахмад-бек аль-Ансари сообщает о многих усобицах и настроениях, которые охватывали в то время территорию нынешней Ливии [аль-Манхаль..., 1984, с. 318–319]. Приводит он и семь биографий религиозных деятелей, своих предков [аль-Манхаль..., 1984, с. 320–328]¹⁴, живших в Триполитании. После он вновь возвращается к рассказу об усобицах и угрозах со стороны западных держав¹⁵. Повествование это завершается фразой религиозно-философического характера, которая сигнализирует о начале нового этапа в истории родного края Ахмад-бека ал-Ансари: «Послал Аллах избавление после невзгоды, ибо срок владычества семейства Караманли, дарованный Аллахом, исчерпался» [аль-Манхаль..., 1984, с. 328–339].

Так вот, за те последние годы правления султана Махмуда II в Триполитании сменилось четверо наместников. Это *ал-фарик* (генерал-поручик) Мустафа Наджиб-паша (май 1835 – сентябрь 1835) [Прошин, 1981, с. 174–176, 178, 179], Мухаммад Ра'иф-паша (сентябрь 1835 – июнь 1836) [Прошин, 1981, с. 179, 180], Тахир-паша (июнь 1836 – весна

¹³ Обзорные османских исторических преданий о связи Хаджи Бекташа с османскими султанами и янычарским войском см.: [Аверьянов, 2011, с. 45–55].

¹⁴ Об этих житиях см.: [Микульский, 2016, с. 168].

¹⁵ Изучение данного вопроса составляет тему отдельного исследования.

1837) [Прошин, 1981, с. 174–176, 181, 183], Хасан-паша аль-Джашамали (весна 1837 – осень 1838) [Прошин, 1981, с. 111, 183–185]. Пятый же наместник, ‘Али-паша ‘Ашкар (известный также как ‘Али Аскер-паша; осень 1838 – июль 1842) [Прошин, 1981, с. 186–189, 205], вступил в должность при Махмуде II, а был отставлен при преемнике этого султана ‘Абд аль-Маджиде I (1839–1861)¹⁶.

Так как же организовано повествование о правлении этих первых османских наместников?

Прежде всего надо сказать, что о начале каждого из таких властвований сигнализирует заголовок *Вилаят фулан* (правление такого-то). Начало правления знаменуется сообщением о прибытии наместника в триполийский порт.

В связи с началом правления первого наместника, Наджиб-паши, сообщается, что он прибыл с двадцатью двумя военными кораблями (*устул*), на которых ехали воины. Корабли были гружены *султанским снаряжением* (*ал-мухиммат ас-султаниййа*). Заключается повествование о правлении наместника пассажем о его отставке и отбытии в ал-Астану (Стамбул) [аль-Манхаль..., 1984, с. 339–341]. Рассказ о правлении пятого наместника прерывается в связи с сообщением о начале властвования нового султана-халифа. Приводится фраза: «Было из известия о нем (‘Али-паше ‘Ашкаре) то, о чем еще предстоит сказать» [аль-Манхаль..., 1984, с. 344].

Важным элементом повествования о правлении наместника выступает характеристика этого правления. Так, о четвертом наместнике, Хасане-паше, сказано, что он «ленился себя проявлять, стремился к покою, склонился к удовольствиям, оставил твердость. Тогда все вышли из повиновения, страсти закипели» [аль-Манхаль ..., 1984, с. 344].

¹⁶ О правлении этого османского государя см.: [Deny, 1986, p. 74–75].

Таким образом, сфера действительного влияния паши существенно сократилась.

Напротив, другие паши с той или иной мерой успеха стремились контролировать вверенную им территорию. Наиболее активным в этом отношении оказался второй наместник, Мухаммад Ра'иф, – сообщается о четырех военных экспедициях, предпринятых во время его властвования [аль-Манхаль..., 1984, с. 342–343]. Что до третьего наместника, Тахира-паши, то он «выказал стремление к миру», замирился с известным бедуинским воителем шейхом Гумой (ум. 1856), которого назначил правителем города Гарйан, расположенного в северо-западной части современной Ливии [Pinta, 2005, р. 113, 141, 143, 188, 189, 191]. А Гума, в свою очередь, вернул османскому генералу захваченные у его предшественника трофеи [аль-Манхаль..., 1984, с. 343]¹⁷. Что же до ленивого Хасана-паши, то он в конце концов тоже решил собраться в поход (совсем как знаменитый Мальбрук), встал за городом лагерем, желая устроить бунтовщиков, но потом распустил «свои скопища». «Такие его деяния, – пишет ал-Ансари, – повторялись» [аль-Манхаль..., 1984, с. 344].

Желая умиротворить вверенную провинцию, наместники действовали не только кнутом, но и пряником. Они принимали делегации жителей различных местностей. Особенно успешно в этом направлении действовал первый «губернатор» – Наджиб-паша. Схватив членов семейства Караманли и выслав их в Стамбул, Наджиб-паша устроил встречу шейхов и прочих знатных людей, которые возглавляли различные враждующие группировки, в соборной мечети Дургут-паши (напомню читателям, что это был знаменитый османский воитель, корсар,

¹⁷ О житии и деяниях шейха Гумы см.: [Прошин, 1981, с. 167–170; 178–180; 185–193; 195–198].

смертельно раненный при осаде Мальты в 1565 г.¹⁸). Мне посчастливилось посетить эту мечеть все в том же 2005 г. [Микульский, 2006, с. 111, 115]. Не пострадала ли она в смутах последнего времени?¹⁹ Так вот, пишет Ахмад-бек ал-Ансари, «произошло примирение сторон, случилось взаимное прощение, были заключены между ними договоры... Примирение это сочли одним из чудес (*карамат*) Дургут-паши, да помилует его Аллах Всевышний. Установилось отдохновение; безопасен стал простор» [аль-Манхаль..., 1984, с. 340].

Разумеется, в силу природы человека правление наместников не обходилось без недовольства и заговоров их приближенных. Такое случилось при втором наместнике Мухаммаде Ра'ифе и пятом – 'Али-паше. В обоих случаях заговорщиков препроводили в Дар ас-Са'ада, то есть к султанскому двору [аль-Манхаль..., 1984, с. 340].

Правление наместников отмечено прибытием в Триполи из Константинополя важных персон. Первым из таковых был Ахмад Назиф-эфенди, назначенный на должность кадия высочайшим фирманом. Шейх Ахмад Назиф²⁰ понравился триполийцам, ибо был «щедрым, знающим, добродетельным, справедливым, совершенным, доброго жития, безупречным» – это произошло при втором наместнике Мухаммаде Ра'ифе [аль-Манхаль..., 1984, с. 341]. При нем же с целой флотилией в двенадцать судов, значительным войском и обильным военным снаряжением в Триполи пришел по морю начальник триполийского

¹⁸ О деяниях и гибели Дургут-паши (он также известен как Доргут-паша и Торгут-Рейис) см.: [Прошин, 1981, с. 9–15; Soucek, 2000, p. 570–571].

¹⁹ Об этой мечети, где находится гробница грозного корсара, и хранящихся в ней реликвиях см.: [Шалаби, 2001, с. 51].

²⁰ Никаких иных сведений об этом лице нам получить не удалось.

гарнизона, *кабудан ал-бахр*²¹ и *ал-мушир*²², впоследствии также назначенный наместником, Тахир-паша. Он въехал в город с великой свитой, а после разослал во все края грамоты с повелениями шейхам и прочим знатным людям явиться к нему с выражением покорности – а кого не будет, тот бунтовщик. Однако никто так и не почтил тогда своим присутствием великолепного Тахира-пашу [аль-Манхаль..., 1984, с. 340].

Помимо всего, наместники занимались и сугубо прозаическими делами, обустроивая вверенную им территорию. Так, первый из них, Наджиб-паша, распорядился, правда, без позволения Высокой Порты, отчеканить значительное количество мелких монет – *пара* – для развития торговли. Следующий же наместник, Мухаммад Ра'иф, вновь созданный монетный двор упразднил [аль-Манхаль..., 1984, с. 341].

Пятый наместник, 'Али-паша 'Ашкар, был куда активнее. Он обновил обветшавшие укрепления и отремонтировал соборные мечети, а также образовал новый административный округ [аль-Манхаль..., 1984, с. 340].

Итак, даже из приведенных нами материалов видно, что, по мнению Ахмад-бека ал-Ансари, дела в Триполи и его округе после нового прихода османов стали постепенно налаживаться. Вполне правильно, считал триполиийский историк, что Аллах отобрал власть у семейства Караманли, ибо они «повиновались лишь собственным страстям, отворачивались от бедствий и прибегали к суровости, когда следовало проявлять мягкость» [аль-Манхаль..., 1984, с. 340].

²¹ Иными словами, капудан-паша, верховный адмирал [Ozbaran, 1997, p. 571–572].

²² В данном контексте титул (звание, чиновный ранг) аль-мушир значит «государственный советник». Как высшее воинское звание (фельдмаршал) в Османской империи этот титул стал использоваться несколько позже [Deny, 1993, p. 677–678].

Подытоживая написанное, хочу выразить надежду, что приведенные сведения не оказались скучны для читателей и, возможно, еще раз показали, что и в конце XIX столетия в арабских областях, входивших в состав Османской империи, были живы исконные традиции составления исторических сочинений. Опираясь на эти традиции, арабские историки освещали не только далекое прошлое, но и фактически современные им события.

Глава 2

Алаутиты на пути к верховной власти (XVII–XVIII вв.): игра происхождения и успехов в джихаде

В истории Дальнего Магриба XVII–XVIII вв. были отмечены бурными событиями и важными социально-политическими трансформациями. Именно в этот период началось правление династии Алаутитских шерифов, которая до сих пор остается у власти в Марокко. В отличие от остальных стран арабского мира, в начале XVI в. Дальнему Магрибу удалось сохранить свою независимость от Османской империи. В этот период в Марокко сложилась собственная государственная концепция, основанная на синтезе духовной и светской власти султана-шерифа, ведущего свое происхождение от Пророка. Эта концепция получила развитие при династии Саадидских шерифов (1511–1659).

Достигшая апогея своего могущества при султанине Ахмаде аль-Мансуре (1578–1603), Саадидская династия стала быстро угасать. Сыновья ал-Мансура погрязли в междоусобицах, и местные святые (*мурабиты*) и влиятельные шейхи суфийских братств противопоставили султанам не только свой духовный, но и политический авторитет.

К началу XVII в. Сааиды правили страной лишь номинально, а реальная сила была сосредоточена в руках кон-

курирующих между собой племенных вождей, *мурабитов* и шейхов суфийских обителей (*завий*). Страна была разделена на многочисленные зоны влияния, а на атлантическом побережье сохранялась угроза европейской экспансии. Этот кризис не случайно известен в историографии Марокко как «мурабитский», поскольку во время событий того периода политические амбиции суфийских шейхов проявились наиболее отчетливо. В основании кризиса лежал вопрос о том, какой из видов *бараки* (божественная благодать) будет господствовать: наследственная от Пророка *барака* шерифов или приобретенная *барака* мурабитов.

Во время «мурабитского кризиса» *завийи* достигли апогея своего политического влияния и стали представлять собой серьезных конкурентов центральной власти. Один из подобных очагов альтернативной государственности сложился в предгорьях Атласа в *завийи* Дила'. Основанная в 1566 г. обитель была влиятельным духовным и интеллектуальным центром, но ее основатель Абу Бакр ибн Мухаммад аз-Земмури ад-Дила'и (1536–1612) не претендовал на роль политического лидера [Abitbol, 2009, p. 264]. Однако при его внуке Мухаммаде аль-Хадже ад-Дила'и (1591–1671) *завийа* перешла к активной политической деятельности и открыто выступила против правившей династии: в 1638 г. ополчения дила'итского шейха нанесли поражение саадидскому султану Мухаммаду аш-Шейху (1636–1654) [Mojuetan, 1981, p. 351]. К 1640 г. власть Дила' признавали над собой племена Среднего Атласа, Рифа, северо-западной области Гарб, а также города Тетуан, Сале и Фес, куда шейх направлял своих наместников. Как следует из сообщений марокканского хрониста середины XVIII в. Мухаммада аль-Кадири, «султан Дила'ийи», как именовал его историк, вел себя как подлинный глава государства: принимал присягу, назначал в крупные города наместников и судей (*кади*)

и даже имел подобие своего двора [аль-Кадири, 1977–1986, т. 2, с. 9, 30].

На юге страны сложились собственные «центры силы», например завийа Иллиг, которую контролировал Абу Хасун ас-Самлали. Ему удалось подчинить себе долину Суса, оазисы Тафилалета (юго-запад) и соляные копи Тегазы (совр. Мали), однако, в отличие от шейха Дила', харизматичный мурабит не стремился распространить свое влияние на уровне всех провинций Дальнего Магриба [Abitbol, 2009, p. 263].

В оазисах Тафилалета пользовалось большим уважением семейство Алаутских шерифов. С XIII в. они закрепились в этой области, где, следуя образцу Пророка, успешно выполняли роль третейских судей. По сведениям летописца аз-Заййани, в 1634 г. глава семейства Мулай аш-Шериф вступил в вооруженный конфликт с жителями Табуассамта – крупного селения в Тафилалете, которое находилось под влиянием шейха Дила' [аз-Заййани, 1992, с. 38]. Алаутский шериф обратился за помощью к Абу Хасуну. Шейх Иллига решил поддержать главу алаутского семейства и направил ему на помощь свои боевые дружины. Тем не менее такая самостоятельность Мулай аш-Шерифа, вероятно, насторожила мурабита, и он взял его в плен и увез в Иллиг¹.

Однако это событие не помогло Иллигу нейтрализовать шерифов Тафилалета: в 1640 г. один из сыновей Мулай аш-Шерифа, Мулай Мухаммад, собрал ополчение и вытеснил войска Абу Хасуна из Тафилалета [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 16]. Эта военная победа стала основанием для сплочения вокруг нового лидера: по свидетельствам ан-Насири, вслед за успешным прорывом Мулай Мухаммада жители Тафилалета принесли ему присягу (*бай'а*), и «его дела улуч-

¹ За освобождение своего пленника Абу Хасун затребовал серьезный выкуп, который сыновья Мулай аш-Шерифа смогли собрать только через несколько лет.

шились, авторитет укрепился, удача ему благоволила и власть открылась перед ним» [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 17].

С этого момента Мулай Мухаммад перешел к активным действиям за пределами своего региона, и вскоре к его помощи как арбитра стали обращаться представители столичных городов. Так, по сведениям летописцев, в 1650 г. для урегулирования своего конфликта с наместником дила'итского шейха жители Феса обратились за помощью к Алауитскому шерифу, а затем принесли ему присягу [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 19]. Это событие вызвало незамедлительную реакцию Мухаммада ал-Хаджа ад-Дилаи', и он снова оттеснил войнство Мулай Мухаммада в Тафилалет [Brignon, Amin, Boutaleb, 1967, p. 238].

Завоевание остальных областей Дальнего Магриба продолжил другой сын Мулай аш-Шерифа, Мулай Рашид, который выступил против своего брата. Не гнушаясь методами откровенного разбоя и грабежа, что явно расходилось с обликом благородного потомка Пророка, алауитский князь проявил себя как успешный военный предводитель и привлек на свою сторону ряд арабских и берберских племен. В 1659 г. Мулай Мухаммад потерпел поражение в ходе схватки с ополчениями Мулай Рашида и был убит [аз-Заййани, 1992, с. 107]. Включив ополчения брата в состав своих отрядов, Мулай Рашид приступил к осаде Феса. На тот момент город контролировал бывший наместник Дила'ийи Абу Абдуллах ад-Дурайди, который незадолго до начала осады провозгласил свою независимость от завийи. Как следует из описаний хрониста Мухаммада аль-Кадири, в этот период в среде шерифских семейств, алимов и знати все больше накапливалось недовольство в связи с царившей повсюду анархией [аль-Кадири, 1977–1986, т. 1, с. 159–160]. Представляется, что подобные настроения

побудили часть шерифских домов и алимов поддержать Алаутитского принца. Сломив сопротивление ад-Дурайди, Мулай Рашид вступил в Фес в 1666 г., где его провозгласили султаном.

Таким образом, несмотря на амбициозные планы суфийских шейхов захватить верховную власть в Дальнем Магрибе, победу одержала шерифская *барака*, что подтверждает тезис нигерийского исследователя Бенсона Можетана о «парадоксе марокканской политики после XVI в.», который заключался в «политическом бессилии власти, не основанной на благородном происхождении» [Mojuetan, 1981, p. 356]. Суть этого явления заключалась в том, что «племенные династии» Средних веков (Альморавиды, Альмохады, Мариниды) при захвате власти опирались главным образом на военное превосходство и грубую силу. Взошедшие на престол в XVI в. саадидские шерифы не отвергали силовых методов, однако сделали основой своей легитимности благородное происхождение, что предопределило развитие стратегий и тактик легитимации власти в XVII–XVIII вв.

Так же, как и саадидские шерифы, новая династия происходила с Юга. Эти пришлые завоеватели традиционно вызывали пренебрежение среди носителей уточненной культуры северной столицы Дальнего Магриба, которые называли Саадидов «неотесанными южанами из Суса» [Bennison, 2002, p. 23; García-Arenal, 1990, p. 1027]. Тем не менее всеобщая усталость от многолетней смуты, равно как и шерифское происхождение, обеспечили победу новым завоевателям.

Вместе с тем изучение источников и историографии позволяют выделить и ряд существенных различий с точки зрения обстоятельств прихода к власти двух шерифских династий. Представляется, что толчком к политической деятельности для шерифов Тафилалета стал главным об-

разом внутривосточный фактор: обстановка всеобщей анархии и экспансия Дила' с севера, а Иллига с юга побуждали их собрать собственные ополчения и противостоять гегемонистским планам соседей. Саадидские шерифы, напротив, выдвинулись на волне джихада против португало-испанской агрессии [Brignon, Amin, Boutaleb, 1967, p. 207]. Другое важное отличие заключается в том, что Сааиды начали свои завоевания при деятельной поддержке суфийских шейхов братства Шазилийя. Для Алауитов же вооруженная борьба с завийями и их ликвидация как центров политической пропаганды стала важнейшим вопросом для утверждения собственной власти. В связи с этим в 1668 г. Мулай Рашид разрушил до основания завийю Дила', а Мухаммад ал-Хадж со своим семейством бежал в Тлемсен. Схожая судьба постигла в 1670 г. и завийю Иллиг [Brignon, Amin, Boutaleb, 1967, p. 239].

Завоевания Мулай Мухаммада, а затем Мулай Рашида позволили Алауитским шерифам одержать победу над своими влиятельными соперниками и положить конец «мурабитскому кризису». Однако управление Марокко с его природно-климатическими условиями, труднодоступными, замкнутыми зонами расселения различных общин и неоднородностью населения требовало от монарха особой мобильности. Централизация такого государства фактически означала постоянный процесс завоевания и подтверждения своих прав на владение этими территориями. Султаны вынуждены были вести непрерывную борьбу с племенным сепаратизмом, конкурировать за влияние с *мурабитами* и шейхами *завий*, а также отражать угрозу со стороны иноверцев.

В связи с этим борьба за власть оставалась важнейшим фактором политической жизни в Алауитском Марокко XVII–XVIII вв. Вопрос о военной силе как главном

основании господства шерифских султанов долгое время оставался предметом дискуссий в историографии Марокко. Согласно одной точке зрения, власть Алауитов держалась именно на насилии. Во французской колониальной историографии бытовало мнение о том, что махзен² не стремился урегулировать межплеменные конфликты, а, напротив, сознательно сохранял в стране хаос для того, чтобы ослабить племена и укрепить собственную власть [Aubin, 1904, p. 403; Montagne, 1930, p. 365; Terrasse, 1952, p. 143]. Сторонники другой точки зрения, напротив, утверждали, что главным орудием Алауитской монархии были не карательные походы, а дипломатия. Такая позиция была характерна главным образом для марокканской историографии. В частности, марокканский историк Жермен Аяш писал, что основой могущества Алауитов был институт арбитража – племена и горожане призывали султана разрешить возникавшие между ними противоречия, что, по мнению исследователя, свидетельствовало о том, что монархия не воспринималась исключительно как угнетающая сила [Аяш, 1982, с. 201].

Изучение источников и историографии позволяет утверждать, что полярные точки зрения на эту проблему в равной степени неправомерны. Так, мнение об исключительно репрессивном характере государственной власти в Марокко не принимает во внимание духовный авторитет шерифского султана, который признавался повсеместно и придавал монархии сакральный статус. Это подтверждается тем обстоятельством, что, как справедливо отмечал марокканский исследователь Абд ас-Салам Хаймар, племена восставали не против самой власти султана, а против налогового гнета

² Махзен – в узком смысле обозначает султанскую администрацию; в более широком плане – это комплексное понятие, подразумевающее механизмы непрямого управления и неформальных связей султанского двора и региональных элит.

[Хаймар, 1997, с. 30]. Недостатком второго подхода можно считать то, что он не в состоянии объяснить, почему султан все же прибегал к насилию и проводил в военных походах так много времени [Hammoudi, 1997, p. 77].

Одной из важнейших задач марокканского султана как «повелителя правоверных» была защита земель от иноверцев. Приморские территории Дальнего Магриба были частью так называемого иберийского фронта (от англ. *frontier* – «граница»), или порубежья. Географическое положение оказывало существенное влияние на внутрисполитическую ситуацию в таких государствах [Bennison, 2001, p. 13]. Страна была вовлечена в этот конфликт еще со времен Реконкисты (VIII–XV вв.). Затем, когда испано-португальская экспансия стала угрожать самим марокканским территориям, проблема защиты земель ислама от неверных встала еще более остро. Сеута была захвачена португальцами в 1415 г., а к началу XVII в. под контролем испанцев и португальцев был уже целый ряд городов: Танжер, Сеута, Лараш (ал-‘Ара’иш), Мехдия (Ма’мура), Асила и Мазаган. Освобождение этих крепостей считалось первостепенной задачей для марокканцев того времени: присутствие иноверцев на землях ислама считалось унижительным как для подданных, так и для самих правителей, которые не могли решить этот вопрос с XV в.

По этой причине ведение джихада оставалось важным фактором политической жизни в Дальнем Магрибе. Как уже упоминалось, на волне религиозного рвения и призывов к освобождению страны от неверных пришла к власти династия Саадидских шерифов. С распадом их государства проблема джихада не потеряла своей значимости, и Алауитские султаны успешно продолжили использовать лозунги священной войны как инструмент легитимации своей власти.

Первый султан династии Мулай Рашид (1664–1672) вскоре после восхождения на престол направил свои ополчения для освобождения Танжера [аз-Заййани, 1992, с. 151; ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 42]. Серьезных успехов на этом поприще добился его преемник, Мулай Исмаил (1672–1727), которому удалось отвоевать Танжер, Мехдию, Лараш и Асилу. Эти победы султана-муджахида (борца за веру) укрепляли его авторитет в глазах подданных и служили наглядным подтверждением его бараки [Bennison, 2002, р. 23]. Кроме того, нуждами многолетней войны можно было оправдывать самые различные решения алауитского монарха – от повышения налогов и введения дополнительных податей до конфискации лошадей и оружия среди племен.

Однако помимо джихада на побережье султан должен был постоянно вести борьбу и внутри страны, подавляя восстания в столичных городах и отдаленных провинциях. Изучение летописей и городских хроник показывает, что неподчинение верховной власти интерпретировалось алауитским махзеном как состояние *джахилийи*, то есть доисламского невежества. Так, в текстах клятвы верности (*бай‘а*), которую приносили султану при восхождении на престол, неповиновение правителю обозначалось как *джахилийа*. Например, текст *бай‘а* султану Мулай Абдуллаху³ гласил следующее: «Кто не повинуется султану, умрет в невежестве (*мат мита джахилийа*)» [аз-Заййани, 1992, с. 241]. Это понятие нередко употреблялось султанами в отношении восстававших против центральной власти племен. С их точки зрения, образ жизни племен шел вразрез с нормами мусульманского закона, поскольку зачастую они руководствовались не нормами исламского права, а обычая-

³ Мулай Абдуллах неоднократно был низложен, а затем снова приходил к власти и правил в 1729–1734 гг., 1736 г., 1740–1745 гг., 1745–1757 гг.

ями [Laroui, 2009, p. 165]. Стоит отметить, что в Марокко в силу региональной специфики местных верований складывалась ситуация, при которой главными трансляторами религиозных знаний в глубинке были не факихи, а мурабиты и суфийские проповедники, а население порой было не знакомо даже с основными столпами ислама [Кириллина, Орлов, 2022, с. 85].

Другим часто употребляемым словом в контексте племенных восстаний было слово «бесы», что так же явно противопоставляло племенной сепаратизм и мусульманский образ жизни. В частности, хронист Мухаммад ал-Кадири, описывая бунт племени *бану зеруаль*, называл зачинщиков восстания «бесами» (*шайатин кабилат бани зеруаль*) [аль-Кадири, 1977–1986, т. 4, с. 153].

По сведениям летописца Абу-л-Касима аз-Заййани, когда Мулай Исмаил подчинил несколько крупных берберских племен, их вождь Али ибн Уишши, который перешел на службу султану, по личной инициативе конфисковал у соплеменников все оружие и лошадей. Когда Исмаил спросил его, зачем он сделал это, военачальник объяснил султану, что тем самым «очистил их от греха (*харам*)» [аз-Заййани, 1992, с. 169]. Кроме того, Али ибн Уишши сказал: «Если твоя цель – сделать их благочестивыми и праведными, то я поступил так ради тебя и ради них» [аз-Заййани, 1992, с. 169].

Схожую точку зрения на борьбу с племенным сопротивлением выражали придворные историки более позднего периода (середины XIX в.), например Мухаммад Акенсус аль-Марракуши, который к тому же был чиновником алауитского махзена. Так, Акенсус писал, что Мулай Исмаил, безусловно, подрывал мощь племен, которые могли бы быть полезными для ведения джихада на побережье. Однако, по мнению историка, «зло (*фасад*), которое причиняли ло-

шади и оружие в собственности племен, было еще бóльшим, а именно: разбой на дорогах, грабеж и неповиновение власти» [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 81].

Еще одним ярким примером такого восприятия может стать конфликт султана Мулай Абдуллаха с берберскими племенами, которые с разрешения правителя расселились в окрестностях Мекнеса. Когда они перестали присылать подати, Абдуллах назвал это «отступлением от веры», а представителей этих племен, которых султан вызвал в столицу, арестовали [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 172].

Из описаний летописцев следует, что султан в подобных эпизодах представлен не просто как завоеватель, а как повелитель правоверных, который наставляет племена на путь истинный. Насильственное подчинение этих племен центральной власти в этом случае трактовалось как защита веры и возвращение подданных в лоно ислама. Важно отметить, что данное толкование махзена совпадало с традиционным мышлением марокканцев, которые воспринимали такие акции султана, как усмирение племен или казнь мятежников, как своего рода сакральный жертвенный акт, необходимый для восстановления миропорядка [Jamous, 1981, p. 166]. Таким образом, подавление племенных бунтов можно было охарактеризовать как «внутренний» джихад. Во время своих походов султан неустанно следил за соблюдением исламского закона, что считалось одним из главных критериев справедливого правления в соответствии с коранической формулой «повеление одобряемого и отвержение порицаемого» (*ал-амр би-л-ма 'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар*).

Вместе с тем экспедиции султана, которые в марокканских летописях назывались *харка* (араб. «движение», «прорыв»), далеко не ограничивались лишь карательной функцией. Пользуясь формулировкой М. Вебера, можно сказать, что, перемещаясь по стране, марокканский султан

«творил право актуально от случая к случаю» [Вебер, 2016, т. 1, с. 281]. Так, во время *харка* султан принимал присягу от племен, выслушивал жалобы подданных и разрешал возникавшие между ними споры. По свидетельствам Мухаммада ал-Кадири, когда Сиди Мухаммад посетил Фес для церемонии принесения присяги (*бай'а*), фесцы просили его остаться жить у них в городе, однако султан сказал, что «он не может оставаться жить на одном месте, а должен жить понемногу в каждом городе или селе, для того чтобы те жители, которым необходимо донести до него какую-либо жалобу или разрешить спор, могли встретиться с ним» [ал-Кадири, 1977–1986, т. 4, с. 124].

Традиция «кочующего», или «мобильного», управления, безусловно, является частью феномена полюдьи, которое было детально исследовано отечественным историком Ю. М. Кобищановым⁴. В Дальнем Магрибе «кочующий» двор оказался чрезвычайно устойчивым институтом: султаны продолжали регулярно совершать объезд своих земель вплоть до начала XX в. [Dakhliya, 1988, p. 757]. Принцип мобильного управления позволял компенсировать отсутствие развитого государственного аппарата, что было характерной чертой ранних государств⁵. Как отмечал отечественный

⁴ Термин «полюдьи» относится к отечественной истории, однако, как показали изыскания Ю. М. Кобищанова, комплексы схожего типа складывались на разных этапах истории практически во всех областях земного шара и играли важную роль в экономическом, социально-политическом и религиозном плане [Кобищанов, 1995, с. 4–5].

⁵ В соответствии с самой распространенной схемой эволюции государственности Хенри Й. М. Классена и Питера Скальника выделяются два типа государств: раннее и зрелое. Позднее эта концепция была дополнена отечественными исследователями Л. Е. Грининым и А. В. Коротаевым, которые добавили в нее промежуточное звено в виде развитого государства. К ранним государствам принято относить те формы управления, где отсутствует профессиональный государственный аппарат, необходимый уровень централизации, развитая налоговая система, искусственное территориальное деление [Гринин, Коротаев, 2009, с. 43].

исследователь Л. Е. Гринин, в ранних государствах «обычай вроде полюдья показывают, что верховная власть все еще стремится или вынуждена и собирать дань, и вершить суд, и производить сакральные действия» [Гринин, 2006, с. 120].

По сведениям марокканского историографа начала XX в. Абд ар-Рахмана ибн Зайдана, Мулай Рашид «делил свое время между пребыванием в Марракеше и в Фесе, и если он отправлялся в Фес, то оставлял в Марракеше своим наместником (*халифой*) племянника Мулай Ахмада ибн Махраза, а когда возвращался в Марракеш, то оставлял своего брата Мулай Исмаила контролировать Гарб» [Ибн Зайдан, 2008, т. 3, с. 72].

Первые годы правления Мулай Исмаила (1672–1727) также проходили в постоянных походах для умирения племен и подавления восстаний в столичных городах. Для заключения военно-политических союзов с племенами султан лично отправлялся в самые отдаленные земли: например, в 1678 г. Исмаил со своей *махаллой* дошел до оазиса Шинкит (Шингетти)⁶ на юге, где султана встретили делегации крупных арабских племен и принесли ему присягу [аз-Заййани, 1992, с. 159].

Кроме того, регулярный объезд алауитскими монархами своих владений уже в XVII в. становился своего рода непрерывным процессом легитимации их власти. Внезапное появление султана со своей *махаллой*⁷ позволяло жителю самого отдаленного села ощутить на себе могущество вездесущего правителя. В этой связи представляется точным выражение марокканского историка и культуролога Абдуллаха Ларуи о том, что «сельские и городские массы, которых подчинили силой и которые платят налоги и отдают

⁶ Шингетти – город на территории современной Мавритании.

⁷ Махалла – походная колонна правителя в странах Магриба.

своих людей государству как заложников, не воспринимают султанскую власть иначе как махалла, которая его символизирует» [Laroui, 2009, p. 120]. Таким образом, махалла султана становилась инструментом репрезентации власти, а ее появление на племенных территориях подтверждало права султана на господство над ними.

Не менее важной была и сакральная составляющая *махаллы*. Так, во время поездок по городам и селениям султан-шериф делился с подданными своей *баракой*. По свидетельствам Ахмада ан-Насири, когда Сиди Мухаммада бен Абдуллаха провозгласили султаном, он вступил в Фес, и все горожане вышли ему навстречу: «Он был очень радостным и приветливым с людьми и шел с ними бок о бок. Люди ходили вокруг него, целовали края его одежды, и никто им этого не запрещал» [ан-Насири, 1954–1956, т. 8, с. 5]. В XVI–XVII вв. в Марокко появился обычай подносить Алаутскому монарху чашу с молоком, в которую он окунал свои пальцы, тем самым наполняя ее своей благодатью. Затем этим молоком кропили поля, стада и жилища, чтобы обрести процветание [Орлов, 2004, с. 227].

Однако помимо всеобщего благоденствия мусульманской общины *барака* султана-шерифа проявлялась и в его способности продемонстрировать свою силу на поле боя. Изучение источников позволяет сделать вывод о том, что в XVII–XVIII вв. военная сила была одним из наиболее весомых доводов не только для умиротворения племен, но и в вопросе наследования власти внутри алаутской династии.

Стоит отметить, что в Марокко не существовало строго оформленной системы престолонаследия. Если монарх не успевал перед смертью назначить преемника, то конфликт между претендентами на престол был неминуем. В связи с этим временной отрезок между смертью одного

правителя и воцарением следующего почти всегда становился своего рода миниатюрным «интеррегнумом»: конечный исход борьбы между наследниками был непредсказуем, а племена всякий раз стремились воспользоваться создавшимся хаосом и поднимали восстание против центральной власти.

Будущий правитель, который мог достойно урегулировать этот кризис, будто бы снова завоевывал страну и тем самым подтверждал свое право на престол. Как справедливо отмечал французский исследователь Р. Жаму, это завоевание, как правило, сопровождавшееся гибелью людей в сражениях или казнью мятежников, символизировало сакральный акт жертвоприношения, необходимого для установления мира и дальнейшего процветания [Jamous, 1981, p. 165].

Кроме того, одного решения монарха о выборе наследника было недостаточно: кандидатуру будущего султана должны были одобрить представители влиятельных социальных групп – алимы, главы шерифских родов, нотабли столичных городов (Фес, Марракеш, Мекнес), шейхи *завий* и племенные вожди. Их поддержка выражалась в акте принесения клятвы верности (*бай‘а*). По традиции после смерти султана в мечетях крупных городов собирались алимы, факихи, шерифы, представители местных племен и шейхи суфийских обителей. Они обсуждали кандидатуру нового султана, после чего составляли текст *бай‘а* и отправляли его с делегацией в столицу [Орлов, 2009, с. 34].

Таким образом, успешный силовой захват власти одним из потенциальных наследников требовал достижения в обществе консенсуса относительно его кандидатуры. Однако, по справедливому замечанию Абд ас-Салама Хаймара, если различные социально-политические силы поддерживали двух или более кандидатов на престол, то исход данного

противостояния можно было определить исключительно путем применения военной силы [Хаймар, 1997, с. 31]. Так, после смерти первого султана династии Мулай Рашида в Фесе был провозглашен султаном его брат Мулай Исмаил (1672–1727), который все эти годы был наместником (*халифой*) города. Однако права Исмаила на престол оспорил его племянник Ахмад ибн Махраз. По мнению Абд ар-Рахмана ибн Зайдана, его претензии были вполне обоснованны, так как на тот момент он занимал пост наместника Марракеша – второго по значению города в Дальнем Магрибе [Ибн Зайдан, 2008, т. 3, с. 72]. В связи с этим столица Юга не признала власть нового султана и отказалась присылать свою делегацию для принесения присяги [аз-Заййани, 1992, с. 147; ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 46].

Учитывая практически равные права обоих претендентов на престол, исход этой борьбы был вовсе не очевиден и зависел от двух факторов: военного превосходства и перевеса по количеству *бай'а*. Ахмад ибн Махраз обосновался в южной провинции Сус, где заручился поддержкой местных берберских племен, традиционно стремившихся оберегать свою независимость от центра. Противостояние между двумя шерифами продолжалось двенадцать лет и завершилось только в 1685 г., когда мятежный племянник Исмаила был убит во время очередной осады города ополчениями султана [Brignon, Amin, Boutaleb, 1967, p. 241].

Данный случай был не единственным примером того, как политические амбиции членов Алауитского семейства успешно подпитывались сепаратистскими устремлениями Юга. В 1678 г. против Мулай Исмаила выступили трое его братьев – Мулай аль-Харран, Мулай Хашим и Мулай Ахмад бен аш-Шариф бен Али при поддержке крупной племенной конфедерации берберов *айт атта*. Войска Исмаила удалось нанести поражение братьям, после чего, по сведениям

историка Ахмада ан-Насири, они укрылись в пустыне [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 60].

Со смертью Мулай Исмаила, который правил больше пятидесяти лет, в стране начался период междуцарствия, известный в историографии как Тридцатилетняя смута (1727–1757). По свидетельствам придворного летописца Абу аль-Касима аз-Заййани, султан оставил после себя около 500 сыновей и примерно столько же дочерей [аз-Заййани, 1992, с. 187]. К моменту смерти отца многие из сыновей успели получить опыт государственного управления, будучи наместниками в различных провинциях, в связи с чем кандидатов на престол было более чем достаточно. Ситуация усугублялась усилением роли темнокожей гвардии *абид* (мн. ч. «рабы»), которую Мулай Исмаил сформировал из невольников и *харатин* – темнокожего населения сахарских оазисов. Это войско использовалось главным образом для подавления племенного сопротивления и контроля за мятежными регионами. Мулай Исмаил проводил сбалансированную политику, опираясь и на гвардию *абид*, и на традиционную племенную армию *гиш* («войско»). Однако со смертью султана военачальники *абид* вышли из-под контроля и стали диктовать следующим монархам свою волю, самолично свергая потомков Исмаила и выбирая из их числа наиболее подходящие кандидатуры.

В результате эпоха междуцарствия была отмечена ожесточенной борьбой за власть и влияние между наследниками Исмаила. Можно с уверенностью утверждать, что в этот период военное превосходство было главным условием успеха претендента на престол. Это подтверждает тезис испанского историка Мерседес Гарсии-Ареналь о том, что, несмотря на «консерватизм» исламской политической доктрины, осуждающей восстание против действующего пра-

вителя, «в конечном итоге легитимность держится на силе» [García-Arenal, 1990, p. 1029].

Сложный и многогранный характер эпохи междуцарствия наиболее ярко отразился в судьбе султана Мулай Абдуллаха. Абдуллах не был в числе первых кандидатов на престол, поэтому в 1727 г., когда умер Исмаил, султаном в Мекнесе был провозглашен другой его сын – Мулай Ахмад (1727–1728). Сам Абдуллах на тот момент находился не в столице, а в Тафиалете⁸. Однако в Мекнесе оставалась его мать – Лалла Хуната бинт Баккар, влиятельная жена султана Исмаила [Pellow, 1890, p. 148].

Хуната была дочерью вождя крупного арабского племени *мгафра*, составлявшего костяк племенных контингентов *удайя*, которое находилось на службе у Алауитских султанов. Новый султан продержался у власти недолго, и уже в 1729 г. на престоле оказался Мулай Абдуллах. Изучение арабских летописных трудов, а также дошедших до нас европейских источников позволяет утверждать, что мать Абдуллаха сыграла огромную роль в его восхождении на престол⁹. Во-первых, как писал Абу аль-Касим аз-Заййани, она была очень богата, а главным условием для получения престола на тот момент был подкуп гвардии *абид* [аз-Заййани, 1992, с. 189]. Кроме того, родство Лаллы

⁸ Родовое гнездо Алауитов становилось пристанищем для сыновей султана, которые по тем или иным причинам не рассматривались как потенциальные наследники престола. По свидетельствам англичанина Томаса Пеллоу, который попал в плен к марокканским пиратам и длительное время служил при Алауитском дворе, Мулай Исмаил направлял их в оазисы Тафиалета, где выделял им участок с финиковыми пальмами, которые становились их основным средством к существованию [Pellow, 1890, p. 119–120].

⁹ Слухи о могущественной жене султана распространялись и за пределами Марокко: так, английский офицер Джон Уиндус, который в 1721 г. посетил Шерифскую империю с дипломатической миссией, писал в своих воспоминаниях о том, что впервые услышал о Лалле Хунате еще в Лиссабоне, когда готовился к своей поездке и собирал сведения о самых влиятельных людях при дворе Алауитского султана [Windus, 1725, p. 160].

Хунаты с *удайа* предполагало, что за спиной у ее сына оказывалась военная поддержка с их стороны. Наконец, Хуната обладала обширной сетью связей и контактов с нотаблями, алимами и шерифами Феса.

Посредничество Лаллы Хунаты неоднократно позволяло Абдуллаху вернуть себе трон – в общей сложности Мулай Абдуллах был низложен четыре раза и пять раз провозглашен султаном. Однако, как представляется, поддержки матери и стоявшего за ней воинства *удайа* было недостаточно для того, чтобы удержаться у власти во время хаоса Тридцатилетней смуты. Анализ летописных сводов демонстрирует, что Мулай Абдаллах сохранил трон благодаря тому, что ему удалось найти новый баланс между ведущими военными силами того времени – племенным войском *удайа*, гвардией *абид* и берберскими племенами, которые со смертью Исмала вышли из-под контроля махзена. В этих условиях продолжать политику своего отца и опираться на темнокожую гвардию и племенные формирования *удайа* было уже невозможно. В связи с этим Мулай Абдуллах сделал ставку на союз с берберами Среднего Атласа и получил в их лице противовес произволу *абид* и *удайа*.

Стоит отметить, что у данного сотрудничества были и иные, не менее важные причины. Мулай Исмаилу с помощью невольничьей гвардии удалось на время остановить наступление племен на плодородные долины. Однако с началом Тридцатилетней смуты этот процесс возобновился. С первых лет междоусобицы в летописях регулярно приводились упоминания о столкновениях между воинством султанов и берберскими племенами. Их наступление угрожало серьезными последствиями не только для местного оседлого населения, но и для самой династии.

Во время «мурабитского» кризиса экспансионистские стремления этих племен уже использовались *завийей* Дила’,

и очередная смута грозила появлением в среде берберских горцев новых харизматичных предводителей. Как следует из сообщений летописцев, мурабиты и шейхи крупных суфийских братств активно вмешивались в междоусобные войны сыновей Исмaила. Некоторые из них выступали в роли арбитров в конфликтах между султанами и верхушкой темнокожей гвардии. Например, по сведениям Ахмада ан-Насири, когда *абид* решили свергнуть одного из султанов эпохи междоусобия, Мулай Абд аль-Малика, тот обратился за помощью к шейху влиятельного братства Ваззанийя Мулай ат-Тайибу бен Мухаммаду ал-Ваззани. Шейх отправился на переговоры к ним и попытался заступиться за Абд аль-Малика, отговаривая *абид* от восстания [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 121].

Однако участие суфийских шейхов не всегда ограничивалось мирным посредничеством. Так, по свидетельствам Томаса Пеллоу, на стороне султана Мулай Ахмада (1727–1728) воевали ополчения *завийи* Ахансал, или Ахансалийя, основанной в начале XVIII в. на севере Высокого Атласа [Pellow, 1750, p. 21]. Во время правления Мулай Абдуллаха между 1732 и 1733 гг. шейх *завийи* Сиди Йусуф ал-Хансали возглавил восстание берберских племен, в ходе которого они захватили Касбу Тадлу и попытались закрепиться на равнине, однако восстание было подавлено [Morsy, 1972, p. 22].

В связи с этим Мулай Абдуллах осознал необходимость пойти на уступки берберам в обмен на военный союз. По свидетельствам летописца Аз-Заййани, когда султан был в очередной раз низложен, он скрылся у берберских племен в городке Эль-Ажб (ар. аль-Хаджиб) к югу от Мекнеса и не только поощрял их набеги на столицу и разбой на дорогах, но и лично участвовал в подобных нападениях [аз-Заййани, 1992, с. 271, 284]. Когда Мулай Абдуллах снова

вернул себе трон, в обмен на военную поддержку он разрешил этим племенам поселиться в окрестностях Мекнеса и занять пригодные для обработки земли.

Примечательно, что в этот период марокканские султаны больше напоминали главарей разбойничьих банд или предводителей племенных ополчений, что будто бы возвращало их во времена завоеваний первого правителя династии Мулай Рашида. Вместе с тем представляется, что Абдуллах вполне осознанно поддерживал набеги берберских племен, поскольку в период анархии и смуты единственным средством привлечь их на свою сторону было обещание богатой военной добычи. Например, Ахмад ан-Насири приводил текст письма Мулай Абдуллаха берберам *айт идрасен и гаруан*, в котором правитель призывал их поддержать его: «Если вы хотите денег и добычи, то готовьтесь выступать вместе со мной на Танжер» [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 163].

Таким образом, к 1745 г. Мулай Абдуллах сформировал обширную базу поддержки в виде берберских племенных конфедераций, родственных ему арабских племен Юга и части лояльных ему военачальников *абид*. Укрепив свои позиции, Абдуллах сумел одержать победу над другой крупной коалицией, сложившейся на Севере вокруг могущественного паши Тетуана Ахмада ар-Рифи. Паша ар-Рифи обладал практически неограниченными полномочиями еще при Мулай Исмаиле. По свидетельствам англичанина Джона Уиндуса, жители провинции оказывали паше почтение наравне с султаном: когда он объезжал свои владения, люди со всей округи собирались, чтобы преподнести ему разнообразные дары [Windus, 1725, p. 173]. Со смертью Мулай Исмаила Ахмад ар-Рифи стал независимым правителем Севера, подчинил себе Танжер и северо-западную область Гарб. Паша заключил союз с частью верхушки темнокожего войска *абид* и с их помощью продвигал собственных кандидатов на престол.

Мулай Абдуллаху удалось нанести поражение войскам ар-Рифи, и эта крупная военная победа стала убедительным аргументом для марокканских племен и городских нотаблей в его пользу. С этого момента монарх правил страной вплоть до своей кончины в 1757 г. Даже Фес, с которым у султана складывались непростые отношения, поддерживал его в столкновении с ар-Рифи. К тому моменту страна уже была истощена многолетней смутой и назрела необходимость в сильной центральной власти, которая была бы в состоянии восстановить порядок. В этой связи представляется важным тезис американского антрополога М. Комбс-Шиллинг о том, что в Марокко сильная центральная власть проявляла себя не только в росте налогов и физического принуждения, но также означала и «подъем торговли, и расцвет сельского хозяйства, которые попросту отсутствовали в иные времена» [Combs-Schilling, 1989, p. 173].

Потребность марокканцев в сильном государе проявилась и в том единодушии, с которым они поддерживали кандидатуру сына Мулай Абдуллаха – Сиди Мухаммада бен Абдуллаха (1757–1790). Как писал историк Ахмад ан-Насири, «люди устали от беспорядка и смуты, были истощены усобицами и войнами... в эти времена правителя будто бы и вовсе не было» [ан-Насири, 1954–1956, т. 8, с. 3].

Мулай Абдуллах назначил своего сына наместником (*халифой*) Марракеша, и за годы своего наместничества тот успел проявить себя как успешный управленец. Он восстановил южную столицу, которая до этого пребывала в руинах, и умиротворил местные племена, которые впоследствии стали опорой Сиди Мухаммада и его отца¹⁰. Кроме того, алауитский принц отстроил порты на атлантическом

¹⁰ Сиди Мухаммад сделал местное племя рахамна частью своего племенного воинства. Данный военный союз был также подкреплён браком султана с дочерью одного из вождей *рахамна* Абдуллаха ар-Рахамни [Essadiki, 2001, p. 133].

побережье и наладил торговлю с европейскими коммерсантами [Орлов, 2009, с. 36]. Все эти заслуги обеспечили ему поддержку среди городских слоев и племен не только на юге, но и по всей стране, поэтому, по словам ан-Насири, «все люди Марокко обратили свои лица к Сиди Мухаммаду и присягнули ему» [ан-Насири, 1954–1956, т. 8, с. 3].

Хотя умиротворение Дальнего Магриба в историографии Марокко принято связывать с первыми годами правления Сиди Мухаммада, начало этому процессу было положено при Мулай Абдуллахе. Источники сохранили о нем память как о деспотичном, неоднозначном правителе. Историк и современник событий междоусобицы Абу аль-Касим аз-Заййани писал: «Повелитель правоверных Мулай Абдуллах был очень суров и жесток, что отвратило от него сердца его воинов и подданных... люди бежали от него из-за рек крови, которые он пролил без какой-либо видимой причины» [ан-Насири, 1954–1956, т. 7, с. 187]. Вместе с тем именно этот султан в разгар смуты и хаоса выбрал верную тактику для разрешения затяжного кризиса и стал сильным лидером, который смог вывести страну на путь объединения.

Таким образом, историю государства Алауитов с начала их завоеваний и вплоть до эпохи правления Сиди Мухаммада бен Абдуллаха (1757–1790) можно представить как цикл, состоявший из трех этапов: хаос – упорядочивание – хаос. Анархия времен «мурабитского кризиса» завершилась после прихода к власти Алауитов, при втором султани династии Мулай Исмаиле (1672–1727) сложилась высокоцентрализованная государственная модель, а за его смертью последовал новый раскол и подъем сепаратизма во время Тридцатилетней смуты (1727–1757). Важным итогом этого тридцатилетнего периода междоусобицы стало то, что он не стал новым «мурабитским кризисом»: никто из участников всех перипетий эпохи междоусобицы не пы-

тался посягнуть на верховную власть, как это происходило столетием ранее, и не ставил под сомнение легитимность правившей династии.

Представляется, что данная ситуация была следствием продуманной политики алауитских султанов. За это время монархии удалось создать эффективные механизмы управления. Одним из важнейших таких механизмов был «кочующий» двор, который стал своего рода альтернативой централизованного государства в его традиционном понимании. Мобильность султана позволяла решать все наиболее важные для укрепления власти задачи. Правитель вел непрерывную борьбу как против иноверцев на побережье, так и против смуты в собственном государстве. В ходе тридцатилетнего кризиса междоусобицы, который стал испытанием для Алауитской государственности, шерифская монархия устояла и продемонстрировала свою гибкость и адаптивность к сложным социальным и политическим условиям.

Глава 3

Алжиро-марокканское соперничество (XVII – начало XIX в.): религиозно-мистический аспект

Сложившиеся в XVI столетии два «центра силы» Северо-Западной Африки – Алжир и Марокко – заметно различались как по административно-территориальному устройству, так и по основам легитимности правивших в них элит. Алжир представлял собой крайнюю западную провинцию Османского государства. Начиная с военноморских предприятий братьев Барбаросса, Средний Магриб фактически функционировал как полуавтономная единица (*бейлербейлик*, а затем *дейлик*). Тем не менее его правящие круги, как правило, проявляли внешнюю лояльность к османскому правительству (*Баб-и али*, Высокой Порте), разделяли со Стамбулом нормы староосманского языка, представления имперской политической культуры и приверженность ханифитской школе исламского права. В своем большинстве лидеры Среднего Магриба формировались в среде янычар или корсаров средиземноморского происхождения. Их легитимность заключалась в полномочиях, делегированных им османским султаном для защиты Алжира от неверных и соблюдения установлений шариата в его пределах. Существенную роль в легитимации и поддержке

османского режима в Алжире играла и община *кулугли*¹. Согласно традиционным османским представлениям, *кулугли* не могли считать себя равными членам алжирской правящей верхушки, но составляли значительную часть алжирских богословов-ханифитов, а также дали Алжиру множество юристов, торговцев и воинов провинциальных городских ополчений. В то же время глубина культурно-политической интеграции между османами и местными общинами широко варьировалась по территории дейлика. Относительно тесные и давние связи характеризовали арабо-берберо-османский союз в самом городе Алжире, столичной области Дар ас-Султан и центральном бейлике Титтери. Восточная провинция Константина, населенная берберами, сохраняла относительную самостоятельность, а ее население чаще всего тяготело к порядкам и обычаям соседнего Туниса. Наконец, между османами и коренным населением западного бейлика Оран, который в наибольшей степени подвергался влиянию Алауитов, десятилетиями сохранялись подозрительность и напряженность.

Марокко (Дальний Магриб) со времени прихода к власти шерифских² династий Саадидов (10-е годы XVI в.) и Алауитов (30-е годы XVII в.) существовало как самостоятель-

¹ *Кулугли* (араб. также *кулуглан*; тур. *кулугуллиари*) – потомки янычар и местных женщин в Магрибе; как правило, не наследовали профессию и престиж службы своих отцов, хотя и составляли отдельные воинские контингенты в эялетах Триполи и аль-Джаза'ир.

² *Шериф, шариф* (араб. благородный, почтенный) – потомок пророка Мухаммада. Аллах, согласно Корану, увязывает подлинное благородство с богобоязненностью, а не кровным родством: *Инна акрамакум 'инда Алла аттакум* (Ведь самый благородный из вас пред Аллахом – самый благочестивый) [49:13]. Тем не менее божественная воля недвусмысленно предопределила Пророка в качестве наилучшего образца человеческого совершенства для последователей ислама: *Ла кад кана лакум фи расул Алла усуа хасана* (Был для вас в посланнике Божием хороший пример) [33:21]. В силу этих обстоятельств понятие «шериф» в арабо-исламском мире неизменно ассоциировалось с нравственным превосходством и возвышением над привычным общественным ординаром.

ное государство. В пределах исламской правовой теории султан Дальнего Магриба считал себя государем, равным османскому собрату, и располагал правами, которые ограничивались только божественными установлениями. Марокканская политическая культура Нового времени строилась на патриархальных и патримониальных основах, которые, по определению ливанского политолога Г. Саламе, подразумевали, что «правитель был полновластен и требовал всеобщего подчинения» [Salamé, 1991, p. 309]. Окружавшая султанов элита также в немалой части состояла из шерифов. Алаутский государь в глазах населения Дальнего Магриба был легитимен потому, что был в наибольшей степени одарен унаследованной от Пророка божественной благодатью (*баракой*). Поэтому его сила убеждения была значительна и часто использовалась султанами в сложных и деликатных маневрах повседневной политики. «Султан, как и любой марабут³ или шериф, – отмечал американский магрибист Э. Бёрк, изучавший политическую эволюцию традиционного и современного Марокко, – был человеком, живущим в обществе, но благодаря своему происхождению никогда не бывшим в действительности из этого общества. Как и у марабута, его власть происходила из его готовности и способности быть третьей стороной, а также использовать другие социальные средства, присущие его позиции» [Burke, 1969, p. 83]. В отличие от алжирского дея – чужеродного османского функционера – марокканский султан воспринимался его подданными как защитник

³ *Мурабит* (араб. соединенный, связанный; искаж. марабут) – почитаемый в традициях «народного» ислама местный религиозный деятель, воин джихада, суфийский наставник и т. п. В исламе отсутствует церковь и церковность, поэтому в качестве своеобразной «канонизации» мурабитов с первых веков ислама выступал народный консенсус относительно их святости, высоких морально-нравственных качеств, способности к покровительству рядовым верующим, чудотворству и т. п.

и выразитель их интересов, спланивавший жителей Дальнего Магриба независимо от их племенной и региональной принадлежности⁴.

При всех этих различиях османский *дейлик* и алауитский султанат были схожи в тех методах, при помощи которых правители управляли своими подданными. Как дей, так и султан руководили сложно организованными и территориально разрозненными обществами, состоявшими из сравнительно скромного количества горожан – арабов и берберов⁵, – а также представителей многочисленных и разнородных племен⁶. Насилие и угроза насилием составляли постоянный фон деятельности как алжиро-османской, так и алауитской администрации. Если политические средства в отношениях с провинциями или должностными лицами не давали результата, то, по выражению марокканского историка Абд аль-Латифа Агнуша, «воинская сила вбивала на место светское повиновение, которое надлежало проявлять перед духовным сувереном» [Agnouche, 1987, p. 210]. В то же время на практике дей и султаны имели лишь ограниченные силовые средства для проведения в жизнь своих властных устремлений. Профессиональное чиновничество

⁴ Французский исламовед Ж.-А. Буске остроумно назвал этот феномен «дрожью национализма» (*un frisson de nationalisme*) [Bousquet, 1955, p. 63], а социолог Л.-Ж. Дюкло охарактеризовал марокканский протонационализм как «эмоциональный» (*affectif*) [Duclos, 1966, p. 15].

⁵ Городское население Алжира в начале XIX в. составляло не более 10% от общего [Valensi, 1969, p. 50; Danziger, 1977, p. 4]. В научной литературе укоренилось мнение о том, что Марокко по уровню урбанизации превосходило Алжир [Johnson, 1976, p. 103]. Возможно, оно основано на представлении о большем количестве портовых городов на западе Магриба. Однако наши подсчеты и экстраполяции по магрибинским источникам XVIII–XIX вв. (см.: [Орлов, 1998]) показывают, что удельный вес городского населения Марокко к началу XIX в. был сходным с показателями Алжира и составлял 11–12%, а с учетом эпидемий чумы в конце XVIII в. он и вовсе мог снизиться до 7–8%.

⁶ Так, российский магрибист М. Ф. Видясова в ходе своих изысканий обнаружила только в Марокко XVI–XVIII вв. до 800 племен и племенных объединений [Видясова, 1987, с. 238].

как в Алжире, так и в Марокко было малочисленно и коррумпировано, а вооруженные отряды ненадежны. Поэтому стратегически развернутая сеть гарнизонов неизменно дополнялась неформальной системой союзов правителя с рядом служилых племен (*каба'иль махзан*), которые получали налоговые льготы и привилегии в обмен на участие в сборе налогов с податных племен (*ра'ийа*). Военно-политические лидеры племен (*аджуад*, *джууад*) и почитаемая религиозная элита (*мурабитун*) обладали широкой автономией и добивались авторитета на местном уровне собственными силами. В этих условиях механизмы администрации в Среднем и Дальнем Магрибе носили косвенный характер. Только помощь и содействие сплоченных провинциальных элит могли обеспечить потребности султанского и дейского махзена в налоговых поступлениях, лояльных вооруженных контингентах, политической поддержке и всем прочем, что правитель мог бы ожидать от своих подданных. Порой своеволие общественных сил бывало настолько сильным, что не позволяло центральной власти Алжира или Марокко проводить долгосрочный и последовательный политический курс⁷.

В региональном соперничестве двух магрибинских государств на протяжении всей предколониальной эпохи существенную роль играли суфийские братства (*турук*, ед. ч. *тарика*). Их неоспоримый авторитет в кочевых племенах, крестьянских общинах и городских кварталах делал наставников-шейхов как грозными оппонентами,

⁷ Правительство дея, как правило, устойчиво контролировало только приморские равнины и часть горного массива Телля (приблизительно 15–17% современной территории Алжира) [Хмелева, 1963, с. 193]. Марокканский махзан также удерживал прямой контроль главным образом над плодородными и легкодоступными приатлантическими провинциями и предгорьями Атласа и Рифа. Однако они были несколько шире и составляли около 30% современной территории Марокко.

так и ценными союзниками. К тому же действовали они в глубоко интегрированной культурной среде. Граница между алауитским султанатом и османским дейликом, далеко не всегда точно установленная и не обозначенная на местности, была условной. Надежная сеть контактов между северными провинциями Марокко и алжирским бейликом Оран постоянно поддерживалась по «коридору Тазы»⁸ за счет племенных миграций, торговых предприятий, прохождения караванов *хаджжа* и научно-творческих связей мусульманских интеллектуалов, среди которых мистики составляли внушительное большинство. Целые поколения алжирских богословов и законовеев профессионально сформировались благодаря творческим «командировкам» в фесский университет аль-Карауийин и знаменитые маринидские медресе, расположенные в северной столице Марокко. Об усилении марокканского влияния в западных провинциях *дейлика* свидетельствуют и результаты изысканий алжирского антрополога Хуари Туати. Как ему удалось установить по местным архивам, с середины XVII в. в городах и селениях Орании (особенно в самом Оране, а также Мостаганеме и Маскаре) местные *мурабиты* начали предъявлять довольно частые претензии на шерифское происхождение – главным образом от потомков аль-Хасана идрисидской ветви [Touati, 1992, p. 7]⁹.

⁸ Коридор Тазы – удобный проход между предгорьями Рифа и Атласа примерно в 100 км к северо-востоку от Феса, соединяющий городские центры северного Марокко с алжирской провинцией Оран; традиционно служил ключевым этапом на трассе караванной торговли и *хаджжа*.

⁹ По традиции главными добродетелями верхушки мурабитских семей признавались такие качества, как исламская образованность (*ильм*), наличие сверхъестественных атрибутов личной «святости» (*уалайя*) и проявления личного благородства (*джах*). Теперь же речь шла о генеалогических претензиях на происхождение от Пророка или наследование его благодати. К этим претензиям изобретались «подтверждения» в виде записей в родословных книгах или за счет чудотворных деяний, подчинения сил природы, провидческих высказываний и т. п. [Touati, 1992, p. 16–18].

Любопытной иллюстрацией к тезису, предложенному Х. Туати, может послужить судьба видного идрисидского рода, который в 30-х годах XIX столетия выдвинул эмира Абд аль-Кадира аль-Джаза'ири (1808–1883) в качестве главы независимого алжирского государства. Эта большая и сплоченная шерифская семья происходила из северной марокканской провинции Риф. Ее прародитель, согласно местному преданию, жил в Дальнем Магрибе и на излете альмохадской эпохи (в XIII столетии) поселился на равнине Герис в окрестностях Маскары. Там ему и его потомкам удалось обрести авторитет у местных арабоязычных племен *хашим* и *бану амир*, а затем распространить свое влияние на историческую родину [Мухаммад ибн Абд аль-Кадир, 1964, с. 928]. В XVII в. этот клан отчетливо связал свои духовно-политические устремления с кадиритской мистической традицией. Во всяком случае, уже дед Абд аль-Кадира – Мустафа аль-Мухтар – совершил в последней трети столетия благочестивое посещение (*зийара*) гробницы основателя братства Кадирийи Абд аль-Кадира аль-Джилани (1077–1166) в Багдаде, прошел обряд посвящения и получил традиционное суфийское облачение (*хирку*) от местных шейхов братства. Также он удостоился признания местной корпорации потомков Пророка и лично ее главы (*накиба аль-ашраф*) [Мухаммад ибн Абд аль-Кадир, 1964, с. 929]. Эти обстоятельства позволили Мустафе аль-Мухтару и его сыну Мухйи ад-Дину призвать племена Гериса и Орании в целом под знамена Кадирийи. Приверженность старинной суфийской школе и благородное происхождение Мустафы и Мухйи ад-Дина сделали их обитель, расположенную в Гетне Уэд аль-Хаммам, популярным центром образования и взаимопомощи не только у жителей Гериса, но также в регионах Маскара, Тлемсен и Риф. Эти аргументы были тем более важны, что Герис

в восприятии современников Мухйи ад-Дина был «памятным местом шерифского героизма» [Touati, 1994, p. 232] и в его обществе веками главенствовали конкурирующие семьи потомков Пророка, чаще всего идрисидского происхождения – *бану рашид*, *бану амир*, *сулайманиййун* и др. Поэтому и Абд аль-Кадир аль-Джаза'ири в своем последующем сопротивлении иноземному нашествию основывал свой авторитет на ценностях племенной и религиозной верхушки глубинных районов Магриба и по мере своих сил продвигал установки традиционной мусульманской культуры [Emerit, 1951, p. 202; Guerid, 2007, p. 44].

Вместе с тем регион Гериса в XVII–XVIII вв. приходит-ся оценить как важный, но все же периферийный форпост магрибинской мистической традиции. Подлинным же ее эпицентром в ходе обоих столетий оставался алаутский султанат. После отражения Саадидами португальских захватчиков в «битве трех королей» (1578) и успешного уклонения от османского контроля алаутские султаны правили в прифронтальной зоне христианско-мусульманского противостояния на южном берегу Средиземного моря. Крушение Гранадского эмирата (1492) и предшествовавшие ему успехи Реконкисты в Испании привели общество Дальнего Магриба, по уместному выражению Э. Геллнера, в «энтузиастически мусульманское» состояние [Gellner, 1969, p. 297]. На протяжении XVII–XVIII вв. в северных провинциях алаутского султаната (в том числе в Рифе) активно воспроизводился историко-культурный феномен, характерный для приграничных марок средневековой Испании – фронтирное, или лиминальное, массовое сознание¹⁰. Сложное переплете-

¹⁰ В понимании современных историков и культурологов оно проявляется посредством обостренного и даже болезненного переосмысления религиозных событий и символов со стороны населения, мыслящего в рамках психологического синдрома «осажденной крепости». Отсюда, как предположила британская исследовательница А. Беннисон, происходила необычная быстрота

ние религиозной ревностности, ксенофобии и местнического патриотизма, порожденное изгнанием мавров и морисков из Испании, было подкреплено нередкими попытками испанцев и португальцев превратить Реконкисту в *конкисту* и укрепиться уже в магрибинском приморье.

В таких условиях северные территории Марокко на протяжении всего Нового времени выступали в качестве неординарного источника духовной и нравственной энергии. Ее импульс был направлен как на отторжение покушений европейских захватчиков-христиан, так и на отказ от подчинения претензиям со стороны единоверного Османского государства. Шлейф религиозно-мистического «обаяния» Дальнего Магриба протягивался далеко на восток и юг, захватывая Алжир, Тунис, Триполитанию, а также исламизированные территории степей и полупустынь Сахеля. Только на северо-востоке Африканского континента порожденная в Марокко мистическая волна разбивалась о встречное влияние сильной египетской традиции *тасаввуфа* и ее аравийских или суданских вариаций¹¹.

Среди европейских наблюдателей североафриканских обществ еще в XVII в. возник консенсус относительно силы и жизненности проявлений «народного» ислама

и действенность военно-политической мобилизации рядовых марокканцев на противоборство с постоянно находящимся поблизости христианским противником [Bennison, 2001, p. 11–12].

¹¹ Впрочем, региональное превосходство мистико-аскетических традиций Дальнего Магриба никак не исключало влияния других стран Северной Африки на религиозную жизнь Египта, Судана и Аравии. В качестве примера можно сопоставить описанные в источниках «творческие путешествия» марокканского алима, географа и мистика Абу Салима аль-Аййаши (1628–1679) и алжирских суфиев, поэтов и законовевов – Са’ида Каддуры (ум. 1656) и Мухаммада ибн Сулаймана ар-Рудани (ум. 1683). Эти мистики, литераторы и ученые мужи несколько раз совершали *хаджж*, делились своими обширными познаниями с богословами Каира, Мекки и Медины и неоднократно выдавали своим слушателям и коллегам соответствующие свидетельства (*иджазы*) [аль-‘Аййаши, 1898, т. 2, с. 30–45; аль-Кадири, 1977–1986, т. 2, с. 82–83; Махлуф, 1930–1931, т. 1, с. 309].

в Дальнем Магрибе. Исламовееды разных эпох и научных школ уверенно предполагали, что низовая религиозная культура пронизывала общественную жизнь Дальнего Магриба намного глубже, чем в других странах и территориях Северной Африки [Montet, 1909, p. 7; Verque, 1978, p. 425, 462]. Как знакомство с письменными источниками, так и данные, полученные французскими магрибистами в ходе полевых наблюдений конца XIX – начала XX вв., позволяют уверенно предположить, что Марокко уже с XIII–XIV столетий служило центром духовно-интеллектуального тяготения не только для соседнего Алжира, но также и для Туниса и Триполитании [Cat, 1898, p. 388; Douité, 1899–1900, т. 40, p. 350; Montet, 1902, p. 3–4; Mouliéras, 1895–1899, т. 2, p. 767]¹². О том, что шерифские традиции Марокко не утратили в XVII–XIX вв. своей духовной притягательности, свидетельствовало и распространенное в Магрибе почитание героев Саадидского джихада и гробниц павших за веру¹³.

В эпоху правления ранних Алауитов – Мулай Рашида (1666–1672) и Мулай Исма‘ила (1672–1727) – в перипетиях алжиро-марокканского соперничества еще слабо прослежи-

¹² Это мнение, высказанное учеными, поддерживали и французские колониальные деятели. Например, Н. Лакруа и А. де ла Мартиньер в своей публикации североафриканских документов сделали следующее замечание относительно возможностей для развертывания мистических объединений в Дальнем Магрибе: «В стране, ... где очень распространены шерифы и марабуты, где бесчисленно количество завий ... религиозные братства должны были найти очень удобное поле для расширения своей деятельности» [Lacroix, La Martinière, 1894–1897, т. 3, p. 198].

¹³ Составляя и уточняя историческую карту культовых центров, существовавших в Марокко, американский исламовед Д. Ф. Эйкелман подсчитал, что в среднем на один квадратный километр международно признанной марокканской территории (то есть без четырех западносахарских провинций) приходилось не менее двух почитаемых захоронений [Eickelman, 1977, p. 5]. С учетом того, что значительная часть территории Марокко покрыта необжитыми пространствами (степями, пустынями и горными массивами), сосредоточение объектов поклонения в обжитых районах (атлантическое побережье, север и юго-запад) должно дать гораздо более высокий показатель.

вается религиозно-мистическая составляющая. Османский контроль над Оранией и непокорность берберских племен пограничья в силу интриг алжирских пашей служили постоянным источником раздражения для марокканских государей. Мулай Рашид, поглощенный борьбой за власть в рядах алауитской семьи, уделял мало внимания «алжирской угрозе», тогда как Мулай Исма‘ил последовательно вторгался с крупными войсковыми контингентами в Западный Алжир (1679, 1682, 1695–1696). В историографии встречается мнение о «карательном» характере этих экспедиций (см. например, Naylor, 2009, p. 130), которое, однако, представляется поверхностным. Скорее, предназначение этих походов было геополитическим. Целью Исма‘ила видится восстановление масштабов марокканского присутствия в Среднем Магрибе, сложившегося при «племенных династиях» – от Идрисидов до Маринидов. Амбиции Исма‘ила простирались не на всю Оранию, а главным образом на город Тлемсен и его провинцию. Стремясь включить Тлемсен в состав алауитского султаната, Исма‘ил как бы подтверждал его вековые культурно-экономические связи с Фесом через коридор Тазы, но уже в отличных от Средневековья политических условиях¹⁴.

¹⁴ Тлемсен – город с долгой и славной историей – был известен еще со времен Идрисидов (VIII–IX вв.). Его процветание не раз отмечали арабские географы. В начале XII в. альморавидский правитель Йусуф ибн Ташуфин выстроил рядом со старым городом укрепленное поселение Тагарт. Позже они слились в один город, хотя еще Альмохады укрепляли обе части Тлемсена по отдельности, причем одна из них была населена официальными лицами наместничества, а другая – простым народом (*аль-‘амма*). Однако только предводителю племени *бану абд аль-уад* Йагмурасану ибн Заййану удалось превратить его в XIII столетии в столицу Среднего Магриба и центр сбора знатных племен. Маринидам заййанидский Тлемсен представлялся воинственным и грозным соперником, в силу чего он находился в центре их внимания и военных усилий [Hrbek, 1984, p. 95; Laroui, 1970, p. 215]. Для Мулай Исма‘ила и его преемников город был скорее слабым в военном отношении центром маргинальной и маловажной для османских властей Алжира западноалжирской провинции.

Военное решение «тлемсенского спора», которое последовало в 1701 г. за энергичным контрнаступлением османских войск, имело не только политические, но и религиозные последствия. С одной стороны, Мулай Исма'илу пришлось пойти на уступки и полностью признать за османскими лидерами Алжира владение Тлемсеном. С другой стороны, алжиро-марокканский договор 1701 г. «переносил» границу двух государств восточнее традиционной (по р. Мулуя)¹⁵ – на берега р. Тафна. Расширение алауитских владений на восток в сочетании с заметным упадком Тлемсена как торгового и культурного центра привели в XVIII столетии к тому, что богословы, законоведы и суфийские наставники Тлемсена, а также его окрестностей начали тяготеть к Фесу и его университету аль-Карауийин как к престижному и продвинутому средоточию интеллектуальной жизни. Это движение, в свою очередь, заметно способствовало почитанию в Среднем Магрибе марокканских шерифов и распространению шерифских религиозно-политических концепций в западных провинциях дейского Алжира. Создание общего духовно-культурного пространства двух старинных городов придало солидный вес их мифическому, но очень популярному «братству во Идрисе» (то есть общему идрисидскому началу их истории), а для нескольких поколений алауитских государей владение Тлемсеном приобрело символический статус [Bennison, 2002, p. 24]¹⁶.

¹⁵ Впервые законность проведения алжиро-марокканской границы по долине р. Мулуя признали еще предшественники Алауитов – султаны из династии Сааидов [Bennison, 2002, p. 24].

¹⁶ Примечательный аргумент в пользу такого предположения представил в 1992 г. алжирский историк и антрополог Хуари Туати. На материалах местных архивов он обнаружил любопытный феномен: при Мулай Исма'иле и в эпоху Тридцатилетней смуты (1727–1757) в сельских районах Западного Алжира широко распространилось типично марокканское явление «лжешерифства», когда сомнительные потомки Пророка (*муташаррифун*) изобретали себе бла-

Вновь шерифско-суфийские связи Марокко и Орании выступили на историческую сцену в правление алауитских султанов Сиди Мухаммада ибн ‘Абдуллаха (1757–1790) и Мулай Сулаймана (1792–1822). Религиозная политика этих государей сыграла существенную роль в суфийском возрождении в Магрибе. Их усилия, по сути, привели не только к политизации деятельности местных мистиков, но и к радикализации их политических позиций. Во второй половине XVIII в. в Магрибе отмечалось возрождение сельской религиозной культуры и усиление новых или реформированных прежних религиозных братств – Даркауййи, Уаззанийи (Таййибийи), Тиджанийи и Кадирийи. Все эти мистические объединения имели множество приверженцев в алжиро-марокканском пограничье, и их активность укрепляла трансграничные связи. Завийи этих братств в Ороне, Тлемсене, Мостаганеме, Маскаре, Уджде, Тазе возглавлялись выходцами из шерифской религиозной элиты¹⁷.

Как правило, основной зоной распространения влияния этих братств служили племенные территории на север и восток от Феса, вдоль коридора Тазы и далее по атласским

городные родословные ради престижа или материальной выгоды. В алауитском султанате борьба с коррупцией и разоблачение ложных претензий на звание шерифа активно велись еще при Мулай Рашиде [Touati, 1992, p. 7].

¹⁷ В историографии высказывались предположения о том, что алжирские шерифские кланы использовали возрождение суфизма XVIII в. как своеобразное средство противодействия «демократизации» шерифских предков, которая угрожала их статусу [Bennison, 2002, p. 43]. Эта гипотеза нуждается в доказательствах, однако и в Магрибе, и в Сахеле, и в Тропической Африке за рядом братств еще в XVI–XVII вв. закрепилась репутация «аристократических». Особенно часто это понятие сопровождало деятельность Кадирийи, общины которой обладали сложной иерархией, и должностные степени в братстве совпадали с кастовыми градациями, характерными для местных обществ. В Тропической Африке Кадирийя нередко была связана с племенной аристократией, тогда как соперничавшие с ней *турук* пользовались репутацией «демократических» как в плане социального состава, так и учения. В Западной Африке, особенно у фульбе и тукулеров, имело место обратное: Кадирийя считалась «простонародным» братством [Ислам..., 1988, с. 18; Тримингэм, 2002, с. 140].

и рифским предгорьям, пролежавшим вплоть до Тлемсена. Их шейхи и *мукаддамы* еще в 70–80-х годах XVIII в. решительно соединяли отдельные обители и локально почитаемые культовые центры (гробницы, мавзолеи, священные камни и деревья и др.) в межрегиональные сети, обычно действовавшие под покровительством шазилитской или кадиритской традиции. В таких сетях передавались начальные и продвинутые мистические познания и технические приемы, распространялось суфийское посвящение (*уирд*), возрождались основы духовной дисциплины, велось культурное и идеологическое противодействие наиболее неприемлемым в нормативном исламе языческим пережиткам местных жителей.

Самую активную позицию по отношению к религиозным нуждам магрибинцев и государственной политике на стыке XVIII и XIX вв. занимало марокканское по происхождению братство Даркауа (Даркауиййа). Его основатель и эпоним Абу Хамид аль-‘Араби ад-Даркауи (1760–1823) был выходцем из племени к северу от Феса. Он не снискал лавры плодovitого суфийского мыслителя и писателя, оставив соратникам только небольшой сборник отдельных посланий [ад-Даркауи, б.г.]. Аскетические и покаянные установки шейха ад-Даркауи восходили к средневековым шазилитским установлениям [Тримингэм, 2002, с. 141]. Однако они отражали и низовую архаическую реакцию, направленную на отторжение «богатства и сложностей проявления современной жизни и ее дольного характера» [Morsy, 1984, p. 26]. Воинственный настрой даркауитов нес неоднозначные последствия для алжиро-марокканского соперничества. С одной стороны, проповедь шейха аль-‘Араби была направлена против злоупотреблений и ригоризма алауитской верхушки, и в этом смысле *зауийи* Даркауийи справедливо расцениваются как угроза для алауитской власти в Дальнем

Магрибе [Naylor, 2009, p. 123]. С другой стороны, влияние Даркауии распространилось через Риф в Средний Атлас и далее по торговым и паломническим маршрутам в алжирскую провинцию Оран. А это обстоятельство подрывало османский контроль над алжирским побережьем и было на руку марокканским султанам, которые в XVIII – начале XIX в. решительно оборонялись от османских и европейских вторжений.

Параллельно и одновременно с экспансией даркауитов в Западном Алжире наметился и обратный ход мистико-политического движения в Северной Африке: в алжирском присахарском регионе возник новый религиозный центр – крупная и впоследствии защищенная фортификацией *зау-ийя* Айн-Мади. Ее основатель и эпоним новой *тарики* Ахмад ибн Мухаммад ат-Тиджани (1737–1815) был местным уроженцем, однако его жизненный и мистический путь был в равной степени связан как с Алжиром, так и с Марокко¹⁸. В 1782 и 1786 гг. ему были даны знамения (по его убеждению, от Пророка). Затем он ушел в пустыню, где сформировал основы собственного понимания мистического «пути» – в частности, веру в передачу божественной благодати (*бараки*) от духа Мухаммада. В ходе своей сложной и малопредсказуемой мистической и политической карьеры шейх ат-Тиджани постоянно курсировал между Алжиром и Марокко. После проповеди на юге Алжира он в 1777 г. выехал в Фес, затем вновь обратился к мистическим штудиям

¹⁸ Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Мухаммад ат-Тиджани с юных лет был отмечен глубокой набожностью и стремлением к постижению религиозных истин. В подростковом возрасте он совершил хадж и в течение нескольких лет обучался в лучших мусульманских университетах – аль-Азхаре и аль-Карауийин в Фесе. В Каире он впервые близко соприкоснулся с суфийской культурой и обычаями и получил у местного кадитского проповедника Сиди Мухаммада аль-Курди посвящение в *мукаддамы* [Réchot, 1914, т. III, p. 130]. Впоследствии ат-Тиджани сотрудничал и с другими суфийскими традициями. В частности, он также действовал как *мукаддам* братства Халуатиййа-Рахманиййа.

в Айн-Мади, где пережил осаду османских войск. В 1782 г. бей Орана Мухаммад ибн ‘Усман вынудил шейха еще раз укрыться в Дальнем Магрибе, но неустрашимый проповедник вскоре продолжил свою полуподпольную деятельность в Тлемсене, где ему впервые открылся дух Пророка. В 1798 г. шейх вновь перебрался в Фес, где его марокканский послушник Абу-ль-Хасан Али аль-Харазими записал его биографию и установления тиджанитской доктрины под названием «Джауахир аль-ма‘ани уа булуг аль-амани фи файд аш-шайх ат-Тиджани», более известные в Магрибе как «аль-Куннаш» (тур. собрание, сборник) [Abun-Nasr, 1965, p. 24–26]. К 1800 г. Ахмад ат-Тиджани вновь обосновался в Айн-Мади и приступил к организации инфраструктуры братства, влияние которого к середине XIX в. распространилось в Мали¹⁹ и в средней части алжирского приморья. Под нажимом османских властей ему пришлось еще раз мигрировать в Фес в 1810 г., где временно расположилась главная обитель тиджанитов [Réchot, 1914, т. III, p. 130]. После кончины шейха в Фесе в 1815 г. его гробница стала почитаемым местом паломничества, но штаб-квартира братства вернулась в Айн-Мади.

Третья волна суфийской экспансии из Марокко в Алжир включила распространение в Орании и приграничных оазисах влияния шерифского братства Уззанийя (Тайбийя), главная *зауийя* которого была расположена в городе Уэззан на севере Дальнего Магриба. Общепризнанное происхождение уэззанских шерифов от Идриса ибн Абдуллаха при-

¹⁹ Здесь своим успехом братство было обязано «черному пророку» – выдающемуся тукулерскому проповеднику и *муджахиду* аль-Хаджжу ‘Умару (ок. 1794–1864). Он разработал свои комментарии к «Куннашу» и в середине XIX в. выстроил под эгидой Тиджанитов неподконтрольное Франции мусульманское государство в историческом Западном Судане (на территории современных Сенегала, Мали и Гамбии) [Луконин, Подгорнова, 1991, с. 57; Тримингэм, 2002, с. 334; Naylor, 2009, p. 277]. Во многом аль-Хаджж ‘Умар повторил программу действий Абд аль-Кадира Алжирского.

давало их миссии дополнительный престиж. Во многих случаях приверженность мистическому пути Уаззанийи местные племена сочетали с почитанием местных мурабитских кланов, придерживавшихся учения Кадирийи, особенно в тех случаях, когда эти кланы сами имели шерифское происхождение. К примеру, оба братства успешно сотрудничали среди арабских племен региона Маскары, Тлемсена и восточных предгорий Среднего Атласа.

Можно предположить, что динамика алжиро-марокканских отношений в эпоху Сиди Мухаммада ибн ‘Абдуллаха и Мулай Сулаймана во многом выстраивалась вокруг «суфийского фактора». Усиление популярности Даркауийи в Ороне и Мостаганеме, выдвижение Тиджанийи в алжирском Присахарье и Тлемсене и возрождение западноалжирской ветви Кадирийи постепенно приводили также к обратному процессу – распространению этих братств на территории алауитского султаната. При Мулай Сулаймане тиджанитские *зауийи* появились в Фесе и Марракеше, а при Сиди Мухаммаде кадиритские проповедники активно действовали среди рифских племен. Эти движения создали большую зону шерифско-суфийского преобладания, протянувшуюся от атлантического фасада Марокко через Риф и Средний Атлас до западных провинций Алжира. При этом на востоке этой зоны османские власти оказались не в состоянии конкурировать с суфийскими братствами как в культурном, так и религиозном отношении. В военном плане возрожденные братства также имели свои сильные стороны, поскольку во второй половине XVIII в. в них ослабла автономность отдельных обителей. В Кадирийе, Уаззанийе и особенно в Тиджанийе местные суфийские коллективы обнаруживали более тесные связи с «материнскими» *зауиями*, которые контролировали назначения *мукаддамов* в дочерние обители, следили за обрядностью

и сущностью преподаваемых в них учений и даже достигали с периферийными *завийями* соглашения о выплате денежных сборов и взносов в пользу штаб-квартиры шейха²⁰.

Более централизованная, чем ранее, организация суфийских объединений, как представляется, лежит в основе успеха их антиосманской повстанческой деятельности в начале XIX в. Выступления алжирских племен против янычарского произвола, поддерживаемые и возглавляемые суфиями, начинались, как правило, внезапно, в разных и часто удаленных друг от друга местах, что затрудняло османским деям и их военачальникам проведение репрессий. Так, в 1803–1806 гг. *мукаддам* Даркавийи Абу Дали возглавил племенные беспорядки в округе города Колло (аль-Кулл) в бейлике Константины и неоднократно наносил османским отрядам серьезные поражения. В 1804 г. в одном из таких столкновений был убит возглавивший войско бей Константины [Danziger, 1977, p. 26]. Восставшие даже попытались штурмовать Константину, но это начинание не принесло им успеха. Сходным образом развернулся в 1810 г. антиосманский бунт в бейлике Титтери – стратегически важной и старинной провинции, примыкавшей с юга к столичной области Дар ас-Султан в центральной части алжирского побережья [Kaddache, 1998, p. 127]. Здесь под руководством еще одного *мукаддама*-даркауита из Марокко – Ибн аль-Харша (Ибн аль-Ахраша) – против дейского правительства поднялись берберы-кабилы из горных районов Бабор и Джурджура во главе с племенной группой *флисса*.

²⁰ «Материнские» завийи почти всегда выступали в качестве центров благочестивых посещений гробниц шейхов (*зийара*). Такая централизация усиливала воздействие Алаутского Марокко на запад Алжира. Несомненно, мемориальный комплекс Уззанийи-Тайибийи в Уззане и святилище Ахмада ат-Тиджани в Фесе привлекали постоянный поток паломников из дейского государства, которые присоединялись к марокканцам, почитавшим старинные святыни – мавзолеи основателя Феса Идриса ибн ‘Абдуллаха (745–791) и его сына Идриса ибн Идриса (791–828) [Bennison, 2002, p. 43].

Усилия повстанцев были направлены на овладение восточными провинциями, однако предпринятый Ибн аль-Харшем штурм крепости Константины также оказался неудачным [Gsell, Marçais, Yver, 1929, p. 175].

Почти одновременно с Абу Дали и Ибн аль-Ахрашем третий *мукаддам* Даркауийи, Си Абд аль-Кадир ибн аш-Шариф, развернул боевые действия против османов в Оранском бейлике. По сведениям, которые сообщает в своем историческом трактате сын Абд аль-Кадира Алжирского Мухаммад, этот бунт даркауитов носил открыто просе-рифский и махдистский характер. Ибн аш-Шариф, сам потомок Пророка, заручился широкой поддержкой среди прибрежных племен Алжира и был признан ими в качестве «ожидаемого махди» (*аль-махди аль-мунтазар*), который явился, чтобы заменить коррупцию и произвол турок истинно шариатскими порядками [Мухаммад ибн Абд аль-Кадир, 1964, с. 115]. Даркауитам под руководством Си Абд аль-Кадира удалось нанести поражение войску оранского бея Мустафы-паши (14 июня 1805 г.) [Gaïd, 1974, p. 170], после чего расстроилась оборона сразу нескольких османских гарнизонов: турецкие отряды были выбиты из Маскары, осаждены в крепости (*машуар*) Тлемсена, а подступы к Орану заблокированы. В 1806 г. силы бунтовщиков контролировали почти всю территорию Орании. Новый бей Орана аль-Мамзали не пользовался авторитетом у янычар, поскольку принадлежал к общине *кулугли*, и даже служилые арабские племена (*каба'иль махзан*) отказались ему подчиняться.

В этой обстановке дей Алжира Ахмад Хазнадар-паша (1805–1808) назначил на пост бея Орана опытного военачальника Мухаммада Мукаллаша и выслал в тыл Си Абд аль-Кадира ударные отряды янычар. Совокупными усилиями гарнизона Орана и прибывших подкреплений дороги

к городу были разблокированы, но в этот момент в восточных провинциях страны началась короткая и неудачная для алжирцев война с тунисским беєм Хаммуда-пашой за Константи́ну (1807–1808) [Gaïd, 1974, p. 172]. Поэтому даркаутско-османский конфликт в Орании продолжился: партизанские силы Си Абд аль-Кади́ра перегруппировались и вновь начали сражаться против следующего дея Али аль-Газзаля (1808–1809). В 1809 г. бей Орана Мухаммад Абу Кабус изгнал повстанцев на приграничные с Марокко территории племени *бану йазна́ссан* (*бану сна́ссен*), однако в 1810–1815 гг. во всем приморье – от р. Шели́фф до марокканской границы начался новый бунт. Сторонники Даркау́йи вновь приобрели преобладающее влияние в Орании. В 1816–1817 гг. они собрали достаточно сил, чтобы устроить новый раунд локальных столкновений с яны́чарскими формированиями в Западном Алжире [Ibn Muhammad, 1874, p. 104–105].

Другие мистические братства Алжира в начале XIX в. также проявляли непокорность османскому руководству. Муста́фе-паше – дею Алжира в 1798–1805 гг. – пришлось совместно с беєм Орана развернуть крупную экспедицию против сторонников шейха Ахма́да ат-Тиджа́ни, подстрекавшего против Османов племена ас-Сау́ры. Будучи разгромлены при Айн-Мади, шейх и его окружение в 1810 г. скрылись в Марокко и вынужденно оставили поселения при *зау́йе* на милость бея, который наложил на его обитателей крупную контрибуцию [Gaïd, 1974, p. 167]. Однако последующие османские нападки на главную обитель братства были менее успешны²¹. В 1820 г. бей Орана Хасан послал

²¹ Военную кампанию оранских беев на юге Алжира осложняло и то обстоятельство, что в тылу у них к даркаутским повстанцам примкнули адепты Кади́рийи: в 1818 г. шейх Мухйи ад-Дин, отец будущего эмира Абд аль-Кади́ра, спровоцировал антиосманский бунт в Маска́ре [Gaïd, 1974, p. 204].

в Айн-Мади экспедицию для сбора налогов. Местное население отказалось платить и укрылось в *зауийе*, а Хасан-бею пришлось осадить Айн-Мади. Впрочем, осада не привела к успеху, снабжение войск было скудным, и янычарские отряды вернулись в Оран. В 1822 г. Айн-Мади пробовал осадить уже бей Титтери, но хорошо укрепленная *зауийа* устояла и на этот раз.

* * *

На фоне решительных антиосманских устремлений марокканских суфиев алауитский двор в конце XVIII – начале XIX вв. проводил энергичную, но не во всем последовательную политику их поддержки. Еще Сиди Мухаммад, укрепляя основы алауитской власти после Тридцатилетней смуты (1727–1757), расценивал шерифские братства как естественных союзников своего престола. Авторитет шейхов и *мукаддамов* в почитавших их племенах воспроизводил в миниатюре авторитет султана в его султанате [Jamous, 1981, p. 200]. Эта общая опора на шерифский престиж сочеталась с заинтересованностью как султанов, так и шейхов в углублении исламизации общественной жизни периферийных провинций. В то же время всегда существовала возможность того, что шейхи-шерифы смогут использовать свой религиозный авторитет, чтобы оспорить легитимность султана и его религиозно-политических претензий. В рамках этой дилеммы как Сиди Мухаммад, так и Мулай Сулайман предпочли воспользоваться антиосманскими выступлениями сторонников Даркауийи, Кадирийи и Тиджанийи. Обитатели этих братств спланировали население пограничных провинций Марокко и Алжира, проживавшее в предгорьях Среднего Атласа и Рифа вдоль торговой трассы, соединявшей Фес с Тлемсеном [Boyer, 1966, p. 42–44; Martin, 1976, p. 43–44]. Кроме того, как пока-

зал исторический опыт, мистико-аскетические объединения обладали мобилизационными возможностями и в целом были склонны продвигать в соседних странах алаутский религиозно-политический идеал – независимо от конъюнктуры своих отношений с султанским двором в данный момент [Bennison, 2002, p. 30–31].

Думается, что одобрение Мулай Сулайманом антиосманских акций суфиев в Алжире диктовалось и глубокими опасениями новой европейской экспансии, возникшими в правящих кругах Дальнего Магриба после Восточной экспедиции Наполеона (1798–1801) и длительных наполеоновских войн (1793–1815). Болезненный исторический опыт противостояния Реконкисте и испано-португальской агрессии XVI в. заставлял марокканцев воспринимать европейскую активность в Средиземноморье как предвестник нового христианского наступления на *дар аль-ислам*. Недолгая французская оккупация Египта представлялась в Фесе и Марракеше главным образом как угроза целостности пути *хаджжа*. Однако вторжение Наполеона в Испанию и начало Пиренейских войн (1808–1814), а также регулярный проход французских и британских военно-морских эскадр через Гибралтарский пролив ощущались уже как непосредственная подготовка к нападению на Марокко [ас-Сайих, 2004, т. 3, с. 124]. Это привело к подъему джихадистских настроений и самостоятельной военной мобилизации рифских племен [ад-Ду'айф, 1988, т. 2, с. 636, 640].

Такого рода опасения по поводу неминуемого вторжения христиан свободно конвертировались в желание марокканских правящих кругов заменить «сомнительную» и «нелегитимную» османскую власть в Алжире на «истинно правоверную» алаутскую. Сходные настроения, бесспорно, существовали и у жителей западноалжирских территорий. Об этом свидетельствуют результаты кампании

марокканского войска вдоль торговой трассы Фес – Тлемсен (1792). Только что вступившему тогда на престол Мулай Сулайману удалось отобрать у османов пограничный город Уджада, что вызвало бурный энтузиазм у жителей Тлемсена. Впоследствии, в ходе повстанческого движения Си Абд аль-Кадира ибн аш-Шарифа (1805–1817 гг.), тлемсенцы и ряд племен Орании неоднократно приносили присягу (*бай‘а*) марокканскому султану, тем самым добровольно выходя из османского подданства [Bennison, 2002, p. 31, 44]. Иными словами, по обе стороны старинного идрисидского «связующего звена» Магриба – коридора Тазы – Ибн аш-Шариф, посвященный в обряды Даркауийи в Фесе, воспринимался именно как «марокканец», носитель и проponent превосходящей османские порядки алаутской религиозно-политической идеи²².

Данное обстоятельство выглядит тем более удивительно, что повстанческое движение Си Абд аль-Кадира отнюдь не одобрялось шейхом братства Даркауийа аль-‘Араби ад-Даркауи [Тримингэм, 2002, с. 142]. Более того, Мулай Сулайман, познакомившись в 1811 г. с воззрениями аравийских ваххабитов [ан-Насири, 1954–1956, т. 8, с. 145–146], провозгласил многие суфийские практики и обычаи (в том числе обряды Даркауийи) неприемлемым пережитком языческого невежества (*джахилийи*) [Орлов, 1993, с. 26–28; Naylor, 2009, p. 131]²³. Это неожиданное и радикальное

²² Хотя Ибн аш-Шариф и другие полевые командиры мятежников-суфиев могли считать себя организаторами воплощения этого нового порядка, они ориентировались на алаутский султанат как на модель исламского правления и возможный источник религиозно-политической власти.

²³ В историографии сложились противоречивые точки зрения на степень оригинальности воззрений Мулай Сулаймана – от утверждений о прямом копировании им ценностей и представлений ваххабитов до убежденности в глубоком своеобразии понимания марокканским монархом идей единобожия (*таухида*) (см. подробнее: [Орлов, 2006]). Тем не менее ясно, что Сулайман, десятилетиями привечавший суфийских шейхов и сам бывший членом нескольких братств,

решение султана вызвало жесткую критику со стороны видных мурабитских и суфийских лидеров. Оно спровоцировало в Дальнем Магрибе длительную религиозную войну 1812–1821 гг. и Фесское восстание (1820), которое заставило Мулай Сулаймана отречься от престола (1822). Однако двусмысленность отношений между братствами и алаутским султанатом и конфликтность, противопоставлявшая султанов шейхам, не смогли превзойти важности коммерческих и культурных связей между Фесом и Тлемсеном. Суфийские повстанческие движения начала XIX в. кажутся яркой страницей региональной истории, но на деле они полностью вписываются в исконные формы политического соперничества шерифского Марокко и османского Алжира.

в своих убеждениях не выступал против исламского мистицизма как такового, а осуждал культовые излишества и нравственные издержки, сопровождавшие почитание марокканских мистических авторитетов.

Раздел 2 Политическая история

Глава 4

Российские и немецкие ориенталисты в истории отечественного востоковедения первой половины XIX в.: академик Х. Д. Френ (Fraehn Ch. M. J.) и профессор Ф. И. Эрдман (Erdmann F. F. L.) и их арабо-мусульманские исследования¹

В Российской империи вторая половина XVIII – начало XX в. связана с ключевыми направлениями, этапами и особенностями формирования и развития отечественной системы академического и университетского востоковедения, практических, научно-исследовательских и мировоззренческих концепций, принципов и идей в деятельности востоковедов Российской империи. Особенно в XIX – начале XX в. востоковедное знание, профессиональное образование о Востоке приобретает научный и междисциплинарный характер. Востоковедение в России и Европе формировалось прежде всего из практики и государственных интересов и общественных потребностей. В генезисе российского востоковедения – гуманитарного направления познания азиатских государств и народов – заметно разви-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ и Кабинета Министров РТ (проект № 23–28–10046; РФФ, проект № 24–28–00440) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

тие филологической, исторической и культурологической мысли, новых методов, методик и приемов комплексного исследования.

Особенно в начале XVIII в. официальные мероприятия эпохи Петра I – активизация восточной политики, правительственные указы о преподавании восточных языков и приглашении европейских специалистов и ученых, основание Кунсткамеры (1714) и Академии наук (1725), уникальные академические путешествия в Поволжье, Сибирь и Кавказ (30–70-е гг. XVIII в.) и в целом эпоха евразийской России (соприкосновение границ со странами «Русского Востока» и зарубежного Востока, российско-азиатские военно-политические, дипломатические и культурные отношения и т.д.) – стали факторами формирования особой отрасли знаний по изучению Востока в России.

В эпоху имперской России выделяются наиболее переломные этапы и рубежи социального и институционального развития ориенталистики и ориентализма в России и вклада отечественных, восточных и европейских (немецких, французских и др.) ученых и преподавателей.

Начиная с XVIII в. в политике, государственной жизни и науке постепенно по шкале этнической ценности важное место занимали русские немцы. Особенно с XVIII в. Байер, Мюллер и Шлецер стояли у истоков развития российской исторической науки как академической дисциплины. Этот процесс также проявился в истории российского востоковедения в XIX – нач. XX в.

В истории российского востоковедения и в основных центрах академической и университетской науки России и Германии в XVIII – нач. XX в. выделяются биографии и наследие известных представителей немецкого этнического происхождения – отечественных ученых и практиков Г. З. Байера (1694–1738), Г. Я. (Георг Якоб) Кера (1692–1740),

Иогана Иерига (1747–1795), Г.Ю. (Генрих Юлий) Клапрота (1783–1835), Х.Д. (Христиан Мартин) Френа (1782–1851), Б.А. (Иоганес Альбрехт Бернгардт) Дорна (1805–1881), Ф. И. (Фридрих Франц) Эрдмана (1793–1863), И. Ф. Готвальда (1813–1897), В. В. (Фридрих Вильгельм) Радлова (1837–1918) и др., которые окончили университеты в Германии и связали свою судьбу и профессиональную востоковедческую деятельность с Россией.

В рамках нашей статьи уделим внимание обзору педагогической, общественной и научной деятельности Х. Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (1782–1851)² и Ф. И. Эрдмана (Friedrich Franz Ludwig Erdmann) (1795–1862)³ в основном в Императорском Казанском университете (1807–1845) и их арабо-мусульманскому наследию в истории отечественной ориенталистики первой половины XIX в. Они были первыми приглашенными германскими профессорами восточной словесности в российском университете и последними учениками известного немецкого ориенталиста О.-Г. Тихсена (1734–1815).

² См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Ф. 778. Личный фонд акад. Х. Д. Френа. Сформировался разнообразный фонд интернет-ресурсов с краткой биографией Х. Д. Френа. См.: [Немцы России, 2006, с. 677–678]; URL: https://vk.com/doc12780981_518731283?hash=6cJUb d8z9YjnLzNQUmbkcJFowjXgSzbJq1ZSzk6A7H Френ Христиан Данилович // https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/%D0%A4%D1%80%D0%B5%D0%BD,%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%BD,%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 12.06.2022); Encyclopædia Britannica. Vol. 10 (11th ed.). Cambridge University Press, p. 773; Fück Johann W., Frähn, Christian // Neue Deutsche Biographie. 5 (1961). – S. 309–310 [Online-Version]; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104228458.html#ndbcontent> (дата обращения: 12.06.2022).

³ В биографических словарях и энциклопедиях (например, в Русском биографическом словаре) даны неточные и неполные сведения о конкретных датах рождения и смерти Ф. И. Эрдмана. Работа в ряде архивных центров Германии и Англии позволила уточнить биографические сведения и систематизировать архивные факты и материалы для более полного очеркового изучения научного наследия Ф. И. Эрдмана. (См.: [Валеев, 2022, с. 295–310; Валеев, 2021, с. 88–102; Franz von Erdmann ..., 2021]).

Опубликованные, неопубликованные и особенно архивные фонды и материалы позволяют внести уточнения в имеющиеся о Х. Д. Френе и Ф. И. Эрдмане биографические сведения, дополнить их; обозначить необходимость исследовательского процесса современной оценки вклада ученых-востоковедов в период работы Френа (1807–1817) и Эрдмана (1819–1845) в Казанском университете, а также в целом в российское востоковедение XIX в.

Они начали свою творческую деятельность в ту эпоху, по образной оценке С. Ф. Ольденбурга, когда Восток «... только что открылся удивленной Европе, когда все восточное относили далеко назад вглубь веков и когда на Востоке искали первые проблески человеческой мысли» [Ольденбург, 2012, с. 155].

АКАДЕМИК-ВОСТОКОВЕД Х.Д. ФРЕН В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ЕГО НАСЛЕДИЕ (1807–1817 гг.)

Научный образ и наследие выдающегося российского востоковеда немецкого происхождения, воспитанника крупных германских университетов, профессора, академика-востоковеда Х. Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (23.05.(03.06).1782, г. Росток, герцогство Мекленбург-Шверинское – 16(28).08.1851, С.-Петербург) и его судьба в известных научных центрах ориенталистики в Российской империи (Казань и Санкт-Петербург) остаются значимыми в истории науки о Востоке и в целом современной истории отечественных академических и университетских гуманитарных арабо-мусульманских дисциплин.

В летописи российско-немецких связей и взаимодействия в области отечественного востоковедения особое место принадлежит Х. Д. Френу, а также его соратникам и коллегам, в том числе выпускникам университетов Гер-

мании и представителям немецкого ориентализма в России, а именно таким ученым, как Байер Готлиб Зигфрид Теофил (1694–1738) («первый в России академик-востоковед»), Барендт Иоганн Готфрид (?–1805) («первый в России университетский профессор востоковедения»), Дорн Альбрехт Бернгардт (Б.А.) (1805–1881) («впервые в России стал вести курс эфиопского языка») и др. Судьба их востоковедного научного творчества в Германии и России имеет много общего и особенного.

В 1836 г. в своей актовой речи на торжественном собрании в Императорском Казанском университете адъюнкт-профессор М. А. Казем-Бек отметил (и данная оценка стала традиционной для российского востоковедения): «Труды г. Френа, этого первостепенного ориенталиста Европы, известного глубокими познаниями, уважаются ученым светом. Его исследования открыли много весьма важного по части истории Востока и истории России. Нумизматика восточная обязана ему своими успехами. Россия до его времени почти не была знакома с этим любопытным предметом, чрезвычайно полезным для ее истории» [Казем-Бек, 1836, с. 254]. Он стоял у истоков широкой и комплексной специализации востоковедения и создал фундаментальные и прикладные работы⁴.

В отличие от отмеченных выше немецких ученых-востоковедов первой волны, академик Х. Д. Френ удостоился звания и статуса одного из основоположников отечественной школы востоковедения и восточной нумизматики. Он «сыграл выдающуюся роль в российской науке», «сумел заложить прочные основы русского научного востоковедения» [Кононов, 1983, с. 5], «создал восточную нумизматику

⁴ Библиографию основных работ Х. Д. Френа и литературу о его жизни и трудах см.: [Савельев, 1855, с. 57–74; Азиатский музей ..., 2018, с. 808–809].

как науку» [Федоров-Давыдов, 1984. с. 176] и получил другие объективные и значимые оценки своих заслуг.

Яркий научный и художественный образ авторитетного исследователя культурного наследия Востока и России академика Х. Д. Френа сформулировал в середине XIX в. П. С. Савельев: «Френ был истинный ученый по призванию. Предметом его изучений был весь мусульманский мир, а средством к изучению – преимущественно нумизматические памятники. Никто не извлек более света из этих дотоле мертвых материалов, получивших от его воззрения важность исторических документов. Едва ли есть страна Востока, которой история и география не была бы обогащена Френом. Для всякого историка мусульманской Азии, особенно времен халифата и наследовавших ему династий, Френ, как объяснитель монетных памятников этой эпохи, столь же необходимый руководитель, как летописи Табари, Масуди и Мирхонда. Мухамеданская нумизматика, как наука, ему обязана своим настоящим развитием. Для России он открыл исторические источники как в летописях, так и в монетах Востока» [Савельев, 1855, с. 10–11].

Именно Х. Д. Френ стоял у истоков формирования академической традиции привлечения восточных материальных и письменных источников для изучения истории и культуры России в отечественной ориенталистике, которая стала ее ключевой и заметной перспективной тенденцией. Он сыграл исключительную роль в поиске, систематизации и привлечении восточных, в частности арабо-мусульманских нумизматических, эпиграфических и письменных источников для изучения истории и культуры народов России.

Исследования Х. Д. Френа имели широкий региональный, хронологический, междисциплинарный и проблемный диапазон. Он сформулировал критическую позицию по отношению к знанию об истории и культуре народов Востока

и признание их исторического, материального, духовного и культурного единства и разнообразия.

В Санкт-Петербургский период деятельности Х. Д. Френу (1817–1852) принадлежит особая миссия в установлении тесной связи и взаимодействия Казанского университета и Санкт-Петербургской академии наук. На протяжении всего XIX в. после него в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего это ученик Х. Д. Френа – А. О. Ярцов, тюрколог и иранист А. К. Казем-Бек, монголовед и буддолог О. М. Ковалевский, китаевед и буддолог В. П. Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И. Ф. Готвальд, тюрколог и миссионер Н. И. Ильминский, тюрколог, языковед и этнограф В. В. Радлов. Они были яркими представителями Казанского университета XIX в.

Один из основоположников научного университетского монголоведения в России и Польше и известный монголовед О. М. Ковалевский (1800/1801 – 1878) [Биография ..., 2020] на имя академика Х. Д. Френа от 13 января 1838 г. в связи с избранием в члены-корреспонденты по разряду истории и словесности азиатских народов (1837 г.) писал на французском языке: «Честь, оказанная мне Академией наук, принимающей меня в свои члены, является для меня еще более лестной, если учесть, что эта новость мне доставлена посредством такого выдающегося ученого, как Ваше Превосходительство. Я не могу выразить словами всю ту благодарность, которая меня охватила, поскольку я глубоко убежден, что этой высокой милостью я обязан Вашему вмешательству и Вашим добрым услугам. Это как самая приятная, так и самая почетная награда, на которую мне могли позволить надеяться мои скромные труды. Также я собираюсь удвоить свои усилия и деятельность,

чтобы быть достойным и оправдать Ваше хорошее мнение обо мне. Восточная литература, безусловно, предоставляет достаточно широкое поле для исследований, и я не теряю надежду, что смогу с некоторой долей успеха продолжать свою деятельность, если Ваше Превосходительство окажет мне честь своими советами. А Ваши глубокие знания и осведомленность сделают их еще более ценными. Я не упущу возможность представить на Ваше рассмотрение несколько статей, как только их закончу, и надеюсь, что Ваше Превосходительство включит их в журнал Академии, если она посчитает их достойными, сообщив мне о своем мнении по этому поводу» [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 149. Л. 10].

Академический статус Х. Д. Френа представлен в следующих известных (но требующих дальнейшего архивного уточнения, поскольку жизненные и профессиональные даты указываются разными источниками по-разному) фактах и событиях: востоковед-арабист, нумизмат, эпиграфист, доктор философии и богословия (1804), ординарный академик «по разряду восточных древностей» Петербургской АН (1817)⁵. Учился в известных востоковедческих университетских центрах Европы – Росток, Гёттингена, Тюбингена (1802) [Азиатский музей ..., 2018, с. 8, 807–809]. Его наставником был крупный немецкий востоковед-арабист О. Г. Тихсен (*Oluf Gerhard Tychsen*) (1734–1815). В 1815 г. он был избран почетным корреспондентом Императорского

⁵ В период жизнедеятельности Х. Д. Френа в составе Академии наук были представлены следующие академики-востоковеды европейского происхождения: экстраординарный академик Г. Ю. Клапрот (1807–1812); экстраординарный академик (1831) и ординарный академик (1833) Я. И. Шмидт; экстраординарный академик (1832) и ординарный академик (1844) А. М. Шегрен; экстраординарный академик (1838) и ординарный академик (1847) М. И. Броссе; экстраординарный академик (1842) и ординарный академик (1852) Б. А. Дорн; экстраординарный академик (1845) и ординарный академик (1855) после смерти Х. Д. Френа (1851) О. Н. Бётлингк.

Казанского университета (КУ) не без влияния своего ученика, который по рекомендации Тихсена оказался в Казани и после его смерти – в Азиатском музее в Санкт-Петербурге.

В перспективе интересным вариантом представляется подготовка и публикация писем наставника своему ученику периода 1803–1815 гг., сохранившихся в фонде академика Х. Д. Френа в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 307].

Первые десятилетия XIX в. (1800–1817) связаны с началом и завершением учебы в Германии и казанским этапом формирования его востоковедной деятельности в России.

Как справедливо отмечает академик И. Ю. Крачковский, выявляя особенности личности и профессиональной деятельности Х. Д. Френа в Казани и Санкт-Петербурге, он «превратился из обычного на Западе семитолога-экзегета, каким приехал из Германии, в первоклассного арабиста, которого в современной ему Европе решались сравнивать только с Сильвестром де Саси⁶. ...Он положил начало своим, создавшим впоследствии эпоху, работам над арабскими источниками для истории Руси; ...на богатом материале он стал расширять свою нумизматическую подготовку, которая вскоре сделала его не имеющим соперников знатоком» [Крачковский, 1958, с. 55]. «В восточной нумизматике Френ сделал то, что в античной нумизматике – И. И. Эккель» [Федоров-Давыдов, 1984, с. 176].

Профессором и академиком Х. Д. Френом в Казани и Санкт-Петербурге были сформированы методологические

⁶ В СПбФ АРАН сохранился интересный пласт эпистолярного наследия французского лингвиста и ориенталиста Антония Исаака, барона Сильвестра де Саси (Antoine Isaac, Baron Silvestre de Sacy) (1758–1838), его письма 1810–1836 гг., адресованные казанскому профессору и петербургскому академику-востоковеду Х. Д. Френу [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 280]. О Сильвестре де Саси см.: Silvestre de Sacy, Antoine Isaac // *Encyclopædia Britannica*. (11th ed.). Cambridge University Press. Vol. 25. P. 119.

и прикладные основы востоковедения как гуманитарной и социальной дисциплины нового времени. С его восточного наследия и романтической эпохи в науке о Востоке в России и Европе первой половины XIX в. следует вести отсчет изучения комплексности и междисциплинарности академического и университетского востоковедения. Он заложил исторические и дисциплинарные основы научного описания цивилизационного и человеческого мира Востока.

Истоки преподавания восточных языков и формирования востоковедения в Казанском университете связаны с педагогической и научной деятельностью Х. Д. Френа. Он был зачислен на должность ординарного профессора восточной словесности Императорского Казанского университета⁷. В 1807–1817 гг. возглавлял кафедру восточной словесности, преподавал арабский, персидский, еврейский, сирийский языки, палеографию, золотоордынскую нумизматику [Ковалевский, 1842, с. 7; Савельев, 1855, с. 17]. В 1815–1816 гг. был деканом отделения словесных наук философского факультета Казанского университета [Гульбин, 2014, с. 290–294].

В 1808 г. профессор Х. Д. Френ опубликовал на арабском языке в Казани первую научную работу «Книга описания некоторых дирхемов, отчеканенных при династиях Саманидов и Дейлемитов, большинство из которых неизвестно ученым до сегодняшнего дня» [Fraehn, 1808]. Эта статья была переведена Ф. И. Эрדманом на латинский язык и опубликована в Гёттингене в 1816 г. [Frähn, 1816]. Завершающие казанский период жизни ученого последние две латинские публикации из десяти работ, написанных в Казани и опубликованных в 1816–1817 гг., как и предыдущие,

⁷ А. Н. Кононов указывает следующие даты: 3 августа 1807 г. Х. Д. Френ был зачислен в штат Казанского университета и прибыл в Казань 3 октября 1807 г. [Кононов, 1983, с. 4].

были посвящены арабо-мусульманским историческим, нумизматическим, эпиграфическим и письменным памятникам, историко-культурным фактам и событиям Арабского халифата, Волжской Булгарии, Улуса Джучи и Казанского ханства⁸.

Его казанский этап деятельности и начало функционирования первой кафедры восточных языков в университете в 1807 г. обозначили качественно новый уровень в истории казанского научного востоковедения и российского востоковедения, который завершается в 1854/1855 гг. с официальным переводом разряда восточной словесности Казанского университета и образованием восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Во многом уход из жизни академика Х. Д. Френа (16/28.08.1851) – трагический символический рубеж в истории науки о Востоке в России.

В связи с увольнением из Казанского университета в 1817 г. Х. Д. Френ, оценивая свою работу, писал, что в течение девяти с половиной лет деятельности «ревностно и совершенно соответствовал предназначенной цели», а его воспитанник Я. Ярцов «успехами своими делает ему честь и может со временем заступить на его место» [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 705. Л. 5].

С фигурой Я. О. Ярцова связана одна из первых университетских научных командировок в России на мусульманский Восток. В период с января 1817 г. по январь 1818 г. Ярцов находился в составе российского посольства в Персии на должности канцелярского чиновника [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 822. Л. 1]. В переписке между попечителем Казанского учебного округа и Министерством народного просвещения 29 декабря 1816 г. отмечалось, что «пробыв

⁸ Подробно библиографию публикаций Х. Д. Френа в Казани см.: [Савельев, 1855, с. 60].

некоторое время в Персии, он может совершенствоваться в восточных языках и заменить со временем профессора Френа, который собирается оставить Россию, и чрез сие Казанский университет лишится знаменитого и известного в Европе ученого мужа» [РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 192. Л. 3]. По итогам данной поездки Я. О. Ярцов представил в Совет университета «Краткий журнал путешествия в Персию», «Дневные записки, веденные во время переезда от Тифлиса до Астрахани» и «Рассуждение о религии персиян». Персидский шах наградил магистра ордена Льва и Солнца второй степени за успехи в изучении персидского языка [РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 192. Л. 17].

В представлении Я. О. Ярцова отделением словесных наук Казанского университета к званию адъюнкта от 14 мая 1818 г. было отмечено, что он «оказал отличные успехи в языках восточных и по отбытии из университета проф. Френа остался единственным чиновником, который с пользою для дела и к чести самого университета, как бывший воспитанник оного, может занять место проф. Френа» [ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 3. Л. 2].

Однако переезд Я. Ярцова со своим учителем Х. Д. Френом в С.-Петербург не позволил ему продолжить учебную и научную деятельность в Казанском университете. С утверждения в декабре 1818 г. Я. О. Ярцова в звании адъюнкта восточных языков Академии наук начался его петербургский период востоковедческой деятельности. В Академии наук Ярцов стал «первым русским адъюнктом по тюркским языкам» [Азиатский музей, 1972, с. 403]. Ученый оставил заметный след в истории российского востоковедения XIX в. [Материалы..., б.г., с. 25–26; Загоскин, 1902, с. 226–227; Булич, 1904, с. 166–169; Шамоу, 1956, с. 50–53].

Одна из первых учебных программ преподавания арабского языка в Казанском университете была составлена

в октябре 1807 г. профессором кафедры восточных языков Х. Д. Френом [Мазитова, 1972, с. 23].

Традиция приглашения иностранных ученых в Академию наук, сформированная волею Петра I, стала заметной тенденцией в истории российского востоковедения в первой половине XIX в. Жизненные реалии и судьба Х. Д. Френа в Казани и Санкт-Петербурге – яркий тому пример.

Справедливо звучат слова И. М. Смилянской: «Внутренний мир наших предшественников ученых-востоковедов, стиль их взаимного общения, нравственные идеалы, гражданские позиции, наконец, духовный опыт – это часть отечественной востоковедной культуры, к сожалению, плохо изученная» [Переписка ..., 1997, с. 155].

В связи с похоронами акад. Х. Д. Френа 20 августа (по ст. стилю) 1851 г. в журнале «Москвитянин» (сентябрь 1851 г.) отмечалось: «Имя Френа – одно из самых безукоризненных в истории науки. Ученейший арабист, основатель и князь восточной нумизматики, Френ оказал великие услуги и русской истории. Сорок четыре года живя в России, он сроднился с Россиею, и жил только для своей науки и приложения ее к России» [Савельев, 1855, с. 54].

Он сыграл важную роль в появлении в казанском университетском центре востоковедов – выпускников немецких университетов: Ф. И. Эрдмана (1795–1862)⁹, И. Ф. Готвальда (1813–1897)¹⁰, которые внесли свой вклад в развитие российского востоковедения на принципиально новых ин-

⁹ В СПбФ АРАН сохранились адресованные акад. Х. Д. Френу письма Ф. И. Эрдмана на 94 листах из Ростка, Москвы и Казани, относящиеся к 1818–1836 гг. См.: [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388]. Часть писем 1818–1820 гг., написанных акад. Х. Д. Френу из Ростка, Москвы и Казани, нам удалось опубликовать в книге Х. Валравенса (H. Walravens) [Franz ..., 2021, с. 89].

¹⁰ Также выявлено одно письмо 1850 г. казанского востоковеда И. Ф. Готвальда, написанное акад. Х. Д. Френу [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 100].

ституциональном и дисциплинарном уровнях и оставили значимый личный след в летописи истории Казанского университета и Казани.

Началом Санкт-Петербургского периода деятельности Х. Д. Френа следует считать рубеж, когда 5 июля 1817 г. приказом министра народного просвещения А. Н. Голицына было поручено ординарному профессору Казанского университета, находящемуся в Петербурге по пути в Ростов, «составить подробный каталог» восточных монет и древностей в академическом Минц-кабинете (т.е. Азиатском музее) [Куликова, 1993, с. 113].

Значимый личностный, профессиональный и институциональный рубеж – 11 ноября 1818 г., когда Х. Д. Френ был назначен хранителем и директором Азиатского музея (АМ) в Санкт-Петербурге (1818–1842). Это важное событие определило его последующую профессиональную деятельность и в целом перспективы российского академического востоковедения, особенно арабо-мусульманских штудий. «Первым директором Азиатского музея стал Христиан Данилович Френ (1782–1851), который отдал его служению 24 года своей жизни. Во многом благодаря его усилиям АМ за два десятилетия прошел путь, на который другим востоковедным европейским центрам потребовалось около 200 лет. Х. Д. Френ стремился не только превратить АМ в хранилище рукописей и книг, но и сделать его востоковедным научным центром» [Азиатский музей ..., 2018, с. 8]. Такова современная научная оценка Санкт-Петербургского периода деятельности Х. Д. Френа (1818–1851), которая требует углубленного изучения и оценки его наследия на основе личного фонда академика в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Обратимся только к некоторым событиям и материалам данного периода жизнедеятельности Х. Д. Френа.

В этот период своей деятельности в Санкт-Петербурге академик Х. Д. Френ сохранил неподдельный интерес к событиям, работам профессоров и судьбам казанского университетского востоковедения. Данный пласт его жизненной и научной связи с казанскими официальными лицами и коллегами-учеными сохранился в ряде архивных центров Казани и Санкт-Петербурга, а также в письмах на его имя, представленных в его личном фонде в Санкт-Петербурге, филиале АРАН [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Письма]. Среди них казанские коллеги – И. Н. Березин (1848 г., 1850 г.), Мирза А. К. Казем-Бек (1831–1846 гг.), О. М. Ковалевский (1838 г.), М. Л. Магницкий (1820 г.), В. П. Молоствов (1849 г.), П. Я. Петров (1836–1846 гг.), С. Я. Румовский (1807–1810 гг.), Г. С. Саблуков (1845 г., 1848 г.), И. М. Симонов (1839 г.), Г. И. Солнцев (?), С. С. Уваров (1815–1828 гг.), К. К. Фойгт (1841 г.), К. Ф. Фукс (1832–1840 гг.), Ибрагим Хальфин (1819–1820 гг.), П. А. Цеплин (1812–1819 гг.), Я. О. Ярцов (?). К сожалению, эти и другие письма адресатов Х. Д. Френа не получили должного освещения и публикации.

О жизни и наследии академика Х. Д. Френа в Санкт-Петербурге с середины XIX в. сформировалась объективная историографическая и источниковедческая база [Бартольд, 1977; Дорн, 1855, с. 431–465; История, 1990; Кононов, 1983, с. 3–11; Крачковский, 1958; Мазитова, 1972; Савельев, 1855; Тизенгаузен, 1877]. Особенно отечественная литература является важной основой для объемного, комплексного и перспективного изучения жизненного портрета и судьбы академика-востоковеда в Германии и России. Тем не менее остается признать отсутствие его современной академической комплексной биографии в отечественной и европейской историографии востоковедения. Новым этапом в изучении наследия академика Х. Д. Френа должен стать

поиск, систематизация и публикация оригинальных архивных материалов и фактов из научных и культурных центров России и Европы¹¹.

После смерти академика Х. Д. Френа научный и общественный интерес к его рукописному наследию, переданному в 1852 г. в Азиатский музей, стал особенно заметен. Отметим, что истоки научного интереса к его рукописям связаны с Б. А. Дорном [Дорн Б. А., 1855, с. 431–465], В. Г. Тизенгаузен [Тизенгаузен, 1877, с. 11–14] и П. С. Савельевым [Савельев, 1855, с. 77–81].

В 1860 г. В. Г. Тизенгаузен в публикации, изданной в «Северной пчеле», обратил внимание читателей «на то, как Академия Наук почтила память своего усопшего собрата, и что стало с многочисленными рукописными трудами усопшего», и далее отметил, что «от приобретения научного наследия Френа Академия, в некотором отношении, приняла на себя обязанность озаботиться изданием этих материалов» [Тизенгаузен, 1877, с. 12].

На рубеже XXI в. актуальными остаются оценки В. Г. Тизенгаузена: «Все интересующиеся этим делом с нетерпением стали ожидать появления посмертных трудов Френа. Оправдались ли эти ожидания? Нет! В течение восьми лет, которые прошли с того времени, вышел только один небольшой том, заключающий в себя краткое описание восточных монет, поступивших в Азиатский музей после издания Френовой *Recensio*»¹².

В результате его активной педагогической и научной деятельности в Казани и Санкт-Петербурге сформировался

¹¹ В 2015 г. с коллегами удалось опубликовать неизданные письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу [Эпистолярное наследие ..., 2015].

¹² [Тизенгаузен, 1877, с. 12]. Под словом «*Recensio*» в данном случае имеется в виду академическое посмертное издание работ акад. Х. Д. Френа под редакцией Б. А. Дорна *Opusculorum postumorum* («Посмертные сочинения», 1855 г.).

оригинальный личный фонд [СПбФ АРАН. Ф. 778. Френ Христиан Данилович. Арабист, иранист, тюрколог] и сохранились разнообразные официальные и личные материалы в основных научных и культурных центрах, где ему пришлось работать. Эти архивные фонды и материалы состоят из его опубликованных и неизданных работ, подготовительных и черновых автографов и различных текстов, обширного эпистолярного наследия, корреспонденции российских и европейских деятелей науки и культуры и др.

Существующие реестры, каталоги, рукописные фонды и некоторые цифровые данные ряда архивов (в том числе СПбФ АРАН) позволяют частично ориентироваться в архивном и рукописном наследии востоковеда-арабиста и академика Х. Д. Френа¹³. Эти сведения и факты дают возможность уточнить и дополнить жизненные реалии, круг научных проблем, которые волновали ученого, и по достоинству оценить его огромный вклад в российское востоковедение, а также пересмотреть некоторые методологические и прикладные оценочные стереотипы в изучении и оценке наследия казанского периода жизни Х. Д. Френа (например, отзывы о том, что Х. Д. Френ не был готов к профессорской должности в Казанском университете; мало уделял внимания студентам, и преподавательская деятельность не принесла ожидаемых успехов, а тем более он не создал научной школы и др.).

К сожалению, после известных дореволюционных изданий его трудов¹⁴ современные сочинения с соответствующими исследовательскими комментариями и оценками не были подготовлены и опубликованы.

¹³ См.: Реестр описи СПбФ АРАН. URL: [http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Reestr_fix%20\(1\).pdf](http://ranar.spb.ru/files/visual/pdf/Reestr_fix%20(1).pdf). (дата обращения: 15.06.2022).

¹⁴ В 1851–1877 гг. часть его трудов и материалов была опубликована Б. А. Дорном [Opuscula ..., 1851–1877].

В связи с прошедшим 240-летним юбилеем академика Х. Д. Френа ощущается отсутствие его полноценной биографии и целостного освещения опубликованного и рукописного наследия, посвященного материальной и письменной культуре народов Востока, хотя в дореволюционный и советский периоды исследовательский интерес к рукописям и работам Х. Д. Френа сохранялся и развивался.

Нельзя пройти мимо практически неизвестного в истории российской ориенталистики историко-научного события. Напомним о полемике, случившейся в 1860–1870-х гг. между академиком Б. А. Дорном и востоковедом, археологом и нумизматом В. Г. Тизенгаузенем (1825–1902) о «стеснениях, которые приходится испытывать отечественным ориенталистам при пользовании рукописями Френа» [Тизенгаузен, 1877, с. 3].

В 1972 г. В. А. Ромодин (1912–1975) опубликовал небольшую статью, посвященную рукописям Х. Д. Френа [Ромодин, 1972, с. 111–115]. Он обратил внимание на «распределительные» автографы академика, т.е. «списки адресатов, получивших от Френа в дар экземпляры его сочинений», и, обобщая, выделял «... ценность найденных списков для биографии Френа. Вместе с сохранившейся перепиской Френа они могут стать предметом интересного исследования» [Ромодин, 1972, с. 115].

Перечисленные авторы, а также отечественные (как нам представляется, и европейские) публикации в целом касались лишь отдельных сторон многогранной исследовательской и научно-организаторской деятельности Х. Д. Френа в 1807–1851 гг. Хочется надеяться, что будут переизданы в переводе на русский язык опубликованные на латинском и немецком языке работы Х. Д. Френа и напечатаны его рукописные материалы. А самое главное – будет осущест-

вляться популяризация работ и наследия замечательного востоковеда России и Германии.

Также следует отметить, что казанский период научно-педагогической и общественной деятельности Х. Д. Френа был рассмотрен лишь обзорно¹⁵ – он остается малоизученным, особенно в части судьбы его наследия, хранящегося в архивных центрах России и Европы, а также последующего поиска, выявления и публикации оригинальных архивных фактов и материалов.

Личность и особенно неопубликованные рукописные материалы академика Х. Д. Френа являются благодатной темой в историографии и источниковедении современного востоковедения.

Жизнедеятельность, научные мысли, поиски и наследие Х. Д. Френа во многом связаны с начальным – казанским (1807–1817) этапом жизни и востоковедного творчества в России. Именно в стенах Казанского университета он начал свой творческий путь и сформировал яркий и новый тип российского ученого-востоковеда, отличавшегося от своих коллег и выпускников германских востоковедных центров XVIII – первой половины XIX в., чьи судьбы были связаны с Российской империей.

Сегодня справедливо и ярко звучит оценка академика В. В. Бартольда о наследии Х. Д. Френа: «...Несомненно, что он с первых лет своей преподавательской деятельности проявил те черты характера, которые впоследствии снискали ему искреннее уважение всех его учеников: беззаветную любовь к своей науке, полное отсутствие зависти к чужим дарованиям, полную готовность содействовать

¹⁵ Например, историк Казанского университета Н. П. Загоскин наиболее полно изложил многие служебные и бытовые реалии жизни Х. Д. Френа в университете и Казани [Загоскин, 1902].

привлечению к науке новых сил и успеху их деятельности» [Бартольд, 1977, с. 44].

На рубеже XX в. эти характерные черты личности ученого ярко охарактеризовал академик-арабист и создатель новой школы российского востоковедения В. Р. Розен (1849–1908) [аль-Музаффарийа ..., 1897; Веселовский, 1902, с. 157–161; Памяти ..., 1909, с. 1–48; Памяти ..., 1947]. В отечественной историографии вполне справедливо сформировалась объективная оценка: «Успешное развитие русского востоковедения в конце прошлого столетия (XIX в. – *Р.В.*), подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В. Р. Розена (1849–1908), воспитанника ФВЯ и его декана с 1893 по 1902 г.» [История ..., 1997, с. 16].

Будет справедливо выделить преемственную линию в российском востоковедении от академика Х. Д. Френа и его академического наследия середины XIX в. до академика В. Р. Розена и его научной школы в первой половине XX в.

В 1944 г. известный тюрколог В. А. Гордлевский, оценивая творчество И. Ю. Крачковского, справедливо отметил: «Он наследовал богатства, накопленные предшественниками. В нем, как в фокусе, сосредоточились: и ненасытная страсть к изучению рукописей – от Френа, и искусство художественного перевода – от барона Брамбеуса-Сенковского...» [Гордлевский, 1947, с. 13]. Данная преемственная традиция отражает интеллектуальную атмосферу в научной среде востоковедов России. В их профессиональной деятельности и судьбе много общего: не только единое этническое происхождение, но и исследовательские темы и научные линии, посвященные арабомусульманским штудиям разных эпох в науке о Востоке в России.

В будущем представляется интересным изучить феномен отражения наследия Х. Д. Френа в творческой деятельности не только В. Р. Розена и его учеников, но и в целом российских и европейских востоковедов и деятелей культуры второй половины XIX – начала XXI в.

Особенно с 1930–1950-х гг. в советском востоковедении начала проявляться тенденция ослабления преподавания классических востоковедных дисциплин (знание древних и новых восточных языков, умение читать рукописные тексты и т.д.) и утверждения современного типа востоковедного образования (узкие специалисты, объясняющиеся на одном языке, не владеющие познаниями в сфере текстологии и чтения священных текстов и др.). В 1943 г. В. М. Алексеев в докладе «Восток и наука о Востоке», обобщая современные ему тенденции в востоковедении, писал: «Комплексное востоковедение вымирает. Никто не сменил на их постах и их ролях академиков Бартольда, Коковцова, Шербатского. Мы, их слабые соратники, умрем – и все распадется на части. Историк-китаист не будет уметь читать философов, китаист-философ – поэтов, поэтолог – без знания разговорного языка, географ – без литературы, литературовед – без археологии и т.д. Каждый будет смотреть на Восток из своего уголка, а целого Востока не увидит» [Алексеев, 1982, с. 191].

Наследие Х. Д. Френа, отражающее казанский и санкт-петербургский периоды деятельности, представлено в основном в двух республиканских архивных центрах: Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ) и Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского КФУ (ОРРК НБ КФУ).

Особый интерес представляют сведения и материалы из фондов Государственного архива Республики Татарстан. Например, особо отмечу дело об увольнении профессора

Казанского университета Френа от должности [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 705 и др.]. В этом архивном документе выделяются его автографы, а также различные факты и сведения о службе, представленные в свидетельстве Совета университета, выданном по его просьбе¹⁶.

Основные и вспомогательные материалы о Х. Д. Френе, сохранившиеся в собраниях и фондах, подразделяются на две основные, связанные между собой, категории:

1. Биографические и административно-служебные сведения и материалы о приглашении и почти 10-летней деятельности в Казани и о его окружении (преподаватели, профессора, студенты и др.) в Казанском университете.

2. Различные факты и материалы, освещающие педагогическую, научную и общественную деятельность, его личные связи в период жизни в Петербурге и роль в развитии дисциплинарного статуса востоковедения в университете.

Выделим и кратко рассмотрим лишь некоторые из этих архивных фактов, сведений и материалов.

Представлен архивный пласт, связанный с обращением первого попечителя Казанского учебного округа (КУО) (1803–1812) С. Я. Румовского к профессору Ростокского университета О. Г. Тихсену и приглашением доктора философии, магистра свободных наук и приват-доцента университета Ростока Х. Д. Френа, страницами его деятельности и последующим увольнением из штата Казанского университета.

Указом Александра I от 10 июля 1807 г. Х. Д. Френ был зачислен на должность ординарного профессора восточной словесности в Казанский университет; приказом министра

¹⁶ Некоторые архивные сведения опубликованы. См.: [Мазитова, 1972, с. 32–34]. Текст «Свидетельства о службе профессора восточных языков Х. Френа в Казанском университете» от 15 мая 1817 г. См.: [Из истории ..., 2013, с. 30–31].

народного просвещения А. Н. Голицына от 7 августа 1817 г. уволен из университета [Куликова, 1993, с. 218].

Из документов становится ясно, что попечителю Казанского учебного округа (КУО) М. А. Салтыкову и министру народного просвещения А. Н. Голицыну уже в 1816 г. было известно о планах Х. Д. Френа вернуться в университет Ростока в связи со смертью О. Г. Тихсена 30 декабря 1815 г. и возглавить его кафедру в университете. Попечитель КУО М. А. Салтыков писал князю А. Н. Голицыну 29 ноября 1816 г. о том, что профессор Х. Д. Френ «собирается оставить Россию, а через сие Казанский университет лишится знаменитого и известного в Европе мужа» [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 617. Л. 3].

В связи с приглашением немецкого ученого попечитель КУО С. Я. Румовский отмечал: «...27-летний доктор Френ горит желанием видеть в Казани татар и других азиатских народов, и, судя по его готовности и простому и ничем не приукрашенному обращению, имею причину ожидать от него должных успехов» [РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 38. Л. 15].

В первой группе архивных фондов и дел ГА РТ выделяются сведения об истоках преподавания, содержании и программе курсов арабо-мусульманских языков Х. Д. Френа и его соратника, преподавателя тюрко-татарского языка Ибрагима Хальфина (1778–1829) в Первой Казанской гимназии (1800–1829) и университете (1812–1829) [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357, 273 и др.]; о первых слушателях предметов восточных языков (Семене Кручинине, Федоре Риттау, Иване Попове, Алексее Пятове, Сергее Гроздовском, Януарии Ярцове, Елпидифоре Манасеине и др.); о первом воспитаннике профессора в университете и кандидате восточной словесности Януарии Ярцове (1812 г.), удостоившемся звания по ходатайству Х. Д. Френа, защите

Я. Ярцовым магистерской диссертации и утверждении его в статусе магистра восточной словесности [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 481, 600, 602 и др.]; ежемесячные рапорты (отчеты) профессора и преподавателя о занятиях и успехах студентов и т. д.

Эти сведения, представленные в его послужном списке, а также делопроизводственные и другие материалы о службе Х. Д. Френа соотносятся с другими официальными документами из фондов ГА РТ, ОРРК НБ КФУ, Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА) и личного фонда академика в СПбФ АРАН.

В целом поиск, систематизация и публикация тематических документов, связанных с академиком Х. Д. Френом, представляют интерес не только в плане академической биографии, но и в оценке результатов его педагогической, исследовательской и общественной деятельности на важных этапах жизни в Германии (Росток, Гёттинген, Тюбинген) и России (Казань, Санкт-Петербург).

Письма Ибрагима Хальфина (1778–1829) на имя петербургского академика-востоковеда Х. Д. Френа сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 339]. В фонде Х. Д. Френа сохранились девять писем И. Хальфина, написанные с 1819 по 1825 г. Все его письма имеют личные автографы казанского востоковеда и просветителя и написаны в основном на русском языке, лишь одно из них – на татарском (1825).

В письме от 22 декабря 1819 г. И. Хальфин писал: «Милостивый Государь, Христиан Данилович! Наичувствительнейше благодарю Вас в неоставлении меня своими письмами. Уведомляю Вас, что я нашел все книги, о которых Вы изволили писать в письме к г. ректору Гаврилу Ильичу,

кроме Сейфульмулюк (Фәүз ән-нәжәт – Победа спасений), которые все уже разобраны. Хотя также и Юнусовского (Фәтиха – Седьмая печать Корана) не находится здесь в Казани; но я Вам свою посылаю. Сверх сего, у меня нашлась одна старинная штучка с куфийскою надписью (которую, признаться, я худо разбираю), найденная русским мужиком в Иски Казани, в том месте, где была крепость, которую и дарю Вам, яко любителю древностей» [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 339. Л. 1].

Разнообразный корпус материалов о наследии Х. Д. Френа в архивных и рукописных центрах Казани связан с его продолжающимся интересом к учебной и научной деятельности востоковедов университета; получением информации об арабо-мусульманских письменных источниках и формированием АМ книгами и рукописями, присылаемыми казанскими коллегами; сообщением, отправкой различной европейской и восточной литературы в университет; академическими советами, отзывами и представлениями о формировании ключевых направлений развития востоковедения в Казанском университете во второй половине XIX в. и др.

Эти направления сотрудничества академика Х. Д. Френа с университетскими востоковедами Казани ярко отразились в письмах профессора Казанского университета А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу, сохранившихся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130. Л. 52. Казем-Бек Мирза Александр Касимович, проф., чл.-корр. Его письма к Френу Х. Д. из Казани. 1831–1846 гг.]. К сожалению, не увенчался успехом поиск писем Х. Д. Френа своему адресату из Казани. Личный фонд А. К. Казем-Бека в Государственном архиве Республики Татарстан также не содержит этот пласт эпистолярного наследия Х. Д. Френа и других российских востоковедов

[ГА РТ. Ф. 1186. Казем-Бек А. К. – ориенталист, профессор Казанского университета].

Письма профессора А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу, особенно относящиеся к начальному периоду, написаны высоким стилем и пронизаны огромным уважением. Показателен в этом отношении и отрывок из его письма, в котором он называет Х. Д. Френа «наиученейшим муджтахидом», مجتهد (араб. ученый, обладающий правом толкования), а себя – مقلد (араб. подражатель).

В своем первом письме Х. Д. Френу А. К. Казем-Бек писал, что видит в его лице «того, кто может оценить, воодушевить и оказать поддержку тем молодым работникам на ниве литературы, которые поистине нуждаются в умелом руководителе, чтобы он их направлял в их начинаниях» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130. Л. 1].

Более поздние письма показывают дальнейшее развитие отношений: А. К. Казем-Бек обращался к Х. Д. Френу даже не как к наставнику, а как к отцу: «Ваша непрекращающаяся доброта по отношению ко мне, с самых первых дней моего знакомства с Вашим превосходительством, не могла не выработать во мне глубочайшую благодарность, искреннее уважение и почтение к Вам как к моему новому отцу» [Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 130. Л. 34].

Академик Х. Д. Френ неоднократно рассматривал и рецензировал труды А. К. Казем-Бека, покупал у него рукописи, высылал по его просьбе ученые издания в Казанский университет (в частности, полное собрание арабских пословиц Г. В. Фрейтага), рекомендовал представить его к наградам и избрать членом-корреспондентом Академии наук. Именно Х. Д. Френ сыграл важную роль в переводе А. К. Казем-Бека в Санкт-Петербург.

Мирза Казем-Бек также старался быть полезен Х. Д. Френу: искал в Казани по его просьбе турецкое произведение «Кыз Курбач», распространял осуществленный Х. Д. Френом и И. Хальфиным перевод труда «Родословное древо тюрков» Абу-ль-Гази Бахадур-хана, скупал редкие рукописи для Академии наук, описывал монеты, расшифровывал талисман на персидском языке.

Также важен отзыв академика Х. Д. Френа и адъюнкта Б. А. Дорна [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4683. Л. 104–105 об.; Из истории..., 2013, с. 84–85] на план путешествия на Ближний Восток воспитанников университета – магистра В. Ф. Диттеля (1816–1848)¹⁷ и И. Н. Березина (1818–1896)¹⁸, составленный профессором Мирзой А. К. Казем-Бекком. Отмечая, что известные центры Персии (Тебриз, Казвин, Гилян, Мазендаран, Тегеран) «менее были посещаемы европейцами», то путешественникам, «без сомнения, представят еще обильные случаи к новым наблюдениям». Также были сделаны рекомендации к посещению «публичных и частных библиотек» и «тщательным лингвистическим разысканиям о разных наречиях, например, персидского языка, далее составление каталогов тамошним литературным сокровищам...» и др.

Представленные материалы и другие неопубликованные документы из архивных центров свидетельствуют, что академик Х. Д. Френ определял магистральные пути развития востоковедения в Казанском университете и в целом в России в XIX в.

¹⁷ Диттель В. Ф. – выпускник, кандидат КУ (1837) и магистр (1841). После своего путешествия по Ирану, Сирии, Палестине, Египту (1842–1845) и вплоть до самой смерти преподавал арабский и турецкий языки, курс истории и географии Востока в Санкт-Петербургском университете (1846–1848).

¹⁸ Березин И. Н. – выпускник, кандидат КУ (1837) и магистр (1841). Вел курсы турецко-татарского языка в Казанском (1845–1855) и Санкт-Петербургском университетах (1855–1896).

Именно с началом творческой деятельности Х. Д. Френа востоковедение в Казанском университете приобрело самостоятельный и дисциплинарный статус и стало значимой областью научного знания, а также государственного и общественного признания.

Архивные материалы освещают биографию профессора в Казанском университете и формирование университетского востоковедения, некоторых его составляющих, таких как арабистика, золотоордынская и арабо-мусульманская нумизматика, источниковедение Востока, и в целом неопценимый вклад Х. Д. Френа в российскую и европейскую науку о древностях Востока.

ПРОФЕССОР-ОРИЕНТАЛИСТ ЭРДМАН ФРАНЦ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО ВОСТОКА В РОССИИ (1818–1845 гг.)

Выпускник Университета Росток и ученик О. Г. Тихсена (Oluf Gerhard Tychsen) Франц Эрдман (Friedrich Franz Ludwig Erdmann, 1795–1862) в своем первом письме от 29.03.1818 г. из Росток писал следующие строки в Россию акад. Х. Д. Френу: «Ваше благородие, многомудрый, высокоуважаемый господин надворный советник! < > Я, воодушевленный нашим ныне почившим Тихсеном¹⁹ на изучение источников Востока, под его руководством полностью посвятил свое двухлетнее академическое пребывание здесь данному вопросу». Завершая свое первое послание,

¹⁹ Олаф Герхард Тихсен (14.12.1734, Тённер – 30.12.1815, Росток) учился в Галльском университете и в 1763 г. стал профессором восточных языков в университете Бютцова. В 1789 г. университеты Бютцова и Росток были объединены, и Тихсен получил должность главного библиотекаря. Его основным трудом считается Bützowische Nebenstunden («Свободные часы в г. Бютцов»). В 6 т. 1766–1769. Большую часть его личной библиотеки приобрел Ростокский университет. См.: [СПбФ АРАН. Оп. 2. Д. 388; Franz von Erdmann ..., 2021].

Ф. Эрдман писал: «С тех пор как Вы получили приглашение от нашей Академии, Вы наполнили умы всех нетерпеливым ожиданием. Они с нетерпением ждут того времени, когда смогут по праву с Вашим прибытием созерцать خاتم النبیین (В. Р., С. К., В. Р. – последнего пророка, букв.: печати пророка) в её стенах. Если бы я осмелился высказать пожелание по этому случаю, я бы обратил внимание Вашего Благородия к вакантной в Казани профессорской должности. Я был бы очень признателен, если бы Вы в соответствии с Вашими возможностями замолвили словечко в высшей инстанции за мое продвижение на эту должность» [Немецкий профессор ..., 2021, с. 12–13; Валеев, Валеева, Эрдман, 2021, с. 88–102; Валеев, Валеева, Hartmut Walravens, Эрдман, 2021, с. 43–45; Franz von Erdmann..., 2021, p. 89].

К ростокскому периоду жизни Франца Эрדмана относится опубликованная в 1818 г. традиционная для германской семитологии книга «*Curarum exegetico-criticarum in Jeremiae Threnos specimen*» («Экзегетико-критическое исследование о “Плаче Иеремии”»).

Данный раздел главы посвящен обзору основных вех биографии Федора Ивановича Эрдмана (Friedrich Franz Ludwig Erdmann) (1795–1862), особое внимание при этом уделено этапам его педагогической и научной деятельности в Казанском университете (1818–1845). Он стал вторым после Х. Д. Френа (1782–1851) приглашенным германским профессором восточной словесности в университете и одним из последних учеников известного немецкого ориенталиста О.-Г. Тихсена (1734–1815). В 1819 г. Ф. И. Эрдман в возрасте 24 лет переселился в Россию, в Казань.

Профессор Ф. И. Эрдман после увольнения из университета (11 мая 1845 г.) был назначен директором училищ Олонецкой губернии (7 февраля 1847 г.) и через два месяца (8 апреля 1847 г.) переведен на должность директо-

ра училищ Новгородской губернии, которую он занимал до увольнения со службы (20 августа 1855 г.). Ученый умер 14 ноября 1862 г., похоронен в Казани.

Представленные архивные и неопубликованные материалы позволяют внести уточнения в имеющиеся о Ф. И. Эрдмане биографические сведения, дополнить их; обозначить процесс оценки вклада ученого в казанскую ориенталистику в период его работы в университете (1818–1845), а также в целом в российское востоковедение, особенно в феномен российских и германских арабо-мусульманских штудий первой половины XIX в.

Профессор Императорского Казанского университета Франц Фридрих Людвиг Эрдман (Эрдман Федор Иванович) (16 марта 1795–14 ноября 1862)²⁰ родился в г. Людвигслуст (Великое герцогство Макленбург-Шверинское).

Его отец Иоганн Эрнст Фридрих Эрдманн и мать Луиза Шарлотта Ульрика Абель венчались 30 мая 1794 г. в г. Гросс Тессин. Иоганн Эрнст Фридрих Эрдманн, сын Иоганна Иова Эрдманна, богослова и преподавателя, служил до 1798 г. преподавателем в педагогической школе в Людвигслусте, а затем пастором в Шверине. Мать, Луиза Шарлотта Ульрика Абель, – дочь композитора, скрипача и капельмейстера Леопольда Абеля²¹, племянница композитора Карла Фридриха Абеля, внучка скрипача и композитора Христиана Фердинанда Абеля.

²⁰ В биографических словарях и энциклопедиях (например, в Русском биографическом словаре) даны неточные и неполные сведения о конкретных датах рождения и смерти Ф. И. Эрдмана. Работа в ряде архивных центров Германии и Англии позволила уточнить биографические сведения и систематизировать архивные факты и материалы для более полного очеркового изучения научного наследия Ф. И. Эрдмана.

²¹ Абель, Леопольд Август [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абель,_Леопольд_Август (дата обращения: 01.03.2021).

Франц Эрдман до 1808 г. получал домашнее образование. С 1808 по 1812 г. вместе со своим кузеном Иоганном Леопольдом Абелем учился в Катаринеуме, Любекской гимназии. В 1813 г. они вместе поступили в Ростоцкий университет на богословский факультет. В числе преподавателей был Тихсен, который и увлек Франца Эрדмана востоковедением. В декабре 1813 г. у Эрдмана умирает мать, а в апреле 1814 г. от лихорадки – отец. Опекуном становится его дядя, брат отца. По окончании Ростоцкого университета Франц Эрдман продолжает образование в Гёттингенском университете, а его кузен возвращается в Людвигслуст и идет по стопам своего отца – возобновляет занятия музыкой (в 1818 г. он уедет в Лондон навсегда, станет там известным исполнителем, как и Фердинанд Абель, у него родится сын Фредерик Август Абель, известный на весь мир химик по взрывчатым веществам).

После окончания Гёттингенского университета Франц защищает теологическую диссертацию и получает место помощника преподавателя. С 1818 г. он переписывается с Френом, который рекомендовал его в Казанский университет. В 1816–1817 гг. Франц Эрдман был приглашен в Казанский университет и 4 сентября 1818 г. утвержден ординарным профессором, но приехать в Казань и приступить к работе он смог только в августе 1819 г. Таковы некоторые важные этапы детства и молодости Ф. И. Эрдмана до его приезда в Казань, начальной и профессорской деятельности в Императорском Казанском университете в 1819–1845 гг.

В перспективе особого внимания биографов-исследователей заслуживают семейные традиции и известные потомки профессора Ф. И. Эрдмана.

Начало функционирования в университете в 1807 г. первой кафедры восточных языков с приглашенным профессором Х. Д. Френом обозначило новый рубеж в истории

казанского научного востоковедения, который завершается в 1854/55 г. в связи с переводом разряда восточной словесности в Северную столицу и образованием на его основе восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Казанский период деятельности Ф. Эрмана (1819–1845) связан с важными институциональными (введены основные востоковедные курсы и дисциплины, образованы ключевые кафедры, сформировался состав профессоров и преподавателей и др.) переменами в истории формирования востоковедения в Казанском университете [Валеев, 2019].

Личностные и профессиональные рубежи биографии Ф. И. Эрмана в университете следующие: с августа 1819 по май 1845 г. он занимал административные и научно-педагогические должности в Казанском университете: ординарный профессор восточных языков – с 1819 г., с 1825 г. – заведующий кафедрой арабской и персидской словесности разряда восточной словесности. Одновременно с 1824 г., – заведующий нумизматическим кабинетом и кабинетом редкостей; в 1822–1832, 1835–1836 гг. – декан отделения словесных наук философского факультета, в 1841–1845 гг. – философского факультета; в 1822–1826 гг. – преподаватель арабского и персидского языков в Казанской Первой мужской гимназии. В 1828–1845 гг. Ф. И. Эрман – «отдельный цензор» восточных сочинений²². В 1832–1835 гг. – инспектор студентов и директор педагогического института. С 23 августа 1839 г. приказом министра народного просвещения он был утвержден проректором, в 1843 г. – заслуженным профессором университета²³.

²² Проф. Ф. И. Эрман исполнял должность цензора после Ибрагима Хальфина (1801–1828). В XIX в. цензуру арабо-мусульманских книг в Казани проводили профессор-ориенталисты университета: Мирза А. К. Казем-Бек (1845–1850), И. Н. Березин (1850–1855), И. Ф. Готвальд (1855–1874).

²³ Центральный архив Нижегородской области (далее – ГКУ ЦАНО). «Дело Нижегородского дворянского депутатского собрания о внесении Эрман О. П. ...

В 1825 г. по поручению попечителя Казанского учебного округа Ф. Эрдман совершил научную экспедицию в г. Оренбург и Прикамье с целью исследования древностей Казанской, Оренбургской и Вятской губерний²⁴. В 1820-е гг. перед Советом университета он неоднократно ставил вопрос о необходимости подготовки грамматики и словаря татарского языка, в 1829 г. представил «Программу для составления полного татарского словаря».

В 1836 г. Ф. И. Эрдманом был составлен проект «Распределения преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков» в Казанской Первой гимназии. Этот проект не был напечатан, но сохранился в архивных фондах [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3833. Л. 135–140 об.]. В своем распределении Ф. Эрдман при изучении языков мусульманских народов ориентировался на известные учебники и хрестоматии А. Сильвестра де Саси, Е. Розенмюллера, В. Джонса, Ф. Вилькена, М. Лимсдена, А. Болдырева по арабскому и персидскому языкам, которые были изданы в Европе и России в 1818–1833 гг. Среди грамматик и учебных пособий по тюркскому языкознанию выделяются издания А. Давидса (грамматика турецкого языка, Лондон, 1833), П. Жобера (турецкая грамматика, Париж, 1823), А. Троянского (татарская грамматика, Казань, 1824) и хрестоматия И. Хальфина («Жизнь Джингиз-хана и Аксак Тимура», Казань, 1822). Распределение преподавания мусульманских языков в Казанской Первой гимназии было

в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии за 1884–1885 гг.». Ф. 639. Оп. 126. Д. 10854. Л. 2–5. Эти основные должности и этапы административной и научно-педагогической деятельности Ф. И. Эрдмана записаны в выданном ему Аттестате.

²⁴ Одним из опубликованных материалов данной поездки стала заметка Ф. И. Эрдмана. См.: [Замечания ..., 1834: 2, с. 76–89; 6, с. 324–347; 1, с. 157–161].

составлено Ф. Эрдманом на основе его практики преподавания в гимназии.

К периоду увольнения Ф. И. Эрдмана из университета (1845) по «Положению о преподавании азиатских языков в I-й Казанской гимназии» в преподавании восточной словесности выделялось пять разрядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский.

В период работы Ф. И. Эрдмана ориенталистика в Казанском университете претерпела крупные научно-организационные, учебные и исследовательские изменения. 1807–1840-е гг. – это значимый этап институционализации и оформления дисциплинарного статуса казанского университетского востоковедного образования и науки.

Впервые целевая программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Выделяя общественный интерес к Востоку и трудности в его исследовании, оценивая состояние востоковедения в университете, он писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов, в оный входящих, недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того казеннокоштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учителя гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных остаются совершенно бесполезными, как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распро-

странению сведений, оставляют наконец совершенно свои занятия» [РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 1–1 об.].

По твердому убеждению М. Н. Мусина-Пушкина, именно «Казань, соединяя Европейскую Россию с Азиатскою, служа складочным местом для товаров восточных, привлекая обширную торговлею своею азиатцев, заключая много татар, а в числе их довольно образованных, обучавшихся в Бухарии, – есть... то место, где весьма легко соединено быть может без больших издержек теоретическое и практическое изучение языков восточных» [РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 2].

В 1828 г. в Казанском университете на базе кафедры восточной словесности были образованы первые две самостоятельные специализированные кафедры: турецко-татарской словесности, возглавляемая до 1846 г. А. К. Казем-Беком (1802–1870), с 1846 г. – экстраординарным и с 1854 г. – ординарным профессором И. Н. Березиным (1818–1896), и арабо-персидской словесности, руководимая до 1845 г. Ф. И. Эрдманом, в 1846–1849 гг. – А. К. Казем-Беком, в 1849–1855 гг. – ординарным профессором И. Ф. Готвальдом (1813–1897).

25 июля 1833 г. в Казанском университете была учреждена первая в России и Европе кафедра монгольского языка. Ординарные профессора кафедры монгольского языка О. М. Ковалевский (1800–1878) и А. В. Попов (1808–1865) стали основателями научного университетского монголоведения в Казани и России и в целом в Европе.

11 мая 1837 г. впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил – Д. П. Сивиллов (1798–1871), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Да-

ниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), в 1844–1850 гг. заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани. В 1851–1855 гг. кафедрой возглавлял В. П. Васильев (1818–1900) [Академик ..., 2021].

Активная институционализация и специализация университетского востоковедения была связана также с тем, что в Казанском университете в 1842 г. создаются две новые кафедры – армянского языка и санскрита. В 1842–1849 гг. кафедрой армянского языка руководил С. И. Назарьянц (Назарян, Назариянц) (1812–1879). В 1841–1851 гг. санскритский язык преподавал П. Я. Петров (1814–1875), возглавлявший в 1842–1852 гг. кафедру санскритологии. Традиции санскритологии в Казани в 1852–1856 гг. были продолжены Ф. Ф. Боллензенем (1809–1896), получившим образование в Гёттингенском университете. Библиотекарь гидрографического департамента Морского министерства Ф. Ф. Боллензен 6 февраля 1852 г. был определен ординарным профессором кафедры санскритского языка университета. После закрытия разряда восточной словесности Казанского университета и увольнения Ф. Ф. Боллензен в 1858 г. уехал в Германию.

После увольнения Ф. И. Эрдмана в 1846 г. в университете открылась кафедра калмыцкого языка, возглавляемая монголоведом и калмыковедом А. В. Поповым. Эта кафедра не получила в дальнейшем организационного, научно-методического и исследовательского развития.

В 40-е гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр – индустанского, тибетского и еврейского языков²⁵. Таковы примечательные факты и процессы

²⁵ См.: ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.». 5 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1843 г.». 12 л. и др.

феномена развития научных дисциплин и дисциплинарности университетского востоковедения в России. Подобная широкая специализация диктовалась не только внутренним ходом развития классического востоковедения, но и внешними политическими и социальными процессами во взаимоотношениях России – Востока – Запада.

Основные работы Эрдмана, опубликованные на латинском, немецком, английском и русском языках в Европе и России, в период деятельности в Казанском университете были посвящены истории, этнографии, нумизматике, литературе, языкам мусульманских народов и арабо-мусульманским источникам.

Выделяя конкретную тематику исследований профессора Ф. И. Эрдмана, отметим следующие: изучение и каталогизация монет средневековых арабо-мусульманских династий тюрко-монгольского и персидского происхождения; разбор и описание арабо-мусульманских письменных источников (хроника Искандера Мунши, рукописи «Саба-тул аджизин» (Стойкость слабых) Суфи Алаяра, монголы в Персии по сборнику летописей Рашид ад-Дина (издание Этьенн-Марка Катрмера в Париже (1836 г.); генеалогия тюрков и монголов и биография Темучина; древняя история Персии на основе древнегреческих авторов о персах и сказаний «Шах-намэ» Фирдоуси и др.

Наследие профессора Ф. И. Эрдмана отразило развитие институциональной модели востоковедения в университете и в целом в Казани, тесно связанной с направлениями преподавания восточных языков и комплексных исследований письменных и материальных памятников как историко-культурных источников Востока: поиск рукописей, каталогизация²⁶, издание и перевод оригинальных текстов;

²⁶ В этом направлении важной преемственной работой Ф. И. Эрдмана стало издание каталога восточных монет «Numi Asiatici Musei Universitatis Caesareae

изучение и публикация отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников; описание и каталогизация рукописей и книг и в целом источниковедческое формирование и систематизация рукописной и книжной коллекции народов Востока [Зайцев, 2003, с. 227–231].

Ф. И. Эрдман также был избран членом-корреспондентом и действительным членом известных научных обществ Европы и России: Парижского азиатского общества (1825), Московского общества истории и древностей российских (1829), Лондонского азиатского общества (1829), Копенгагенского общества северных древностей (1833), Королевской академии наук истории и древности в Стокгольме (1844), Германского общества ориенталистов (1847), Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества (1849), Императорского Русского географического общества (1850).

10 мая 1840 г. Ф. И. Эрдман принимает присягу на подданство России, но лютеранское вероисповедание сохраняет.

После увольнения из Казанского университета 11 мая 1845 г. начался новый этап биографии Ф. И. Эрדмана. Высочайшим приказом он был назначен директором училищ Олонецкой губернии (7 февраля 1847 г.), через два месяца (8 апреля 1847 г.) переведен на должность директора училищ Новгородской губернии, которую занимал до 20 августа 1855 г., был уволен от службы «за выслугу срока,

Literarum Casanensis quos recensuit et illustravit Franciscus Erdmann» («Азиатские монеты Музея Казанского Императорского университета, описанные и иллюстрированные Францем Эрдманом»). Казань, 1834. Мирза А. К. Казем-Бек в своем письме академику Х. Д. Френу в июне 1845 г. писал: «Завтрашней почтой я отправляю Вашему превосходительству труд г-на Эрдмана *Numi Asiatici* в двух томах; поскольку Вы пожелали отправить его в Германию, согласно Вашему последнему письму г-ну Пушкину». См.: [Эпистолярное наследие ..., 2015, с. 126].

с мундиром присвоенным должности профессора университета». Ученый умер 14 ноября 1862 г. в возрасте 67 лет, похоронен на лютеранском кладбище в Казани. Его супруга и дети ранее приняли православие.

Педагогическая и научная деятельность Ф. И. Эрдмана не нашла подробного и тщательного освещения в до-революционной отечественной, советской, современной российской и европейской востоковедческой литературе. В российской и германской литературе²⁷ даже сформировался негативный образ востоковедческой деятельности Ф. И. Эрдмана в России и его роли в истории казанского университетского востоковедения. Академик В. В. Бартольд отразил эту оценку в своем выводе: «Как ученый, Эрдман не имел успеха ни в своей родине, ни в России...» [Бартольд, 1977, с. 47] Далее, сравнивая двух ведущих представителей разряда восточной словесности университета 1820–1840-х гг., он писал: «Несомненно, что создателем казанской школы ориенталистов с гораздо большим правом может быть назван Казем-Бек, чем Эрдман» [Бартольд, 1977, с. 47]. К сожалению, данная оценка до настоящего времени сохранилась в историографии российского востоковедения. Также излишне категоричным представляется вывод о том, что, «проработав вместе более 35 лет в Казанском университете, ни Френ, ни Эрдман не оставили преемников» [История ..., 1990, с. 121].

На современном этапе сформирована полная библиография основных работ Ф. И. Эрдмана [Franz von Erdmann ..., 2021, с. 11–26], опубликованных в 1816–1863 гг., но, к сожалению, не дана подробная комплексная оценка его исследо-

²⁷ Пока единственным исключением данной традиции остается наша совместная работа с Х. Валравенсом и И. Сериковым по публикации небольшой части писем Ф. И. Эрдмана акад. Х. Д. Френу, написанных в 1818–1820 гг. См.: [Franz von Erdmann ..., 2021].

ваний в казанский и последующий периоды педагогической, научной и административной деятельности ученого. Сегодня в различных справочных и энциклопедических изданиях России и Европы, каталогах библиотек университетов Европы (например, в Германии в университетах Росток и Гёттингена) можно обнаружить списки и традиционные (и электронные) форматы статей и работ, опубликованных Эрмманом в 1820–1863 гг.²⁸ Особого внимания заслуживают историко-архивные поиски в архивных и библиотечных центрах России и Германии рукописных материалов, посвященных биографии Ф. И. Эрммана, ученому-ориенталисту, отдавшему свою жизнь педагогическим и научным изысканиям по истории и культуре мусульманского Востока.

Первая работа Ф. И. Эрммана «*Descriptio quarundam drachmarum...*» («Описание некоторых драхм...») была связана с переводом с арабского на латинский язык известного труда Х. Д. Френа, посвященного описанию 17 саманидских и буидских монет (1806). Перевод был опубликован в Гёттингене в 1816 г. [Christiani...; Temudschin ..., 1862]. Эту работу следует считать важным рубежом в востоковедческой деятельности ученого, которая получила свое развитие в Казанском университете в 1819–1845 гг.

Последней прижизненной работой, написанной в имени Фёдоровка, расположенном в Васильсурском уезде Нижегородской губернии (3/15 марта 1859 г.), и опубликованной на немецком языке в 1862 г., стала книга «Темуджин Несокрушимый. Включая географически-этнографическое вступительное слово, необходимые особые комментарии и приложения профессора д-ра Франца фон Эрммана» (Лейпциг: Ф. А. Брокгауз, 1862. XIV, 647 с.) [Temudschin ..., 1862].

²⁸ URL: <https://opac.sub.uni-goettingen.de/DB=1/SET=1/TTL=22/MAT=/NOMAT=T/REL?PPN=528668358> (дата обращения: 02.03.2021).

Нам еще предстоит полностью изучить и опубликовать с переводом на русский язык совместно с Х. Валравенсом и другими заинтересованными коллегами 36 писем (на 94 листах) Ф. И. Эрдмана на немецком языке, начиная с 1818 г. написанных академику Х. Д. Френу из Ростка, Москвы и Казани [СПбФ АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 388].

В биографии Ф. И. Эрдмана, истории востоковедения в Казанском университете и арабо-мусульманских штудий заслуживают внимания переписка и взаимоотношения ученого с ханом Букеевского ханства Джангиром (1801–1845). Их взаимоотношения сыграли важную роль в пополнении университетской библиотеки «драгоценными рукописными сочинениями». Профессор Ф. И. Эрдман в своем донесении в Совет Казанского университета (от 27 мая 1844 г.) писал: «Все сии приношения²⁹, отзыв и пожертвования в пользу как Казанского университета, так и ученого света, доказывающие и любовь к наукам, и покровительство ученым условиям и заведениям, а в особенности восточным языкам и их словесности со стороны... хана, дают мне смелость спросить снова почтеннейший Совет университета: не благоугодно ли будет оному избрать хана Чегангира Букеева в почтенные члены Императорского Казанского университета?» [История ..., 2002, с. 417]. 19 июля 1844 г. попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин сообщал Совету университета об утверждении министром народного просвещения хана Джангира в звании почетного члена Императорского Казанского университета и предлагал «внести хана Букеева в список почетных членов университета и доставить ему на звание диплом» [История ..., 2002, с. 417]. Проректор университета Ф. И. Эрдман (с 17 декабря 1841 г.) сообщил об исполнении данного поручения 28 октября

²⁹ В 1839 и 1844 гг. хан Джангир преподнес в дар шесть оригинальных арабо-мусульманских рукописных сочинений. См.: [История ..., 2002, с. 416].

1844 г. и писал: «...вместе при том составленный мною список арабским, персидским и турецким рукописным сочинениям, из которых хан желает приобрести по возможности для Казанского университета от бухарцев», покорнейше прошу... Совет утвердить этот список, позволить мне войти в сношение с ханом по этому столь полезному делу для университета» [История ..., 2002, с. 417]. Этот список включал 60 оригинальных арабо-мусульманских исторических, филологических, религиозных рукописей [История ..., 2002, с. 433–434].

Наши планируемые комплексные архивные исследования и материалы позволяют в дальнейшем написать очерк и критически пересмотреть устоявшийся стереотип о вкладе Ф. И. Эрדмана в формирование ориенталистики в Казанском университете в 1819–1845 гг. и в целом в российскую ориенталистику первой половины XIX в.

Творческое наследие ординарного профессора Ф. И. Эрдмана периода деятельности в Казанском университете отличается комплексностью, характеризуется широтой междисциплинарного подхода, органичным сочетанием филологии, истории, литературы, культуры, религий народов арабо-мусульманского Востока. Профессор Ф. И. Эрдман внес организационный и исследовательский вклад в формирование университетской модели востоковедения в Казани и в целом в России в первой половине XIX в.

Академик Х. Д. Френ, оценивая публикации Франца Эрдмана начала 1820-х гг., писал в своем отзыве: «Притом всякий беспристрастно судящий человек должен согласиться, что оные три сочинения г. Эрдмана³⁰ ясно свиде-

³⁰ В основном имелись в виду следующие работы Ф. И. Эрдмана, опубликованные в типографии Казанского университета в 1821–1823 гг.: *Historiam Elmuluk wabhulafâ wawelâ mekke es's'urafâ in compendium redactam Auctore Takkieddino Muhammede fil. Muhammedis fil. Alii, Ex Cod. ms. arab. Bibliothecae Tychsenianae primum edidit notisque illustravit Franciscus Erdmann. Partic. I. Casani: Typis*

тельствуют о его быстрой деятельности, его неутомимом прилежании, его великом упражнении в сочинениях по его части и его ревности быть полезным также сочинениями» [ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1428. Л. 29 об.].

В оценке арабо-мусульманского наследия профессора Ф. И. Эрдмана особо значимы слова С. Ф. Ольденбурга: «Не следует, однако, их преемникам забывать, что эти же работы создали тот интерес к Востоку, который сделал возможными те быстрые и прочные успехи, которыми гордится востоковедение» [Ольденбург, с. 155.] в XIX–XX вв.

В заключение хотелось бы отметить, что неизученное востоковедческое наследие Ф. И. Эрдмана представляет собой значительное историческое, историографическое и источниковедческое достижение российской науки и является ярким свидетельством научных и культурных связей России и Германии. Его биография и труды – яркий пример и важный фактор российско-германских связей в истории ориенталистики России и Германии XVIII – начала XX в.

Universitatis Caesareis 1822, al-Muqni' min aḥbār al-mulūk wa-al-ḥulafā' wa-wulāt Makka' al-šurafā' (ta' līf Taqī al-Dīn Muḥammad ibn Aḥmad al-Ḥusnī al-Fāsī [1373–1429]). [История правителя и наместника Мекки]; De manuscripto persico Iskenderi Menesii eruditus huius usque incognito disseruit Franciscus Erdmann. Casani: Typis Universitatis caesareis 1822. VIII, 28 с.; Arabsiaden ex noto ignoto Ibn Schonah supplevit et emendavit Franciscus Erdmann. Casani: Ex Universitatis Officina Typographica 1823. XXXII, 30 S.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сокращения

ГА РТ – Государственный Архив Республики Татарстан

РГИА – Российский государственный исторический архив

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2004.

Коран. Пер. И. Ю. Крачковский, изд. В. И. Беляев. М.: Наука, глав. ред. вост. лит-ры, 1986.

La Sainte Bible polyglotte. Ed. F. Vigouroux. T. II. Paris, Bruxelles, 1901. 912 с.

Абель, Леопольд Август [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Абель,_Леопольд_Август (дата обращения: 01.03.2021).

Абу Рейхан Бируни. Геодезия (Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами). / Исследования, перевод и примечания П. Г. Булгакова // *Абу Рейхан Беруни*. Избр. произведения. Т. III. Ташкент: Фан, 1966. 365 с.

Абу Райхан Беруни. Книга вразумления начаткам науки о звездах. / Вступительная статья, пер. и прим Б. А. Розен-

фельда, А. Ахмедова // Абу Райхан Беруни. Избр. произведения. Т. VI. Ташкент: Фан, 1975. 328 с.

Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). / Пер.: А. М. Беленицкий. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 518 с.

Аверьянов Ю. А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя. М.: Изд. дом Марджани, 2011. 661 с.

Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, глав. ред. вост. лит-ры, 1972. 595 с.

Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. М.: Наука-Восточная литература, 2018. 895 с.

Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) // Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский. / Сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2021. 320 с.

Акимушкин О. А. Бекташийя // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, глав. ред. вост. лит-ры, 1991. 315 с. С. 39–41.

Ал-Бируни. Собрания сведений для познания драгоценностей (Минералогия). / Пер. А. М. Беленицкий. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 600 с.

Алексеев В. М. Восток и наука о Востоке // Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982.

Алексеев Н. А. Денежное обращение округа византийского Херсона в VII в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Сб. научн. тр., т. XI*. М., 2005. 618 с.

Аяш Ж. Очерки марокканской истории. / Пер. с франц. С. П. Гавриша. М.: «Прогресс», 1982. 382 с.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. *Сочинения*. т. 2 (1). М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 1024 с.

Бартольд В. В. Введение к изданию Худуд ал-‘āлам // *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. VIII. М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1973. 724 с.

Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения // *Сочинения*. Т. IX. М.: Изд-во восточной литературы, 1977. 969 с.

Бартольд В. В. Халиф и султан // *Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата*. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002; 784 с.

Баскаков И. Д., Тимохин Д. М. Биография Хаджеба Барака в сочинении Насир ад-Дина Мунши Кермани // *Вестник института востоковедения РАН*. 2022. № 1(19). С. 81–93.

Бейлис В. М. Арабо-испанское географическое сочинение XII в. «Китаб ал-Джа‘рафиййа» и его сведения о странах Европы // *Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока. Сборник научных статей памяти профессора В. М. Бейлиса*. Луганск: Изд-во Луганского национального университета, 2008. 254 с., (1) л. портр.

Беляев Е. А. *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье*. М.: Наука, 1966. 283 с.

Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов). / Изд. Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020. 440 с.

Близнюк С. В. 1489 г. Чей Кипр: венецианский или египетский? // *Вестник Московского университета*. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 3. С. 42–58.

Близнюк С. В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв.: дисс... д-ра ист. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2016.

Большаков О. Г. Ал-Истахри – Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времен в семи томах / Под ред. М. Усманова и Р. Хакимова. Казань: РухИЛ, 2006. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. С. 745–752.

Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VII–середины XIII вв. Социально-экономические отношения. М.: Наука, 1984, 344 с.

Большаков О. Г. Хумс // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1991. 315 с.

Босворт К. Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971. 324 с.

Булгаков П. Г., Розенфельд Б. А., Ахмедов А. Мухаммад ал-Хорезми: около 783-около 850. М.: Наука, 1983. 240 с.

Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Ч. 1. Изд. 2. СПб., 1904.

Валеев Р. М. Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.). Lambert, 2019. 303 с.

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Hartmut Walravens, Эрдман А. В. Востоковед Эрдман Франц (Эрдман Ф. И.) (1795–1862) и его наследие в архивах России и Германии // V Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Москва, 17–19 ноября 2021 г. М., 2021. С. 43–45.

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Эрдман А. В. Профессор-ориенталист Франц Эрдман в Казанском университете (1818–1845 гг.) // Эхо веков–Гасырлар авазы. 2021. № 2. С. 88–102.

Валеев Р. М., Эрдман А. В., Валеева Р. З. Профессор-ориенталист Франц Эрдман в истории казанского востоковедения (1818–1845) // Немцы в Санкт-Петербурге: Биогра-

фический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2022. С. 295–310.

Веселовский Н. И. 30 лет ученой деятельности барона В. Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. С. 157–161.

Видясова М. Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1987. 301 с.

Гаркави А. Я. Туле (Thule) в арабской географии // Записки Императорской Академии Наук. СПб, 1873. С. 145–158.

Географическая карта мира ал-Хорезми по книге «Сурат ал-арз». Введение и интерпретация карты С. Разийи Джаф-ри; Вводное исследование Ю. С. Мальцева / Предисл. и ред. К. С. Айни. Душанбе, Сринагар: Дониш, 1985. 135 с.

Гмыря Л. Б. Данные письменных источников об оборонительных сооружениях на Восточном Кавказе в эпоху великого переселения народов. // *ACTA HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию*. 2018. № 2. С. 120–131.

Гордлевский В. А. И. Ю. Крачковский (общая характеристика) // Советское востоковедение. 1947. № IV. С. 13–18.

Гринин Л. Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2006. 560 с.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. О типологических характеристиках государственности в Османском Египте XVI–XIX вв. (к постановке проблемы) // Восток (Oriens). 2009. № 3. С. 35–51.

Гульбин Г. Г. Биобиблиографический словарь русских и советских арабистов. Часть 2-я. М–Я // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. IV. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2014. С. 290–294.

Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1983.

Дорн Б. А. Академик Френ и его научная деятельность // Ученые записки Имп. Академии наук. 1855. Т. 3. Вып. 2. С. 431–465.

Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время: Учеб. Пособие. М.: Изд-во МГУ, 1992. 248 с.

Загоскин Н. П. История Имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Казань, 1902.

Зайцев И. В. О книжном собрании Ф. Эрдмана, находящемся в отделе редких книг Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 1/2. С. 227–231.

Замечания во время путешествия по берегам Камы и в Оренбургскую губернию // Заволжский муравей 1834:2, с. 76–89; 6, с. 324–347; 1, с. 157–161.

Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во СПб-ГУ, 2007. 370 с.

Ибн Маммати. Правила диванов. Пер. С. Б. Певзнер. М.: Наука, 1990. 135 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. / Пер. Н. М. Велиханова (Велиханлы). Баку: Элм, 1986. 428 с.

Из истории казанской иранистики: Сборник документов./ Отв. сост. Л. В. Горохова; сост. О. Е. Пантелеева, О. В. Федотова, Н. А. Шарангина. Казань: Главное архивное управление при Кабинете министров Республики Татарстан, 2013. 208 с.

Ислам в Западной Африке. / Отв. ред. А. М. Васильев. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1988. 268 с.

История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. Сборник документов и материалов. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 1118 с.

История отечественного востоковедения до середины XIX в. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1997. 534 с.

История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 1997. 534 с.

Казем-Бек Мирза А. К. О появлении и успехах восточной словесности в Европе и упадке ее в Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. Ч. XI. Отд. II. С. 243–269.

Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М.: Наука, 1988. 181 с.

Калинина Т. М. Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 84–99.

Калинина Т. М. Константинопольский пролив по воззрениям арабских средневековых ученых (до ал-Идриси) // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 137–162.

Калинина Т. М. Редкая арабская карта морей XII в. // Освоение мира. Памятные страницы Арабского Востока (колл. монография). М.: ИВ РАН, 2020. С. 41–50.

Калинина Т. М. Бахр ас-сакалиба арабских географов // Арабский и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии (колл. монография). М., ИВ РАН, 2021. 288 с.

Кириллина С. А., Орлов В. В. Североафриканский ислам в канун эпохи перемен: учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2022. 245 с.

Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1995. 319 с.

Ковалевский О. М. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Императорском Казанском университете до настоящего времени. Казань, 1842. 36 с.

Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 254 с.

Коновалова И. Г. Север Евразии в арабской средневековой географии // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. М.: Аквилон, 2016. Вып. 3. С. 217–235.

Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX–X вв.). М., Изд-во «Весь Мир», 2018. 280 с., илл.

Кононов А. Н. Слово о Х. Д. Френе (23.V.1782–16.VII.1851). К 200-летию со дня рождения // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982 г. Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 3–11.

Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 919 с.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 564 с.

Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1993. 448 с.

Луконин Ю. В., Подгорнова Н. П. История Мавритании в новое и новейшее время. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1991. 199 с.

Мазитова Н. А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 255 с.

аль-Макризи Таки ад-Дин Ахмад ибн Али. *Китаб Игасат ал-умма би-каиф ал-гумма*. Пер. Э. Р. Агаев, Ф. М. Асадов; ред. О. Г. Большаков, Н. В. Негря, М.: Наука – Восточная литература, 2023. 158 с.

ал-Мас ‘уди Абу-л-Хасан. Книга предупреждения и пересмотра: часть I / Перевод с арабского В. М. Бейлиса; издание подготовили по материалам В. М. Бейлиса Т. М. Калинина, О. Б. Бубенок. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 664 с.

Материалы для истории факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Т. IV. Обзор деятельности факультета. 1855–1905, составленный проф. В. В. Бартольдом. СПб., 1909. 206 с.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М.: Наука, 1966. 474 с.

Микульский Д. В. Биографии мусульманских ученых в *ал-Манхал ал-‘азб фи тарих Тарабулус ал-Гарб* // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова. / Под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. Российская академия наук. Институт востоковедения. М.: Наука – Восточная литература, 2016; 871 с.

Микульский Д. В. Ливийский писатель и его страна. О конференции «Пустыня и литература» (Университет Себхи, Ливия), посвященной творчеству Ибрахима ал-Куни // Восток. Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. М.: Наука, 2006. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 106–116.

Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном обществе. Ленинград: Госфиниздат, 1948. 264 с.

Мишин Д. Е. Ещё одна восточная параллель к «Повести временных лет»: легенда о смерти поэта Уфнуна ат-Таглиби и летописное известие о гибели Олега Вещего // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная

Европа и мир ислама. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 864 с.

Мишин Д. Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 696 с.

аль-Музаффарийа. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября. 1872–1897. СПб., 1897.

Мустафаев Ш. М. Восточная Анатолия от Ак-Коюнлу к Османской империи. М.: Восточная литература, 1994. 224 с.

ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. / Пер. З. М. Бунятов. Баку: Элм, 1973. 450 с.

Немецкий профессор Франц Эрдман и его арабомусульманские исследования в Казани (1819–1845 гг.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 20–29 апреля 2021 г.): тезисы докладов научной конференции / МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки; Отв. ред. Н. С. Кулешов. М.: Изд-во Московского университета, 2021. С. 12–13.

Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. (П–Я). М., 2006. 893 с.

Ольденбург С. Ф. Коссович Каетан Андреевич // Этюды о людях науки. / Сост. А. А. Вигасин. М.: РГГУ, 2012. 477 с.

Ольденбург С. Ф. Этюды о людях науки. / Сост. А. А. Вигасин. М.: РГГУ, 2012. 477 с.

Орешкова С. Ф. Из истории посреднической торговли в Османской империи в конце XV – начале XVI в. Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1979. С. 187–194.

Орешкова С. Ф. Османская империя: очерки истории. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2018. 587 с.

Орлов В. В. Крах ваххабитской модели в Магрибе: реформы марокканского султана Мулай Слимана (1792–1822 гг.). // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1993. № 4. С. 24–32.

Орлов В. В. Традиционная социальная организация Алауитского Марокко (середина XVIII – начало XIX века). Концепции–структуры–взаимосвязи. М.: Дерево жизни, 1998. 172 с.

Орлов В. В. Поклонение силам природы в магрибинском «народном исламе» (XVIII–XIX вв.). Человек и Природа в духовной культуре Востока. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. С. 221–242.

Орлов В. В. Реформы Мулай Слимана в Марокко (1811–1822 гг.): оригинальность и заимствования // Модернизация арабского мира в контексте аналогичных процессов в России, странах Востока и Восточной Европы (начальный этап XIX – начало XX в.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. С. 31–33.

Орлов В. В. «Выборная» монархия? Клятва верности (бай'а) и личность султана в истории Алауитского Марокко (XVIII–XIX вв.). // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2009. № 4. С. 28–44.

Памяти академика В. Р. Розена: Статьи и материалы к столетию со дня его смерти (1908–1948). / Ред. И. Ю. Крачковский. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.

Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В. Р. Розена. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII. С. 1–48.

Переписка академиков А. Е. Крымского и И. Ю. Крачковского 1920–1930-х годов (Публикация И. М. Смилянкой). Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., Изд-во «Индрик», 2002. 486 с., илл.

Подосинов А. В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // *Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В.* «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Изд-во «Языки славянских культур; Знак», 2007. 360 с.

Подосинов А. В. О связи Азовского моря с северным Океаном и Черным морем в античной географии // *Аристей.* 2014. Вып. 10. С. 345–350.

Правила издания серии «Памятники письменности Востока». М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1966. 83 с.

Прошин Н. И. История Ливии в Новое время (середина XVI – начало XX в.). М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1981. 288 с.

Ромодин В. А. Новые материалы для биографии академика Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1972. С. 111–115.

Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855. 83 с.

Систани Малик Шах-Хусайн. Хроника воскрешения царей (Та’рих-и ихйа’ ал-мулук). / Пер. Л. П. Смирнова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 607 с.

Тарих-и Систан («История Систана»). / Пер. Л. П. Смирнова. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1974.

Тизенгаузен В. Г. Заметка в память Х. Д. Френа // Северная пчела. 1860. № 183.

Тизенгаузен В. Г. Френовы рукописи и академик Дорн. Варшава, 1877. 15 с.

Тимохин Д. М. Описание судьбы городов Хорасана и Мавераннахра в годы монгольского нашествия в арабо-персидских географических сочинениях // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 100–112.

Тимохин Д. М. О некоторых дискуссионных сюжетах относительно похода Чормагана в Иран в мусульманских источниках // Золотоордынское обозрение. 2022. № 10(2). С. 314–331.

Тимохин Д. М. Феномен поздней кара-китайской историографии // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023.

Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. Москва, София: ИД «Гелиос», 2002. 480 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Х. М. Френ – нумизмат и эпиграфист (К 200-летию со дня рождения) // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. XIV. С. 176–179.

ал-Халаби, Мухаммад. Поход эмира Йашбека. / Пер. З. М. Бунятов, Т. Б. Гасанов. Баку: Элм, 1985. 97 с.

Хмелева Н. Г. К вопросу о значении алжирского государства, возглавленного эмиром Абд аль-Кадиром (1832–1847) // Арабские страны. История. / Отв. ред. Е. А. Лебедев. М.: Восточная литература, 1963. 212 с.

Чекин Л. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. М., 1999. 368 с.

Шамов Г. Ф. Роль востоковедов Казанского университета в изучении Монголии и Китая (первая половина XIX века). Дисс... канд. ист. наук. Казань, 1956.

Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) / Отв. ред. Р. М. Валеев, пер. с англ. Т. И. Зяппарова, М. В. Поникаровской; подготовка к изданию, предисл., коммент. Р. М. Валеева, Т. И. Зяппарова, Т. В. Костиной, О. А. Кириковой; вступ. ст. Н. Н. Дьякова, И. Ф. Поповой, И. В. Тункиной. Казань: Изд-во «Артифакт», 2015. 214 с.

Abitbol M. Histoire du Maroc. Paris: Perrin, 2009. 822 с.

An Abridged Translation of the History of Tabaristan compiled about A. H. 613 (A. D. 1216) by Muhammad b. Al-Hasan b. *Isfandiyar*. Ed. E. G. Browne. Leiden: E. J. Brill, 1905. 376 с.

Abun-Nasr J. M. The Tijaniyya: a Sufi Order in the Modern World. Oxford: Oxford University Press, 1965. 204 с.

Agnouche A. Histoire politique du Maroc. Pouvoir, légitimités, institutions. Casablanca: Afrique Orient, 1987. 367 p.

Al-Battani sive *Albatenii Opus Astronomicum*. Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. A. Nallino. Pars I. Mediolani, 1903. 412 p. Pars III. Mediolani, 1899. 286 p.

Annoshahr A. The Ghazi Sultans and the Frontiers of Islam: a Comparative Study of Late Medieval and Early Modern Periods. New York: Routledge, 2009. 196 p.

Ashtor, E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. Berkeley: University of California Press, 1976. 384 p.

Aubin E. Le Maroc d'aujourd'hui. 2-e ed. Paris: Librairie Armand Colin, 1905. 500 p.

Bennison A. K. Jihad and its Interpretations in Pre-colonial Morocco. State-society Relations during the French Conquest of Algeria. London: Routledge, 2002. 224 p.

Bennison A. K. Liminal States: Morocco and the Iberian Frontier between the Twelfth and Nineteenth Centuries. // North Africa, Islam and the Mediterranean World: from the Almoravids to the Algerian War. Ed. J. Clancy-Smith. London, Portland (Or.): Frank Class, 2001. 202 p.

Berque J. L'intérieur du Maghreb, XVe–XIXe siècle. Paris: Gallimard, 1978. 546 p.

Bosworth C. E. Historical Information from Ibn Funduq's Tarikh-i Bayhaq (563/1167–68) // Iran. 2010. Vol. 48. P. 81–106.

Bousquet G. H. L'islam maghrébin. Introduction a l'étude générale de l'islam. 4-ème éd. Alger: La Maison des Livres, 1955. 243 p.

Boyer P. Contribution à l'étude de la politique religieuse des Turcs dans la régence d'Alger // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. Vol. 1. Aix-en-Provence: Association pour l'étude des sciences humaines en Afrique du Nord, 1966. P. 11–50.

Brignon G., Abdelaziz A., Boutaleb B. et. a. Histoire du Maroc. Paris: Hatier, 1967. 415 p.

Burke E. Morocco and the Near East: Reflections on Some Basic Differences // Archives européennes de sociologie. 1969. Vol. 10. № 1. P. 70–94.

Cahlaoui T. Creating the Mediterranean: Maps and the Islamic Imagination. Leiden; Boston: Brill, 2018. 370 p.

Cat E. L'islamisme et les confréries religieuses au Maroc // Revue des deux mondes. 1898. Vol. 149. 2-ème livraison. P. 375–404.

Christiani Fraehn de qvibvsdam Semanidarvm ac Bvidarvm nvmis schediasma, ex lingua arabica in latinam vertit notvliisqve instrvxit Franciscus Erdmann // URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb10741616?page=5> (дата обращения: 25.06. 2023).

Combs-Shilling M. E. Sacred Performances: Islam, Sexuality and Sacrifice. New York: Columbia University Press, 1989. 377 p.

Compendium libri Kitab al-Boldan auctore *Ibn al- Fakih al-Hamadani*. Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1885. 394 p.

Coureas N. Commercial Relations between Genoese Famagusta and the Mamluk Sultanate, 1374–1464 // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk eras VII. Proceedings of the 16th, 17th and 18th International Colloquium Organized at Ghent University in May 2007, 2008 and 2009. Ed. U. Vermeulen, K. D’hulster and J. Van Steenberghe. Leuven – Paris – Walpole, MA: Uitgeverij Peeters en Departement Oosterse Studies, 2013. Bosworth C. E. P. 329–350.

Dakhli J. Dans la mouvance du prince: la symbolique du pouvoir itinérant au Maghreb // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1988, № 3. C. 735–760.

Danziger R. Abd-el-Qadir and the Algerians: Resistance to the French and Internal Consolidation. New York: Holmes & Meiers, 1977. 300 c.

Deny J. ‘Abd al-Madjid I // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986 1359 p.

Deny J. Mushir // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. VII. Leiden – New York: E. J. Brill, 1993. 1058 p.

Doutté E. Notes sur l’islam maghrébin: les marabouts // Revue de l’histoire des religions. 1899. Vol. 40. P. 343–369; 1900. Vol. 41. P. 22–66, 289–336; 1900. Vol. 42. P. 92–112.

Duclos L.-J. Réflexions sur le nationalisme marocain // Les nationalismes maghrébins. Par L.-J. Duclos e. a. Paris: Fondation nationale des sciences politiques, 1966. 97 p.

Early Byzantine Copper Coins (EBCC): Catalogue of an English Collection. The Online Catalogues, 2019. URL: <https://www.byzantine-ae.info/>

Eickelman D. F. Ideological Change and Regional Cults: Maraboutism and Ties of «Closeness» in Western Morocco // *Regional Cults*. Ed. by R. P. Werbner. London – New York – San Francisco: Academic Press, 1977. 256 p.

An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The “Book of Curiosities”. Ed. Y. Rapoport., E. Savage-Smith. Leiden; Boston: Brill, 2014. 689 + XII p. + 163 ill.

Emerit M. L’Algérie à l’époque d’Abd-el-Kader. Paris: Éditions Larose, 1951. 302 p.

Encyclopædia Britannica. Vol. 10 (11th ed.). Cambridge University Press.

Essadiki A. Les Rēhamna depuis leur installation au Sahara jusqu’à 1862 // *Antiquités africaines*. 2001. No. 37. P. 131–138.

Ferhat H. Al-Zuhri, Muhammad b. Abi Bakr // *Encyclopaedia of Islam*. New ed. Leiden: Brill, 2002. Vol. XI. 566 p.

Frähn C. M. De quibusdam Samanidarum as Buidarum numis schediasma, e lingua Arabica in latinam vertit, notulisque instruxit Fr. Erdmann. Gottingen, 1816.

Franz von Erdmann (1793–1862) als Orientalist in Kazan. Im Spiegel seiner Briefe an Christian Martin Frähn. Die Jahre 1818–1820 / Hrsg. H. Walravens, N. Serikoff. BoD-Books on Demand, Norderstedt, 2021. 89 p.

Fück J. W. Frähn, Christian // *Neue Deutsche Biographie*. 5 (1961). P. 309–310 [Online-Version]; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd104228458.html#ndbcontent>. (дата обращения: 12.06.2022).

Fuess A. Mobile Metals. On the Role of Natural Resources in the Geopolitical Context of the Eastern Mediterranean and the Middle East in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *Transottoman Matters. Objects Moving through*

Time, Space, and Meaning / Eds. A. Blaszczyk, R. Born und F. Riedler. Göttingen: V & R Unipress, 2021. P. 61–82.

Gaïd M. L'Algérie sous les Turcs. Tunis: Maison tunisienne de l'édition, 1974. 255 p.

García-Arenal M. Sainteté et pouvoir dynastique au Maroc: la résistance de Fès aux Sa'diens // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1990. No. 4. P. 1019–1042.

Gellner E. Saints of the Atlas. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 317 c.

Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvayni. Ed. and tr. J. A. Boyle. Manchester: University Press, Seattle: University of Washington Press, 1997.

Gsell S., Marçais G., Yver I. Histoire de l'Algérie. Paris: Boivin, 1929. 327 p.

Guerid Dj. L'Exception algérienne. La modernisation à l'épreuve de la société. Alger: Casbah Éditions, 2007. 334 p.

Hammoudi A. Master and Disciple: the Cultural Foundations of Moroccan Authoritarianism. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 222 p.

Har-El S. Struggle for Domination in the Middle East. The Ottoman-Mamluk War 1485–1491. Leiden, New York, Koln: E. J. Brill, 1995. 238 p.

Hattox R. S. Qaytbay's diplomatic dilemma concerning the flight of Cem Sultan (1481–82) // *Mamlūk Studies Review*. 2002. Vol. 6. P. 177–190.

Historiam Elmuluk wabhulafâ wawelâ mekke es's'urafâ in compendium redactam Auctore *Takkieddino Muhammede fil. Muhammedis fil. Alii*, Ex Cod. ms. arab. Bibliothecae Tychsenianae primum edidit notisque illustravit Franciscus Erdmann. Partic. I. Casani: Typis Universitatis Caesaris, 1822.

The History of Cartography / Ed. by J. B. Harley and David Woodward. Chicago; London: The University of Chicago Press,

1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. xxiv + 579, 40 col. Pls.

A History of Persian literature. Volume X. Persian historiography. / Ed. Ch. Mellville. London, New York: I. B. Tauris, 2012. 725 p.

Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι: Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, Winter's Universitätsbuchhandlung, 1929. 247 c.

Hrbek I. The Disintegration of Political Unity in the Maghrib // General History of Africa. Vol. IV. Africa from the Twelfth to the Sixteenth Century. / Ed. by D. T. Niane. Paris, London, Berkeley (Cal.): UNESCO, Heinemann Educational Books, University of California Press, 1984. 780 p.

Ibn Muhammad al-Mousallem. Résumé historique sur le soulèvement des Der'aoua de la province d'Oran. Trad. A. Delpech // Revue africaine. 1874. Vol. 18. P. 92–148.

Ibn Wādhīh qui dicitur *al-Ja'qubī* Historiae. / Ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883. T. I. 315 p.

Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London: Phoenix, 1995. 258 p.

Irwin R. Egypt, Syria and Their Trading Partners, 1450–1550 // Carpets of the Mediterranean Countries 1400–1600 / Eds. R. Pinner, and W. B. Denny. London: Hali OCTS, 1986. P. 73–82.

Jamous R. Honneur et baraka: les structures sociales traditionnelles dans le Rif. Cambridge–Paris: Cambridge University Press, Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1981. 303 p. Disponible sur Internet: <<http://books.openedition.org/editionsmsmh/15250>>.

Johnson D. The Maghrib // The Cambridge History of Africa. T. 5. C. 1790 – c. 1870. Ed. by J. E. Flint. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 634 p.

Kaddache M. L'Algérie durant la période ottomane. Alger: Office des publications universitaires, 1998. 239 p.

Kitāb al-Dja'rāfiyya: Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (III–IX s.) rééditée et commentée par Zuhri (VIe/XIIe s.). Ed. M. Hadj-Sadok // Bulletin d'Études Orientales. 1968. T. 21. P. 7–312.

Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu'l-Kāsim 'Obaidallah ibn 'Abdallah *Ibn Khordādhbeh*... Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, Brill, 1889. 308 p.

Das Kitāb Surat al-ard des Abu Ğa'far Muhammad Ibn Musa al-Huwarizmi's. Hrsg. H. von Mžik. Leipzig: Harrassowitz, 1926. S. XXI + 163.

Kitāb at-tanbih wa-l-ishraf auctore al-Masūdi. / Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, Brill, 1894. 508 p.

Kreiser K. Odjak // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. VIII. Leiden: E. J. Brill, 1995. P. 1955.

Lewicki T. Bałtik w opisach autorów arabskich IX–X w. // Przegląd Orientalistyczny. Wrocław, 1949. Zesc. 1. C. 52–67.

Lewicki T. Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // *Slavia antiqua*, 1961, t. VIII. C. 61–124.

Kovalev R. K., Kaelin A. C. Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia: Preliminary Observations. // *History Compass*. 2007. No. 5(2). P. 560–580.

Lacroix N., de Martinière H., de. Documents pour servir à l'étude du Nord-Ouest africain, réunis et rédigés par ordre de M. Jules Cambon. T. 3. Alger, 1896. 552 p.

Lambton A. K. S. Persian Local Histories: the Tradition behind them and the Assumptions of their Authors // *Yād-nāma*. Vol. I. Islamistica. / Ed. S. Amoretti, L. Rostagno. Roma: Bardi Editore, 1991. 524 p.

Laroui A. Les origines sociales et culturelles du nationalisme marocain (1830–1912). Casablanca: Centre Culturel Arabe, 2009. 480 p.

Laroui A. L'histoire du Maghreb: un essai de synthèse. Paris: Maspéro, 1970. 372 p.

Levi A. Mahmud II//Mahmud, the name of two Ottoman sultans // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. VI. Leiden: E. J. Brill, 1991. 1044 p.

Lost maps of the Caliphs. Drawings the World in Eleventh-Century Cairo. / Ed. Y. Rapoport, E. Savage-Smith. Chicago; London: Brill, 2018. 349 p., 24 ill.

Maçoudi. Les Prairies d'or. Ed. C. Barbier de Meynard, A. Pavet de Courteille. T. I. Paris, 1861. XII+408 p.

Mantren R. Karamanli // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. IV. Third Impression. Leiden: E. J. Brill, 1997. P. 617–619.

Martin B. G. Muslim Brotherhoods in 19th century Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 275 p.

Martínez Martín L. Teorías sobre las mareas según un manuscrito árabe del siglo XII // Memorias de la Real Academia de las Buenas Letras de Barcelona. Vol. XIII-1, 1971. P. 135–212.

Melville Ch. Persian Local Histories: Views from the Wings // Iranian Studies. Vol. 33, No. 1/2 (Winter – Spring, 2000). P. 7–14.

Melville Ch. The Caspian provinces: a world apart three local histories of Mazandaran // Iranian Studies. 2000. № 33(1–2). P. 45–91.

Mihaylov S. Some Remarks about Monetary Policy in the Reign of Byzantine Emperors Phocas (602–610) and Heraclius (610–641) // Revista de Cercetări Arheologice și Numismatice (5). P. 361–376.

Mojuetan B. A. Legitimacy in a Power State: Moroccan Politics in the Seventeenth Century during the Interregnum // International Journal of Middle East Studies. 1981. Vol. 13. No. 3. P. 347–360.

Montagne R. Les Berbères et le makhzen dans le Sud du Maroc. Essai sur la transformation politique des Berbères sédentaires (groupe chleuh). Paris: Librairie Félix Alcan, 1930. 426 p.

Montet E. Les confréries religieuses de l'islam marocain: leur rôle religieux, politique et social // Revue de l'histoire des religions. 1902. Vol. 45. P. 1–35.

Montet E. Le culte des saints musulmans dans l'Afrique du Nord et plus spécialement au Maroc. Genève: Librairie Georg & Cie, Libraires de l'Université, 1909. 86 p.

Morsy M. Les Ahansala. Examen du rôle historique d'une famille maraboutique de l'Atlas marocain au XVIIIe siècle. Paris: Maison des Sciences de l'homme and Mouton & Co, 1972. 70 p.

Morsy M. North Africa 1800–1900: A Survey from the Nile Valley to the Atlantic. London: Longman, 1984. 356 p.

Mouliéras A. Le Maroc inconnu. T. 2. Oran, 1899. 226 p.

al-Muqni' min aḥbār al-mulūk wa-al-ḥulafā' wa-wulāt Makka' al-šurafā' (ta' līf Taqī al-Dīn Muḥammad ibn Aḥmad al-Ḥusnī al-Fāsī [1373–1429]). De manuscripto persico Iskenderi Menesii eruditius huius usque incognito disseruit Franciscus Erdmann. Casani, 1822. VIII. 28 p.

Murphey R. Yeni çeri // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. XI. Leiden: Brill, 2002. 575 p.

Muslu C. Y. Attempting to Understand the Language of Diplomacy between the Ottomans and the Mamluks (1340s-1512) // Archivum Ottomanicum. 2013. No. 30. P. 247–267.

Mžik H. Osteuropa nach der arabischen Geographikḥ ‘ujḥgesiV des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1936. Bd. 43. H. 3–4. P. 161–193.

Mžik H. Ptolemaeus und die Karten des arabischen Geographen//Mitteilungen der Kaiserlich-Königlichen geographischen Gesellschaft. Wien, 1915. S. 152–175.

Nastich V. N. A Survey of the Abbasid copper coinage of Transoxiana, [n. y.]. URL: https://www.academia.edu/3734886/A_Survey_of_the_Abbasid_Copper_Coinage_of_Transoxiana

Naṭanzī, Mu‘īn al-Dīn. *Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu’ini (Anonyme d’Iskandar).* / Ed. J. Aubin. Tehran: Librairie Khayyam, 1957. 492 p.

Naylor Ph. C. North Africa: A History from Antiquity to the Present. Austin: University of Texas Press, 2009. 355 p.

Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Berlin; Heidelberg; New York, Springer-Verlag, 1975. 573 p.

Opus geographicum auctore *Ibn Hauḳal* (Abū’l-Ḳāsim Ibn Hauḳal al-Naṣībī). / Ed. J. H. Kramers. Lugduni Batavorum: Brill, 1938–1939. Fasc. 1–2. 526 p.

Opuscula postuma. СПб., 1851–1877.

Ozbaran S. Kapudan Pasha // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. IV. Third Impression. Leiden: E. J. Brill, 1997. 1188 p.

Péchoṭ L. Histoire de l’Afrique du Nord avant 1830, précédée de la géographie physique et politique de la Tunisie, de l’Algérie et du Maroc. Vol. III. Alger, 1914. 323 p.

Pellow T. The Adventures of Thomas Pellow, of Penryn, Mariner. London: T. F. Unwin – New York: Macmillan & Co., 1890. 379 p.

Pellow T. The History of the Long Captivity and Adventures of Thomas Pellow, in South Barbary. London: R. Goadby, 1750. 388 p.

Petry C. F. Protectors or Praetorians? The Last Mamluk Sultans and Egypt's Waning as a Great Power. Albany: State University of New York Press, 1994. 280 p.

Pinta P. Libie. Genève: Editions Olizane, 2005. 309 p.

Pinto K. C. Medieval Islamic Maps. An Exploration. Chicago and London, The University of Chicago Press, 2016. 406 p.

Pourshariati P. Local Historiography in Early Medieval Iran and the Tārīkh-i Bayhaq // Iranian Studies. Vol. 33. No. 1/2 (Winter – Spring, 2000). P. 133–164.

Pyatnitsky Y. New Evidence for Byzantine Activity in the Caucasus During the Reign of the Emperor Anastasius I. // American Journal of Numismatics. 2006. No. 18. P. 113–122.

Reinfandt L. Mamlukische Sultansstiftungen des 9./15. Jahrhunderts. Nach den Urkunden der Stifter al-Ašraf Īnāl und al-Mu'ayyad Aḥmad Ibn Īnāl. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2003. 469 s.

Romero-Girón Deleito J. Historia de la Cartografía, la evolution de los mapas. Segunda parte. El mundo medieval de Bizancio al Renacimiento. Madrid: Edición Personal, 2019. 154 p.

Salamé Gh. Sur la causalité d'un manque: pourquoi le monde arabe n'est-il donc pas démocratique? // Revue française de science politique. 1991. Vol. 41. No.3. P. 307–341.

Shatzmiller M. The role of money in the economic growth of the early Islamic period (650–1000). // American Journal of Comparative Law. 2005. No. 3(4). P. 271–305.

Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman

Empire, 1280–1808. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 351 p.

Shcheglov D. Hipparchus' Table of Climata and Ptolemy's Geography // *Orbis terrarium: Internationale Zeitschrift für Historische Geographie der Alten Welt*, Stuttgart, 2003–2007, Franz Steiner Verlag, No. 9. P. 159–172.

Sievert H. Der Herrscherwechsel im Mamlukensultanat. Historische und historiographische Untersuchungen zu Abū Ḥāmid al-Qudsī und Ibn Taḡrībīrdī. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2003. 184 s.

Soucek S. Torghut Re'is // *Encyclopaedia of Islam*. New Edition. Vol. X. Leiden: Brill, 2000. P. 570–571.

Sunan *Abī Dāwūd*. Vol. 3. Ed. A.Z. 'A. Za'î, tr. N. Al-Khattab. Riyadh: Darussalam, 2008. 626 p.

Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. / Ed. Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān, tr. H. G. Raverty. London, 1881. Vol. I–II. 1296 p.

Ta'rīkh-i-Jahān-gushā of 'Alā'u d-Dīn 'Aṭa Malik-i *Juwaynī* (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). Part II. Containing the History of the Khwarazm-Shah Dynasty. / Ed. M. Qazvīnī. Leyden, E. J. Brill, London, Luzac & Co., 1916. 472 p.

Ta'rīkh-i-Jahān-gushā of 'Alā'u d-Dīn 'Aṭa Malik-i *Juwaynī* (composed in A.H. 658 = A.D. 1260). Part III. Containing the history of Mangú Qá'án, Húlágú, and the Ismá'ilīs / Ed. by Qazvīnī, Muḥammad. Leyden, E. J. Brill; London, Luzac & Co., 1937. 590 p.

Temudschin der Unerschütterliche. Nebst einer geographisch-ethnographischen Einleitung und den erforderlichen besondern Anmerkungen und Beilagen von Professor Dr. Franz von Erdmann. Leipzig, 1862. XIV. 647 s.

Terrasse H. Histoire du Maroc (Édition abrégée). Casablanca: Éditions Atlantides, 1952. 236 p.

Tibbets J. R. The Balkhī School of Geographers // The History of Cartography. / Ed. J. B. Harley and D. Woodward. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. 603 p.

Tibbets J. R. The Beginnings of a Cartographic Traditions // The History of Cartography / Ed. By J. B. Harley and David Woodward. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992. Vol II. Book 1: Cartography in the Traditional Islamic and South Asian societies. 603 p.

Touati H. Entre Dieu et les hommes. Lettrés, saints et sorciers au Maghreb (17e siècle). Paris: Éditions de l'EHESS, 1994. 311 p.

Touati H. Prestige ancestral et système symbolique sharifien dans le Maghreb central du XVIIe-ème siècle // Arabica. 1992. Vol. XXXIX. P. 1–24.

Tschudi R. Bektashiyya // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I. Photomechanical Reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986. 1359 p.

Valensi L. Le Maghreb avant la prise d'Alger (1790–1830). Paris: Flammarion, 1969. 140 p.

Venzke M. L. The Case of a Dulgadīr-Mamluk Iqtā': A Re-Assessment of the Dulgadīr Principality and Its Position within the Ottoman-Mamluk Rivalry // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2000. Vol. 43 (3). P. 399–474.

Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi *al-Istakhri*. Ed. M.-J. De Goeje. Leiden, Brill, 1870. 348 p.

Wieber R. Nordwesteuropa nach der arabischen Bearbeitung der Ptolemäischen Geographie von Muhammad B. Musa al-Huwarismi (Beiträge zur Sprach- und Kulturgeschichte des

Orients, Bd. 23.) Walldorf–Hessen: Verlag für Orientkunde Dr. H. Vorndran, 1974. 141 s.

Wiedemann E. – [*Samsó J.*] Al-Kharaki // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. IV. Leiden, Brill, 1997. 1188 p.

Windus J. A Journey to Mequinez, the Resident of the Present Emperor of Fez and Morocco, on the Occasion of Commodore Stewart's Embassy Thither from the Redemption of the British Captives in the Year 1721. London, 1725. 251 p.

Wing P. Submission, Defiance, and the Rules of Politics on the Mamluk Sultanate's Anatolian Frontier // Journal of the Royal Asiatic Society. 2015. Vol. 25 (3). P. 1–12.

Woods J. E. The Aqquyunlu: Clan, Confederation, Empire. Salt Lake City: The University of Utah Press, 1999. 343 p.

Zachariadou E. A. Orchan // Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. VIII. Leiden: E. J. Brill, 1995. 1060 p.

Fraehn Ch. Китаб сигат ба'д ад-дарахим ал-лати дараба-ха бану Сасан уа бану-д-Дайлами уа му'заму-ха гайр ма'лум инда ахль аль-ильм ила аль-йаум уа накл хатт китабати-ха аль-куфи [Книга о внешнем виде некоторых дирхемов, чеканенных Сасанидами и дейлемитами и донине в большинстве своём неизвестных науке, с отображением надписей на них куфийским письмом]. Казань, 1808.

Абу Мухаммад аль-А'раби. Китаб фурхат аль-адиб [Книга радости образованного человека]. Изд. М. А. Султани. Дамаск: Матба'ат Дар аль-китаб, 1981. 280 с.

Абу-ль-Фарадж ... аль-Исфахани. Китаб аль-агани [Книга песен]. Ч. 3–4. Бейрут: Дар ихйа ат-турас аль-араби, 1994. 552 с.

аль-‘Аййаши, Абу Салим Абдуллах ибн Мухаммад. Ма' ал-мава'ид. Рихлат аш-шайх Аби Салим ал-‘Аййаши [Вода пиршеств. Путешествие шейха Абу Салима ал-‘Аййаши]. Т. 2. Фес, 1898. 368 с.

Амули, Маулана. Тарих-и Руйан [История Руяна]. Тегеран: Чапханей-е Даварпенах, 1930. 260 с.

аль-‘Аутаби ас-Сухари. аль-Ансаб [Родословные]. Изд. М. Ихсан ан-насс. Маскат: Уизарат ат-турас аль-кауми уа-с-сакафа, 2006. Ч. 1. 516 с.

Ахмад бак аль-Ансари ат-Тарабулуси. аль-Манхаль ал-‘азб *фи тарих Тарабулус аль-Гарб* [[Книга, подобная] сладководному источнику об истории Западного Триполи]. London: Дараф ал-Махдуда, 1984. 400 с.

аль-Байхаки. Далаиль ан-нубувва уа ма‘рифат ахуаль сахиб аш-шари‘а [Доказательства бытия [Мухаммада] Пророком и знание о делах сподвижников Основателя шариата]. / Изд. ‘А. Кал‘аджи. Т. 6. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмий-йа, 1988. 574 с.

Байхаки, Захир ад-Дин. Тарих-и Байхак [История Байхака]. Тегеран: Чапханей-и Техран, 1938.

аль-Балазури. Китаб джумаль мин Ансаб аль-ашраф [Полный текст «Родословных выдающихся людей»]. Ч. 1. / Изд. С. Заккар, Р. Заркали. Бейрут: Дар аль-фикр, 1996. 504 с.

ад-Даркауи, Мухаммад аль-‘Араби. Маджму‘ат раса’иль Аби Абдуллах Мухаммад аль-‘Араби ад-Даркауи аль-Хасани фи-т-гасаввуф уа адабихи [Собрание посланий Абу Абдуллаха Мухаммада аль-Араби ад-Даркауи аль-Хасани о суфизме и суфийской этике] [Б. м., б. г.].

аль-Джахиз. Китаб аль-хайаун [Книга о животных]. / Изд. А. М. Харун. Каир: Шарикат мактабат уа матба‘ат Муштафа аль-Баби аль-Халаби уа аулади-хи би Миср, 1954. 516 с.

ад-Ду‘айф ар-Рабати, Мухаммад ибн ‘Абд ас-Салам. Тарих ад-Ду‘айф ар-Рабати. Тарих ад-даула аль-‘алауиййа ас-са‘ида мин наша’тиха ила ‘ауахир ‘ахд Маула Сулайман [История Ду‘айфа Рабатского. История счастливой Алау-

итской династии от ее основания до окончания правления Мулай Сулаймана]. 1043/1633–1238/1812. Т. 2. Касабланка: Дар аль-матура, 1988. 692 с.

аз-Заййани. аль-Бустан аз-зариф фи даулат аулад Мулай аш-Шариф [Красивый сад [повествования] государства потомков Мулай аш-Шарифа]. / Изд. Р. аз-Зауийа. Рисани, Марказ ад-дирасат ал-алауийа, 1992. 508 с.

Ибн аль-Асир. аль-Камил фи-т-тарих [Полное изложение истории]. / Изд. А.‘А. аль-Кади. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘илмийа, 1987. Т. 1. 626 с.

Ибн аль-Джи‘ан. аль-Кауль аль-мустазраф фи сафар Маулана аль-Малик аль-Ашраф [Занимательная речь о путешествии нашего владыки ал-Малика ал-Ашрафа]. / Изд. ‘А.ас-С. Тадмури. Триполи: Jarrus Press, 1984. 196 с.

Ибн Зайдан, Маула Абд ар-Рахман. Итхаф а‘лам ан-нас би джамал ахбар хадират Микнас [Одарение выдающихся мужей народа полным изложением событий столичного города Мекнеса]. Т. 3 Каир: Мактабат ас-сакафа ад-динийа, 2008. 691 с.

Ибн Ийас. Бадаи аз-зухур фи вакаи ад-духур [Редкие цветы среди событий эпохи]. / Изд. М. Мустафа. Leipzig, Istanbul, Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1936. Т. 3. 469 с.

Ибн Исхак. Сират Ибн Исхак аль-мусамма би Китаб аль-мубтада уа аль-маб‘ас уа аль-магази [Жизнеописание, [составленное] Ибн Исхаком и названное «Книга начала, возникновения пророческой миссии [Мухаммада] и [его] походов»]. / Изд. М. Хамидуллах. Фес: Ма‘хад ад-дирасат уа аль-абхас уа ат-та‘риб, 1976. 396 с.

Ибн Кутайба. аль-Ма‘ариф [[Книга] знаний]. / Изд. С. Укаша. Каир: Дар аль-ма‘ариф, 1981. 818 с.

Ибн Мансур. Лисан аль-араб [Язык арабов]. / Изд. А.А. аль-Кабир, М. А. Хасабуллах, Х.М. аш-Шазили. Каир: Дар аль-ма‘ариф, 1984. 5748 с.

Ибн ан-Надим. Фихрист [Указатель]. Каир: аль-Матба‘а ар-рахманиййа, 1929/30.

Ибн Тагри Бирди. ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср уа-л-Кахира [[Книга, подобная] блестящим звездам о владыках Египта и Каира]. / Изд. М. Х. Шамс ад-Дин. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘ильмиййа, 1992. Т. 16. 359 с.

Ибн Халдун. Тарих [История]. Каир: Дар аль-китаб аль-мисри, Бейрут: Дар аль-китаб аль-лубнани, 1999. Т. 3. 720 с.

Ибн аль-Химси. Хауадис аз-заман уа-уафайат аш-шуйух уа-ль-акран [События эпох и некрологи старцев и современников]. / Изд. А. Ф. Харфуш. Бейрут: Дар ан-нафа‘ис, 2000. 664 с.

Ибн Хишам. Сират ан-Наби [Жизнеописание Пророка]. / Изд. М.Ф. ас-Саййид. Танта: Дар ас-сахаба ли-т-турас би Танта, 1995. Ч. 1. 528 с.

Йакут. Му‘джам аль-бульдан [Справочник по странам и поселениям]. Бейрут: Дар Садир, Дар Бейрут, 1955. Т. 1. 540 с.; 1957. Т. 3. 470 с.

аль-Кадири, Мухаммад ибн ат-Тайиб. Нашр ал-масани ли ахль аль-карн аль-хади ‘ашар уа-с-сани (Опубликование двустийший о людях XI и XII веков [хиджры]). / Публ. М. Хаджжи и А. ат-Тауфика. Т. 2. Рабат: Дар аль-Магриб ли-т-та’лиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1977–1986.

Кермани, Афзал ад-Дин. Китаб акт аль-‘ула ли-ль-маукиф аль-а‘ла [Книга Небесного предписания, установленного свыше]. / Изд. М. И. Бастани Паризи. Тегеран: Рузбехан, 1977. 150 с.

Кермани, Насир ад-Дин Мунши. Симт ал-‘ула ли-ль-хадра ал-‘улийа [Ожерелье из рубинов для благородных господ]. / Изд. И. Аббас. Тегеран: Шеркат Сахами Чап, 1949. 162 с.

Китаб сигат ба‘д ад-дарахим ал-лати дарабу-ха бану Саман уа бану ад-Дайлами уа му‘заму-ха гайр ма‘лум лада ахль аль-‘ильм ила аль-йаум уа накль хатт китабатиха аль-куфи [Книга о внешнем виде некоторых дирхемов, которые чеканились Саманидами и Дейлемидами и по большей части доньше неизвестны учёным, с передачей куфийских надписей на них]. Казань, 1808.

аль-Макризи. Китаб Игасат ал-умма би-кашф ал-гумма [Помощь верующим разъяснением причин бедствия]. Каир: Ладжнат ат-талиф уа ат-тарджама уа ан-нашр, 1940. 92 с.

аль-Макризи. Шузур аль-‘укуд фи зикр ан-нукуд [Крупинки ожерелий в памятных [известиях] о деньгах]. / Изд. М. Бахр аль-‘улум, Наджаф: аль-Мактаба аль-хайдарийя уа матба‘уха, 1387/1967. 44, 318 с.

аль-Малати. Найль аль-амаль фи зайль ад-Дуаль [Достижение ожидания относительно продолжения «Держав»]. / Изд. У. А. Тадмури. Бейрут, Сайда: аль-Мактаба аль-‘асрий-йа, 2002. Т. 6. 472 с.; Т. 7. 470 с.

Мар‘аши. Тарих-и Табарестан ва Руйан ва Мазандаран [История Табаристана, Руюна и Мазандарана]. / Изд. М. Х. Тасбихи. Тегеран: Шах-Абад, 1966. 394 с.

аль-Мас‘уди. Мурудж аз-захаб уа ма‘адин аль-джаухар [Промывальни золота и рудники драгоценных камней]. Изд. Ch. Pellat. Ч. 1, 2. Бейрут: аль-Джами‘а аль-арабийя, 1966. Ч. 1. 328 с.; Ч. 2. 422 с.

Махлуф, Мухаммад ибн Мухаммад. Шаджарат ан-нур аз-закийя фи табакат ал-маликийя [Древо умственного света в поколениях маликитов]. Т. 1. Бейрут: аль-Матба‘а ас-салафийя, 1930. 321 с.

Мохаммад ибн Ибрахим. Таварих-е ал-е Сальджук [История Сельджукидов]. / Изд. M. Th. Houtsma. Lugduni-Batavorum, 1886. 237 с.

Мухаммад ибн Абд аль-Кадир (аль-Джаза'ири). Тух-фат аз-за'ир фи ахбар аль-Джаза'ир ва ма'асир амир Абд аль-Кадир [Дарение паломнику относительно событий в Алжире и подвигов эмира Абд аль-Кадира]. Бейрут: Дар ас-сакафа, 1964. 442 с.

ан-Насири, Абу-ль-Аббас Ахмад ибн Халид. Китаб аль-истикса ли ахбар дувваль аль-Магриб аль-акса [Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба]. Т. 1–9. Касабланка: Дар аль-китаб, 1954–1956. Т. 7. 224 с.; Т. 8. 219 с.

ас-Сайих аль-Хасан. Аль-хадара аль-магрибийя. Аль-бидайя ва-ль-истимрар [Магрибинская цивилизация. Начало и продолжение]. Т. 3. Рабат: Маншурат аль-Указ, 2004. 157 с.

ас-Сайрафи. Инба аль-хаср фи абна аль-аср [Возвращение льву о сыновьях века]. Изд. Х. Хабаш. Каир: аль-Хай'а аль-мисриййа аль-'амма ли-ль-китаб, 2002. 526 с.

ас-Са'лаби. Кисас аль-анбийа аль-мусамма 'Ара'ис аль-маджалис [Рассказы о пророках, именуемые «[Прекрасные, как] невесты, беседы, которые ведут, сидя вместе»]. Каир: Шарикат мактабат уа матба'ат Мустафа аль-Баби аль-Халаби уа аулади-хи би Миср, 1954. 452 с.

ас-Сахауи. Уаджиз аль-калам фи аз-зайл 'ала Дуал аль-ислам [Краткая речь в дополнение к «Странам ислама»]. Бейрут: Муассасат ар-Рисала, 1995. 1296 с.

Систани, Малик Шах-Хосейн б. Малик Гийас ад-Дин Мохаммад б. Шах Махмуд. Ихйа' ал-мулук [«Воскрешение царей»]. / Изд. М. Сотуде. Тегеран: Зибя Пресс, 1966. 620 с.

ат-Табари. Тарих ар-русуль уа аль-мулук [История пророков и царей]. / Изд. М. А. Ибрахим. Каир: Дар аль-ма'ариф, 1968. Ч. 1. 638 с.

Тарих аль-Бусрауи [История аль-Бусрауи]. Дамаск, Бейрут: Дар аль-Мамун ли-т-Турас, 1988. 276 с.

Тарих Шахий-е Кара-Хитайан-е Керман [История кара-китайских правителей Кермана]. / Изд. М. И. Бастани Паризи. Исфахан: Джемиеш, 1970/71. 364 с.

Хаймар Абд ас-Салам. ал-Магриб: ал-ислам ва-л-хадаса (1 – ал-Катиб ал-махзани) [Марокко: ислам и обновление. 1 – Автор-чиновник]. Мекнес: Матба'ат Саиди, 1997. 136 с.

Хишам бин Мухаммад аль-Калби. Ифтирак вульд Ма'адд. / Изд. А.М. 'Убайд. Абу Даби: Хай'ат Абу Забили-с-сакафа ва-т-турас, Дар аль-кутуб аль-уатанийя, 2010. 149 с.

Шалаби С. С. 'Айн ас-са'их фи 'умк ат-тарих [Взгляд идущего в глубь истории]. Мадинат Тарабулус. [Триполи]: Ифранджи, 2001. 77 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСАДОВ Фарда Магеррам оглы – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории и экономики арабских стран Института востоковедения им. З. М. Буниатова Национальной академии наук Азербайджана. Область научных интересов – история арабского халифата в период ранних Аббасидов, политические и экономические аспекты взаимодействия арабов и местного населения в восточных областях халифата, тюрки в арабском халифате, хазары в истории евразийских народов. Автор нескольких десятков научных публикаций, в том числе монографий «Арабские источники о тюрках в раннее средневековье» (1993), «Хəзərləg və Azərbaycan» (Хазары и Азербайджан)” (2018, на азербайджанском языке) «Таки ад-Дин Ахмад б. Али аль-Макризи. Помощь верующим разъяснением причин бедствия», перевод с арабского и комментариев» (2023).

ВАЛЕЕВ Рамиль Миргасимович – доктор исторических наук, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Область научных интересов – история и историография Востока, история и науковедение российского востоковедения. Среди последних исследований выделя-

ются авторские и коллективные монографии: Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.) (Lambert, 2019), Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек (СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020), Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышпен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т. А. Пан, В. Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек (СПб.; Казань, 2021), Памяти И. М. Смилянкой: эпистолярное наследие А. Е. Крымского и российских востоковедов из архивов России и Украины (к 150-летию со дня рождения) // Зеркала: Современные направления исследований арабской филологии в России: коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2021 и др.

ВАЛЕЕВА Роза Закариевна – кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, зав. кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова. Область научных интересов – теория и методика преподавания иностранных языков, межкультурные коммуникации и история российского востоковедения. Среди последних исследований выделяются: (Р. З. Валеева, Р. Р. Сагитова) Мобильные технологии формирования самообразовательной компетенции студентов вуза в обучении иностранным языкам: подкастинг // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. 2020. № 2 (БАК); (Р. З. Валеева,

С. Л. Яковлева) Использование антонимии в зарубежном рекламном тексте // *Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук*. 2021. № 7 (БАК); (Г. А. Вильданова, Р. З. Валеева) Повышение мотивации к изучению филологических дисциплин средствами современных масс-медиа // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства*. 2020. № 1 (БАК); (Рафикова А. Н., Валеева Р. З.) Методический прием *icebreaker activities* как фактор повышения мотивации к изучению иностранного языка // *Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования. Материалы IV международной научно-практической конференции*. Казань: Познание, 2022. № IV; (Валеева Р. З., Пинегина И. Н.) Роль метода *shadowing* в процессе обучения произнесению тонов китайского языка // *Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования. Материалы IV международной научно-практической конференции*. Казань: Познание, 2022. № IV и др.

ИЛЮШИНА Милана Юрьевна – профессор кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). Область научных интересов – история и культура арабских стран, мамлюковедение. Основные публикации: «Ал-Ашраф Инал (1453–1461) и аз-Захир Хуш-кадам (1461–1467): две модели формирования мамлюкской политической элиты», «Караман в политике Султаната мамлюков (XIV–XV вв.)», «Основные направления внутренней и внешней политики султана аз-Захира Джакмака (842–857/1438–1453)», “*Ottoman Patterns in Mamluk Culture in Egypt (16th – 18th centuries)*”.

КАЛИНИНА Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории Российской академии наук. Область научных интересов – информация арабо-персидских источников о Европе и Средней Азии. Автор около 300 статей и материалов для докладов по избранной теме, в том числе сборника статей «Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников)», глав в коллективных монографиях.

КИРИЛЛИНА Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова. Область научных интересов – история ислама и арабского мира, история изучения Востока в России и за рубежом. Автор более 200 научных и учебно-методических трудов, включая монографии «Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX века)» (1989) и «Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века» (2000), «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий» (2010), «Североафриканский ислам в канун эпохи перемен» (2022; совместно с В. В. Орловым), а также серию статей, посвященных культурным контактам Востока и Запада.

МИКУЛЬСКИЙ Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН, действительный член Императорского православного палестинского общества. Основные публикации: «Арабский Геродот» (М., 1998), «Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас‘уди “Золотые копи

и россыпи самоцветов”» (М., 2006), Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди «Золотые копии и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947)» (М., 2002) (пер.), «Книга о завоевании Йемена» (М., 2004) (пер.), «“Благоуханный сад для духовных услад” учёнейшего шейха Сиди Мухаммада ибн Мухаммада ан-Нафзави» (М., 2008) (пер.).

МИШИН Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук. Область научных интересов – история Сасанидской державы и её отношений с арабами, история арабов в доисламскую эпоху. Автор ряда научных работ, в том числе монографий «Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха», «История государства Лахмидов».

ОРЛОВ Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Область научных интересов – исламские институты в истории и политической культуре стран Северной Африки. Автор более 140 научных и учебно-методических публикаций, включая монографии «Традиционная социальная организация алауитского Марокко. Концепции – структуры – взаимосвязи» (М.: Древо жизни, 1998) и «Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние» (М.: Изд-во Московского университета, 2008; совместно с М. Ф. Видясовой).

СОЛОВЬЕВА Дарья Владимировна – выпускник кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА

МГУ им. М. В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры арабской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. Сфера научных интересов – общественно-политическое развитие традиционного Марокко, исламские институты Северной Африки. Автор более 10 научных публикаций, в том числе 4-х статей в журналах, рецензируемых ВАК, и 2-х авторских разделов в коллективных монографиях.

ТИМОХИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения Российской академии наук. Область научных интересов – Хорезм и сопредельные регионы накануне и в эпоху монгольского нашествия, держава Сельджукидов Хорасана, локальные династии Ирана в домонгольский период. Автор более 140 научных статей, а также монографий «Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха», «Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв.» (совместно с В. В. Тишиным), «‘Ала’ ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг.».

Научное издание

Проблемы истории и источниковедения Ближнего Востока и Северной Африки в Средние века и Новое время

Редактор: *Н. А. Сидоркина*

Корректор: *М. Я. Колесник*

Дизайнер: *П. А. Трошина*

Верстальщик: *Н. Я. Быкова*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):

58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 15.12.2023 г. Формат 60х90/16

Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 500 экз. Заказ № 1966

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*

107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33